

Министерство образования Республики Беларусь  
Белорусский государственный университет  
Юридический факультет  
Кафедра конституционного права

Актуальные проблемы нормотворческой деятельности  
и правоприменения в Беларуси

сборник материалов III научного семинара студентов, магистрантов и  
аспирантов, 24 апреля 2025 г.

Минск  
2025

УДК 342(476)(06)  
А 437

Решение о депонировании вынес:  
Совет юридического факультета  
27 мая 2025 г., протокол № 8

Редакционная коллегия:  
Г. А. Василевич (отв. ред.),  
Т. М. Киселёва, Т. С. Масловская

Рецензенты:

Щербик Д. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры  
теории и истории государства и права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,

Ладутько В.К., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой  
государственно-правовых дисциплин факультета права УО «Белорусский  
государственный экономический университет».

Актуальные проблемы нормотворческой деятельности и  
правоприменения в Беларуси : сборник материалов III научного семинара  
студентов, магистрантов и аспирантов, 24 апреля 2025 г., Минск / БГУ,  
Юридический фак., Каф. конституционного права ; [редкол.:  
Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 146 с. – Библиогр.  
в конце статей.

В сборник вошли материалы III научного семинара студентов,  
магистрантов и аспирантов «Актуальные проблемы нормотворческой  
деятельности и правоприменения в Беларуси», организованного кафедрой  
конституционного права юридического факультета Белорусского  
государственного университета 24 апреля 2025 года. Адресуется научным и  
практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам  
юридических учреждений высшего образования.

Текст материалов публикуется в авторской редакции.

УДК 342

## ПОСТМОРТАЛЬНАЯ РЕПРОДУКЦИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

*А.С. Балащенко*

*студентка 3 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. С. Масловская, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматривается правовая природа и актуальные проблемы постмортальной репродукции. Анализируются международный опыт и законодательство Республики Беларусь, России и других стран. Особое внимание уделено коллизиям, связанным с отсутствием согласия умершего, вопросами наследования и социального обеспечения детей. Обосновывается необходимость правового регулирования данной технологии и предлагаются конкретные меры для включения в национальное законодательство.

**Ключевые слова:** постмортальная репродукция; вспомогательные репродуктивные технологии; репродуктивные права; соматические права; криоконсервация.

Одним из важнейших индикаторов социального благополучия государства является демографическая динамика. Отметим, что Республика Беларусь в последние годы демонстрирует отрицательные демографические тенденции: согласно данным Белстата, численность населения за период последних пяти лет сократилась на 257 тыс. человек [1]. В числе возможных мер по исправлению данной ситуации рассматривается активное применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), развитие которых в последнее десятилетие получило значительный импульс.

Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» определяет вспомогательные репродуктивные технологии как методы оказания медицинской помощи, при которых отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях. На сегодняшний день, достижения репродуктивной медицины предоставляет возможность искусственного оплодотворения и рождения детей в том числе после смерти одного из потенциальных биологических родителей. В науке данный

процесс получил название «постмортальная репродукция» (от лат. *post mortem* – после смерти). Реализация данного вида вспомогательных репродуктивных технологий осуществляется как правило *in vitro* («в пробирке») с использованием генетического материала одного или обоих родителей, подвергнувшегося криоконсервации.

Впервые в мире подобная процедура была реализована в 1999 году, когда был зачат первый ребенок с использованием биологического материала, извлеченного из тела отца после его смерти. Однако, также достаточно обсуждаемым стал случай беременности в результате постмортального оплодотворения, произошедший до этого в Британии в 1997 году. Супруга мужчины, умершего от менингита, попросила врачей осуществить забор его биологического материала, пока муж находился в коме. Однако суд запретил ей не только использовать генетический материал супруга, руководствуясь убеждением о том, что его предварительное согласие на такое использование отсутствовало, но и также вывозить материал в Бельгию, где такие процедуры не запрещены. Таким образом, женщина смогла транспортировать биологический материал покойного мужа в Бельгию только после обжалования дела в апелляционный суд [2, с. 139].

Международная практика варьируется: в большинстве стран, в том числе в Дании, Франции, Швеции и Канаде, посмертное извлечение биологических материалов запрещено [3, с. 13]. В Великобритании данная процедура разрешается только в том случае, если мужчина ранее выразил свое согласие на использование его материала. Также в Израиле и США данная процедура осуществляется вполне легально, а в некоторых штатах США (Вайоминг, Вашингтон, Техас, Юта и другие) мужчина может считаться отцом, если ребенок рожден в течение 300 дней после его смерти [4, с. 393]. Тем не менее, по нашему мнению, наиболее полно вопрос постмортальной репродукции урегулирован в Кыргызстане. Закон Кыргызской Республики от 12 января 2024 г. № 14 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» прямо указывает, что граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов. Использовать половые клетки, находящиеся на хранении, в целях воспроизводства потомства, в случае смерти лица имеют право супруг (супруга), отец, мать, дети, родные братья и сестры (п. 6 ст. 57). То есть, закон разрешает прямое распоряжение биологическим материалом умершего в целях воспроизведения рода. В

Российской Федерации же первая постмортальная программа суррогатного материнства была реализована в 2005 году.

Таким образом, на сегодняшний день процедура постмортальной репродукции не получила повсеместного правового регулирования, и во множестве стран необходимая законодательная база для ее применения отсутствует, в том числе и в Республике Беларусь. Более того, ст. 18 Закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» прямо запрещает использование невоstreбованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий половых клеток пациента, умершего или объявленного в судебном порядке умершим. Помимо того, закон также запрещает использование невоstreбованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий эмбрионов в случае смерти или объявления одного из супругов умершим в судебном порядке.

Что касается российского законодательства, отметим, что Федеральный Закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает использование тела, органов и тканей умершего в медицинских, научных и учебных целях при наличии его письменного добровольного согласия об использовании и обязательно нотариально удостоверенного. Однако вопрос прижизненного предоставления биологического материала и использования его после смерти законодательством не охватывается, то есть согласие лиц, уже предоставивших свой генетический материал на постмортальную репродукцию как ее необходимое условие прямо не предусмотрено, нет указаний и на судебный порядок его установления и разрешения посмертной репродукции. Таким образом, исходя из анализа законодательства Российской Федерации мы можем сделать вывод, что вопрос постмортальной репродукции в государстве четко не урегулирован, поскольку действующие нормативные правовые акты не содержат норм, прямо определяющих судьбу генетического материала, в том числе и эмбрионов, помещенных на хранение, в случае гибели человека. Помимо того, нигде не говорится о возможности родственников погибшего заявлять требование о передачи биологического материала для его использования в целях репродукции. Тем не менее, на уровне Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что: «Если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение 300 дней с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное». Однако, указание времени, в течение которого

должен родиться ребенок для признания умершего супруга отцом, говорит о том, что законодатель не учитывал вариант посмертного зачатия.

Учитывая обозначенные недостатки правового регулирования постмортальной репродукции, отметим, что, по нашему мнению, именно они порождают плеяду проблемных аспектов. К таким аспектам относится, в том числе, проблема наличия письменного согласия лица на подобное использование его биологического материала после смерти. Предполагается, что отсутствие такого согласия будет противоречить нормам морали и этики, поскольку каждый из нас имеет естественные права, которые нужно уважать, независимо от того человек покинул этот мир или нет. Помимо того, безусловно, одной из наиболее насущных проблем, связанных с осуществлением данной процедуры, является вопрос о наследовании, а также о социальных гарантиях для детей, появившихся на свет подобным образом. В этой связи важным шагом стало Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 года по жалобе Марии Щаниковой, которая родила двойню с помощью процедуры ЭКО, используя замороженный биоматериал своего умершего мужа. Гражданка обратилась в Пенсионный фонд с просьбой назначить пенсию по потере кормильца для своих детей, зачатых после смерти их отца с помощью ВРТ. Однако ей было отказано, поскольку, по мнению фонда, а также судов общей юрисдикции, отец не мог содержать детей, родившихся после его смерти, а решение о зачатии было принято матерью самостоятельно. Конституционный Суд РФ не согласился с этим подходом, указав, что дети имеют право на пенсию, так как смерть отца лишила их потенциальной поддержки, а использование его биоматериала свидетельствует о его намерении стать родителем. Данное постановление является весомым шагом вперед для сферы репродуктивной медицины, поскольку подчеркивает необходимость адаптации законодательства к новым технологиям, аспекты применения которых должны учитываться в законодательстве.

Подводя итог, мы можем сделать следующий вывод. На сегодняшний день реализация программ постмортальной репродукции в Республике Беларусь невозможна. Однако, по нашему мнению, постмортальные вспомогательные репродуктивные технологии требуют урегулирования в национальном законодательстве. Полагаем возможным введение в Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях» отдельной главы, определяющей содержание и условия осуществления данной процедуры; помимо того, условием без которого применение программ постмортальной репродукции будет незаконным, может стать выражение мужчиной при

жизни письменного согласия на признание его отцом ребенка, рожденного с помощью вспомогательных репродуктивных технологий уже после его смерти. Кроме этого, дополнительной регламентации в законодательстве также требует форма и порядок выражения подобного согласия, а также вопросы установления происхождения детей, рожденных в результате данной процедуры, их наследственных прав и социальных гарантий.

#### **Список использованных источников:**

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] – URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 07.05.2025).
2. Романовский, Г. Б. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий (на примере суррогатного материнства): монография / Г. Б. Романовский. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 264 с.
3. Алламярова, Н. В. Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции / Н. В. Алламярова, Э. К. Санакоева, А. С. Гаракев // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2018. – №11-12. – С. 13–19.
4. Поздеева, В. С. Проблемы установления отцовства в постмортальной репродукции / В. С. Поздеева // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 390–396.

#### **УДК 342.3**

### **ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА**

*А. Д. Браусов*

*студент 3 курса, юридический факультет, Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук, доцент*

**Аннотация.** В данной статье исследуется проблема обеспечения цифрового суверенитета на основе сравнительного анализа отечественных и зарубежных подходов к его определению. Рассмотрено соотношение изучаемого явления со сходными правовыми институтами. Выделены и обобщены отличительные признаки цифрового суверенитета. Автор приходит к выводу о том, что в вопросах соотношения терминов для описания сущности цифрового суверенитета существует проблема, связанная с

подменой понятий, что приводит к отсутствию единства правового регулирования изучаемого объекта.

**Ключевые слова:** цифровой суверенитет; суверенитет в сфере цифрового развития; киберсуверенитет; интернет-суверенитет; технологический суверенитет; суверенитет киберпространства.

Цифровые технологии настолько прочно вошли в нашу повседневную жизнь, что уже сложно представить, каким образом может функционировать тот или иной институт, орган, организация или государство в целом без их использования в своей деятельности. При всех своих видимых преимуществах и перспективах использования таких технологий, современное общество часто не обращает внимания на те угрозы, которым подвергается мировое сообщество при неправильно выбранном подходе в использовании современных технологических решений в своей деятельности. Соответствующие проблемы охватываются концепцией цифрового суверенитета, которая на данный момент еще не полностью сформирована.

Следует отметить, что существенной проблемой, возникающей при изучении данной концепции, является отсутствие единого подхода к определению сущности цифрового суверенитета. Это находит свое отражение в изучении отечественных и зарубежных подходов к определению данного явления.

Так, Р. Пош, профессор Грацского университета им. Карла и Франца, в своих трудах определяет цифровой суверенитет как «способность человека или общества обладать полным знанием и контролем над тем, куда передаются данные и кто имеет к ним доступ» [1, р. 79].

Полагаем, что данное определение раскрывает одно из направлений, обеспечиваемых цифровым суверенитетом – цифровой суверенитет личности. Тем самым автор, раскрывая сущность рассматриваемого явления, подчеркивает первичность личности по отношению к государству в контексте обеспечения цифрового суверенитета.

Не менее интересный подход изложен в докладе, опубликованном во время председательства Германии в Европейском союзе, в соответствии с которым «цифровой суверенитет представляет собой не четко определенную концепцию, а скорее политическое видение соответствующего социально-экономического порядка, в основном направленное на сокращение существующих и будущих зависимостей в цифровизированном мире» [2].



Ценность рассматриваемого подхода заключается в том, что цифровой суверенитет в таком случае раскрывается через понятие цифровой стабильности.

Нельзя также не согласиться с позицией о том, что понятие цифрового суверенитета «стало гораздо более всеохватывающим, относящимся не только к вопросам коммуникации в Интернете и связи, но и к более широким вопросам цифровой трансформации обществ» [3].

Необходимо уделить особое внимание подходам к определению цифрового суверенитета, предлагаемым в рамках гармонизации законодательства государств-участников СНГ. Так, в ст. 2 Модельного закона «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2023 года № 55-9, цифровой суверенитет государства понимается как способность государства самостоятельно создавать и использовать в различных сферах деятельности собственные цифровые сети, программное обеспечение и цифровые технологии, которые являются критически важными для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, а также возможность государства определять и проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в цифровом пространстве.

Полагаем, что данное определение не совсем полно отражает возможности достижения и обеспечения цифрового суверенитета. Указанная позиция основана на том, что данная дефиниция указывает на один единственный способ достижения цифрового суверенитета – способность самостоятельно создавать и использовать цифровые технологии. Однако следует выделять больше направлений обеспечения цифрового суверенитета.

Законодательство Республики Беларусь не использует дефиницию «цифровой суверенитет», для обозначения исследуемого объекта используется иной термин – суверенитет Республики Беларусь в сфере цифрового развития. Данный подход нашел свое отражение в Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 года №1074 (далее – Концепция).

Полагаем, что в рамках проводимого исследования целесообразно использовать категории «цифровой суверенитет» и «суверенитет в сфере

цифрового развития» как синонимичные, поскольку по содержанию указанные термины равнозначны.

В соответствии с указанным актом под цифровым суверенитетом понимается неотъемлемое право государства управлять государственной информационно-коммуникационной инфраструктурой и информационными ресурсами, осуществлять над ними контроль, защищать свои интересы, проводить независимую внешнюю и внутреннюю государственную политику в сфере цифрового развития.

В ходе анализа указанного определения, возникает необходимость выделить следующие признаки цифрового суверенитета:

неотъемлемость, под которой следует понимать неотчуждаемость, неотделимость данного права от совокупности прав и обязанностей государства как субъекта международного права;

объектами обеспечения и правового регулирования выступают государственная информационно-коммуникационная инфраструктура и информационные ресурсы;

в объем правомочий включается управление, осуществление контроля, защита интересов, а также проведение независимой политики.

В результате изучения подхода Республики Беларусь к определению термина «цифровой суверенитет» следует отметить, что, в большей степени, его признаки раскрываются через сущностные характеристики структуры: объект, объем правомочий и цели обеспечения.

К сожалению, в доктрине недостаточно уделено внимания не только самому феномену цифрового суверенитета, но и выделению его признаков. В связи с этим, считаем необходимым на основании проведенного анализа научных источников, изложить авторский подход к определению признаков цифрового суверенитета.

Так, следует выделить следующие его признаки:

1. неотъемлемость, неотчуждаемость, неотделимость от иных прав и обязанностей государства;

2. одновременно является и правом, и обязанностью государства (данный признак вытекает из трактовки ч. 1 ст. 59 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка);

3. стабильность в области программного обеспечения и аппаратных решений. В данном случае сущность цифрового суверенитета раскрывается через другое определение – цифровая стабильность;

4. контроль над обработкой данных личности, общества и государства и их хранением.

Нельзя также не отметить, что анализ изученных источников, посвященных проблематике обеспечения цифрового суверенитета, позволяет сделать вывод о том, что цифровой суверенитет может рассматриваться в двух направлениях:

с технической точки зрения: цифровой суверенитет – наличие у государства собственных высокотехнологических продуктов для решения задач самой широкой направленности. При этом следует отметить, что в термин «наличие» следует вкладывать не только создание своих технологических решений, но и эффективное использование иных решений, созданных другими государствами;

с функциональной точки зрения: цифровой суверенитет – способность государства использовать цифровые ресурсы, проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику в сфере цифрового развития.

Таким образом, проведя комплексный анализ изучаемого объекта, возникает необходимость предложить иной подход к его определению. Так, цифровой суверенитет – состояние цифровой стабильности, заключающееся в защищенности интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в сфере создания, использования и контроля за современными цифровыми технологиями, при котором существует способность государства сохранять устойчивость функционирования цифровой экономики.

Для обозначения феномена изучаемого явления в научной литературе используется широкий круг определений: суверенитет киберпространства, киберсуверенитет, технологический суверенитет, интернет-суверенитет и др. В связи с этим, для формирования комплексного подхода к изучению указанного явления, а также во избежание формирования ошибочных умений, навыков и компетенций в цифровой сфере следует провести их разграничение.

Так, суверенитет киберпространства в научной литературе понимают в двух взаимосвязанных направлениях:

1. как концепцию, в соответствии с которой вопросы регулирования глобальной компьютерной сети Интернет выходят за рамки государственного суверенитета [4].

Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать сущность данной концепции считаем целесообразным процитировать написанную в 1996 году Г. Барлоу Декларацию независимости киберпространства. Обратимся к

первым строкам документа: «Правительства Индустриального Мира, Вы – утомленные гиганты плоти и стали, – я пришел из Киберпространства, новой обители мышления. От имени будущего, я прошу Вас из прошлого, оставить нас наедине. Вас не звали к нам. Вы не имеете никакой власти там, где мы возрастаем» [5].

Полагаем, что данный подход к определению понятия «суверенитет киберпространства» имеет право на существование, однако, с другой же стороны, он является противоположностью государственного суверенитета;

2. как возможность реализации «минимального государственного суверенитета» в киберпространстве посредством выработки общего консенсуса относительно базовых стандартов Интернета [6, р. 656].

Таким образом, анализ доктринальных источников позволяет сделать вывод о том, что суверенитет киберпространства ограничивается вопросами правового регулирования и использования глобальной компьютерной сети Интернет, что является лишь одним из направлений обеспечения цифрового суверенитета.

В свою очередь, термин «киберсуверенитет» является синонимом термина «суверенитет киберпространства». Так, основной тезис данной концепции заключается в том, что киберсуверенитет – естественное распространение национального суверенитета на киберпространство.

Киберсуверенитет распространяется на инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), модели управления, общество, организации, отдельных лиц, а также на все данные и информацию. Границы распространения киберсуверенитета определяются как сухопутными, морскими и воздушными границами государства, так и границами Сети – национального сегмента глобального киберпространства [7, с. 7].

Существует также и иной подход к определению термина «киберсуверенитет». Так, Э.Ю. Анциферова определяет его как понятие, которое используется в области управления информационно-коммуникационными технологиями для характеристики стремления правительств осуществлять контроль над таковыми в пределах своих границ, включая политическую, экономическую, культурную, технологическую и иные виды деятельности [8, с. 13].

Важность обеспечения суверенитета в рассматриваемом направлении следует продемонстрировать на конкретном практическом примере. Так, в качестве такого примера Б. Х. Браттон называет ситуацию 2010 г., когда между Никарагуа и Коста-Рикой едва не началась война из-за изменений в

цифровом представлении границы между двумя государствами на Google

Однако анализ различных подходов позволяет говорить о том, что неверно отождествлять понятия «цифровой суверенитет», «киберсуверенитет», «суверенитет киберпространства», поскольку первое из определений является наиболее широким, иные же являются синонимичными по отношению друг к другу.

Встречается также немало научных работ, посвященных вопросам соотношения понятий «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет». Под технологическим суверенитетом в различных источниках понимается способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать их от экономик других стран без односторонней структурной зависимости [10, с. 9].

Нельзя также не обратить внимание и на подход органов исполнительной власти на определение сущности технологического суверенитета. Так, в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 855 «Об обеспечении технологического суверенитета» указано, что под ним понимается способность Республики Беларусь располагать важными для обеспечения благосостояния населения и конкурентоспособности критическими технологиями (товарами), а также возможность их самостоятельно разрабатывать или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости.

Как мы видим, из указанных определений вытекает закономерный вывод о том, что есть предпосылки для рассмотрения технологического суверенитета с позиции цифрового суверенитета с технической точки зрения. Значит, технологический суверенитет должен рассматриваться как составная часть цифрового суверенитета.

Нельзя не обратить внимание на практические примеры обеспечения суверенитета в рассматриваемом направлении. Например, в декабре 2021 г. в Канаде было временно отключено 4000 правительственных веб-сайтов из-за уязвимости, обнаруженной в Apache Log4j – утилите для ведения журналов на основе Java [11]. Данным отключением были вызваны значительные простои, приведшие к высоким денежным потерям. Такие потери, как указывается в научных источниках, не могут быть эффективно описаны с помощью традиционных атрибутов надежности, таких как доступность, надежность, безопасность, целостность [12, р. 24]. Это

обуславливает необходимость в еще одном атрибуте, который учитывает влияние зависимости производителя и надежности.

В связи с этим был предложен технологический суверенитет, и определен как способность организации предоставлять технологию путем ее разработки или эффективного аутсорсинга, не вызывая зависимости от конкретного поставщика. Тем не менее, разработка всех технологий исключительно собственными силами нецелесообразна для любой организации.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, следует отметить, что в вопросах соотношения терминов для описания сущности цифрового суверенитета, существует проблема, связанная с подменой понятий, когда для описания изучаемого явления используются термины, не отражающие в полной мере специфику цифрового суверенитета. В связи с этим и возникает проблема в отсутствии единого комплексного подхода в правовом регулировании данных правоотношений.

#### **Список использованных источников:**

1. Digital Sovereignty and IT-Security for a Prosperous Society / Posch, R. // Proceedings of the 11-th European Computer Science Summit. – 2015. – Vienna. – P. 77–86.
2. Report of German Presidency on Digital Sovereignty: A new key concept of digital policy in Germany and Europe / Konrad-Adenauer-Stiftung e.V. 2020, Berlin. – URL: [https://erstelesung.de/wp-content/uploads/2020/10/20-10-14\\_Germany\\_EU\\_Digital\\_Sovereignty.pdf](https://erstelesung.de/wp-content/uploads/2020/10/20-10-14_Germany_EU_Digital_Sovereignty.pdf) (date of access: 26.05.2025).
3. Digital sovereignty. Internet Policy Review / J. Pohle, T. Thiel. – URL: <https://policyreview.info/concepts/digital-sovereignty> (date of access: 26.05.2025).
4. What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? / S. Coutre, S. Toupin. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/335127008\\_What\\_does\\_the\\_notion\\_of\\_sovereignty\\_mean\\_when\\_referring\\_to\\_the\\_digital](https://www.researchgate.net/publication/335127008_What_does_the_notion_of_sovereignty_mean_when_referring_to_the_digital) (date of access: 26.05.2025).
5. Barlow, J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / J. P. Barlow // Electronic Frontier Foundation, 1996. – URL: <https://www.eff.org/fr/cyberspace-independence> (date of access: 26.05.2025).
6. Wu, T. S. Cyberspace sovereignty? The Internet and the international system / T. S. Wu // Harvard Journal of Law & Technology. – 1997. – № 10(3). – P. 647–666. – URL: [https://scholarship.law.columbia.edu/faculty\\_scholarship/2227/](https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2227/) (date of access: 26.05.2025).
7. Янькова, А. Д. Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции «Киберсуверенитет: теория и практика») / А. Д. Янькова // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 4. – С. 1–14.

8. Bratton, B. H. The Stack: On Software and Sovereignty (Software studies) / B.H. Bratton. – Cambridge, MA: The MIT Press. – P. 120.
9. Анциферова, Э. Ю. Семантические особенности информационного суверенитета / Э. Ю. Анциферова // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 11–17.
10. Потапцева, Е. В., Акбердина, В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации / Е. В. Потапцева, В. В. Акбердина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25, №3. – С. 5–16.
11. Rudolph, A. What is Log4j and Why Did the Government of Canada Turn Everything Off? / A. Rudolph // Canadian Global Affairs Institute. – 2022. – URL: <https://carleton-ca.academia.edu/AlexanderRudolph> (date of access: 26.05.2025).
12. Avizienis, A. Basic concepts and taxonomy of dependable and secure computing / A. Avizienis // IEEE Trans. Depend. Sec. Comput., 2004. – № 1, P. 11–33. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/3449335\\_Basic\\_Concepts\\_and\\_Taxonomy\\_of\\_Depe ndable\\_and\\_Secure\\_Computing](https://www.researchgate.net/publication/3449335_Basic_Concepts_and_Taxonomy_of_Depe ndable_and_Secure_Computing) (date of access: 26.05.2025).

## УДК 342.25

### О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*О. Ю. Буйко*

*студент 4 курса, юридический факультет, Белорусский государственный  
университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,  
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** Статья посвящена анализу современного состояния и перспектив развития местного самоуправления в Республике Беларусь. Рассматриваются институциональные, правовые и организационные аспекты его функционирования, а также некоторые ключевые проблемы, включая ограниченные механизмы бюджетного контроля, низкую вовлеченность населения и недостаточно развитую цифровую инфраструктуру. Подчеркивается необходимость комплексных реформ, направленных на укрепление правовой основы, расширение участия населения, развитие информационно-коммуникационных технологий и др. Результаты исследования имеют

практическое значение для совершенствования законодательства и повышения эффективности местного самоуправления в Беларуси.

**Ключевые слова:** местное самоуправление; коммунальная собственность; электронный муниципалитет; основы местного самоуправления; проблемные аспекты.

Формирование демократической государственности, гражданского общества, обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, достижение гармоничного взаимодействия государства и народовластия требуют переосмысления целого блока проблем в сфере местного самоуправления.

Местное самоуправление в Республике Беларусь является неотъемлемым элементом политической системы, имеет фундаментальное значение для демократизации общества и выполняет комплекс функций по территориальному жизнеобеспечению. Оно реализует задачи, определенные Конституцией и законодательством, не относящиеся к компетенции иных органов публичной власти, удовлетворяет общие потребности местного населения, основой чего является обладание собственным имуществом, финансами и соответствующей инфраструктурой [1, с. 152].

Очевидно, что широкое множество фундаментальных интересов граждан реализуется именно на местном уровне, который для них является наиболее близким и понятным, ведь именно местная представительная демократия помогает решать большую часть проблемных вопросов и государственных дел. Именно поэтому представляется важным планомерно приближать государственно-властные институты к народу, что также является одной из важнейших целей местного самоуправления – быть своеобразным «мостом» между населением и государством, для чего часто необходимо оптимально сочетать местные и общегосударственные интересы, поддерживать политическое равновесие и гармонию в местном сообществе, а также раскрывать социально-экономический потенциал территориальных единиц.

Административно-территориальные единицы выступают инвестором, производителем и потребителем многочисленных видов товаров и услуг, доля занятых в коммунальном хозяйстве достигает почти четверти от общей численности работников в сфере экономики. Поэтому в действующем законодательстве закреплено понятие коммунальной собственности и коммунального хозяйства, которые определяют систему народного хозяйства и жизнеобеспечения населения [1, с. 152].



Стоит оговориться, что одной из проблем, не позволяющей системе местных представительных органов власти эффективно работать на практике, является то, что Конституция Республики Беларусь (ст. 13) определяет лишь два вида собственности: государственную и частную, а коммунальная или муниципальная отсутствуют. Коммунальная собственность считается разновидностью государственной.

Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» одной из составляющих экономической основы местного самоуправления определяет коммунальную собственность. В коммунальной собственности могут находиться имущество государственных органов соответствующей административно-территориальной единицы, средства местного бюджета, жилищный фонд и жилищно-коммунальное хозяйство подведомственной территории, а также промышленные, строительные, сельскохозяйственные предприятия, организации, учреждения здравоохранения, образования, культуры [2, с. 18].

Следует в целом говорить о законодательном закреплении значительно более широких, чем имеются в настоящее время, основ самоуправления в части, касающейся коммунальной собственности. В данном случае имеются основания для принятия закона о коммунальной (муниципальной) собственности, в котором следовало бы: дать развернутое понятие права коммунальной собственности, зафиксировать ее существенные черты и целевую направленность, закрепить особый порядок передачи объектов коммунальной собственности в оперативное управление и хозяйственное ведение, подробно регламентировать права и обязанности субъектов по передаче, контролю и использовании коммунального имущества [2, с. 18].

Упомянуть нужно и то, что органы местной представительной власти в Республике Беларусь практически не обладают инструментами контроля и влияния при составлении и в процессе исполнения местного бюджета, так как в законодательстве не установлены формы, методы, виды контроля бюджетной сферы, за исключением отчета исполнительного и распорядительного органа о выполнении бюджета перед местным Советом депутатов. Кроме того, составление проекта местного бюджета находится в исключительной компетенции исполнительного и распорядительного органа местной власти.

Законодательство не регламентирует иные формы контроля за исполнением местного бюджета Советами. Данные функции предоставляются исполнительным и распорядительным органам.

В данном случае целесообразным является использование опыта Российской Федерации, где, в соответствии с Федеральным Законом от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», представительные органы местного самоуправления вправе создавать органы муниципального финансового контроля, целью которых является осуществление контроля за исполнением местных бюджетов, муниципальных целевых программ и иных нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

В Республике Беларусь система органов местного самоуправления играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования территориального общественного устройства. На переднем плане этой системы стоят органы территориального общественного самоуправления, которые являются неотъемлемой частью общего механизма органов местного самоуправления. Именно через них осуществляется важная связь между гражданами и государственными структурами, призванными обеспечивать социальное благополучие на местном уровне [3, с. 47].

Отметим, что в Республике Беларусь накоплен положительный опыт и существует реальный потенциал для совершенствования деятельности органов территориального общественного самоуправления.

В настоящее время инициатива в создании структур территориального общественного самоуправления, как правило, принадлежит органам местного управления, которые обеспечивают соответствующие организационные мероприятия, подбор кадров, координацию деятельности и другие меры поддержки. Актуальным остается вопрос формирования социальной базы местного самоуправления и мотивации граждан к участию в территориальном общественном самоуправлении.

В этой связи считаем, что необходимо стимулировать работу органов местного управления и самоуправления по развитию общественной активности. Для этого в оценку эффективности их деятельности следует ввести соответствующие показатели и систематически их отслеживать, а также проводить региональные конкурсы, публиковать в средствах массовой информации и сети Интернет-рейтинги административно-территориальных единиц по критерию развития гражданской активности. Для создания соответствующих условий для территориального общественного самоуправления следует разработать системы взаимодействия органов местного управления и самоуправления с органами территориального общественного самоуправления, поощрять работу

активных участников общественного самоуправления, помогать им пропагандировать свой опыт.

Целесообразно также разработать систему стимулирования активистов территориального общественного самоуправления (полная или частичная оплата, призы и премии, статьи в газете, составление рейтинга общественной активности граждан и т. п.) [4, с. 7–8].

Имеет смысл приглашать представителей территориального общественного самоуправления на заседания местных Советов депутатов при решении вопросов касающихся, например, принятия местного бюджета или программ социально-экономического развития. Также следует сделать органы территориального общественного самоуправления активными участниками на сессиях местных Советов депутатов при решении кадровых вопросов, в частности при избрании Председателя Совета депутатов.

Говоря о развитии кадрового потенциала территориального общественного самоуправления, следует добавить, что его необходимо составлять, в том числе за счет привлечения молодых специалистов как активной движущей силы. Органы территориального общественного самоуправления могут стать инновационными центрами по разработке новых методов сотрудничества на местах. Для этого, особенно в сельских поселениях, целесообразно организовывать специализированные семинары совместно с органами местного управления и самоуправления [4, с. 8].

Создание и поддержка инициатив территориального общественного самоуправления позволит гражданам оперативно решать повседневные вопросы на местах и активно участвовать в улучшении условий жизни в своём районе.

Помимо того, остается нереализованной концепция электронного муниципалитета в Республике Беларусь. Важно понимать, что целью реализации концепции электронного муниципалитета должно являться не столько упрощение существующих процедур и механизмов решения вопросов местного значения государственными органами, сколько создание открытого местного управления и самоуправления, более активного привлечения общественности к решению вопросов местной жизни.

По мнению Т.М. Киселёвой «электронный муниципалитет в Республике Беларусь следует понимать как совокупность отношений по внедрению и использованию информационных технологий, позволяющих эффективно и оперативно решать вопросы местного значения населением соответствующих территорий непосредственно или через местные представительные органы и органами местного управления в

установленных законодательством и сложившимися на практике формах. Таким образом, целью построения электронного муниципалитета в Республике Беларусь должно быть создание открытого местного управления и самоуправления, более активного привлечения общественности к решению вопросов местной жизни за счет использования современных технологий» [3, с. 97]. Она также отмечает, что развитие электронного муниципалитета должно осуществляться на основе разработанной нормативной базы. Однако на данный момент специального регулирования отношений, связанных с использованием систем электронного муниципалитета в Республике Беларусь, еще не существует. Но отдельные элементы электронного муниципалитета получили закрепление в законодательных и подзаконных актах, таких как Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» от 1 февраля 2010 г., Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» от 18 июля 2011 г. и др. [3, с. 98–99].

Стоит отметить, что на текущем этапе непосредственные формы осуществления местного самоуправления преимущественно реализуются вне рамок применения механизмов электронного муниципалитета. Представляется, что в ближайшей перспективе приоритетным направлением развития электронного муниципалитета в Республике Беларусь станет стимулирование вовлеченности гражданского общества и органов местного самоуправления в процесс решения вопросов местного значения посредством расширения использования современных информационно-коммуникационных технологий.

Вполне оправданной звучит идея введения выборов главы местной исполнительной власти, ведь выборы в местные органы власти являются первым шагом по пути к подлинной демократии и своеобразным индикатором политических отношений, доминирующих в данный период.

Принцип выборности органов и должностных лиц местного сообщества наиболее полно реализует право населения на местное самоуправление. Одновременно с этим, он тесно связан с реализацией самостоятельного статуса местного самоуправления, так как только избранные населением органы местной власти и их должностные лица могут быть независимы в проведении местной политики.

Глава исполнительной власти является одним из наиболее наделенных властными полномочиями субъектов на территории административно-территориальной единицы. Отсутствие прямых выборов на данную должность определенным образом отдаляет его от местного сообщества, снижает степень ответственности чиновника перед населением. Можно полагать, что прямые выборы и политическая конкуренция будут способствовать появлению высокомотивированных политиков, заинтересованных в решении повседневных проблем граждан и реальную вовлеченность населения в управление делами собственной общины.

Муниципальные выборы, будучи формой политической активности граждан, являются важнейшей составной частью демократизации политического процесса. Также это легитимный способ формирования периодической или внеочередной замены персонального состава органов публичной власти или подтверждение полномочий на новый срок.

Таким образом, местное самоуправление в Республике Беларусь является важным элементом политической и социально-экономической системы, обеспечивающий решение значительной части вопросов, затрагивающих интересы населения на местах. Его развитие связано с необходимостью укрепления правовой базы, повышения прозрачности и подотчётности органов власти, расширения участия граждан в принятии решений, а также внедрения современных технологий для оптимизации управленческих процессов. Совершенствование этой сферы требует комплексного подхода, сочетающего институциональные реформы, развитие кадрового потенциала, стимулирование общественной активности и создание условий для более тесного взаимодействия между государственными структурами и местными сообществами.

#### **Список использованных источников:**

1. Местное самоуправление в Беларуси / В. Н. Кивель [и др.] ; под науч. ред. И. П. Сидорчук. – Минск : Тонпик, 2007. – 416 с.
2. Буйко, О. Ю. О проблемах укрепления финансово-экономической основы местного самоуправления / О. Ю. Буйко // Современные новеллы Конституции Республики Беларусь как фактор устойчивого развития государства и общества : материалы круглого стола, Минск, 23 марта 2022 года / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 17–20.
3. Буйко, О. Ю. Местное самоуправление в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития / О. Ю. Буйко, С. Г. Василевич, Т. М. Киселёва. – Минск : Право и экономика, 2025. – 128 с.

4. Суркина, Ф. Ж. Развитие территориального общественного самоуправления как один из способов повышения эффективности управления муниципальным образованием / Ф. Ж. Суркина, Е. А. Стафеева // Управленческие науки. – 2012. – № 4 (5). – С. 4-12.

## **УДК 342.7**

### **ЭЙБЛИЗМ И ТРУДОВЫЕ ПРАВА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*М. С. Варсоба*

*студентка 2 курса, юридический факультет, Белорусский  
государственный университет*

*Научный руководитель – Т. А. Постовалова, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности правового регулирования труда лиц с инвалидностью в Республике Беларусь. Анализируется влияние правовых норм на занятость инвалидов, выявляются правовые коллизии, затрудняющие их трудоустройство. Особое внимание уделено запрету на установление испытательного срока для инвалидов и его влиянию на найм. Предложено внесение изменений в законодательство, позволяющих устанавливать испытательный срок по желанию работника-инвалида, что обеспечит баланс интересов сторон и снизит скрытую дискриминацию.

**Ключевые слова:** трудовые права; инвалидность; дискриминация; эйблизм; инклюзия; занятость инвалидов; квотирование рабочих мест; социальная интеграция.

Эйблизм – это форма дискриминации, при которой лица с инвалидностью сталкиваются с ограничениями в реализации своих прав и возможностей по сравнению с людьми без физических, психических или сенсорных нарушений (нарушения в работе органов зрения, слуха, искаженное осязание и обоняние, сбои в работе рецепторов и сигналов от них поступающих). Данная форма дискриминации основывается на представлении, что отсутствие инвалидности является нормой, а люди с ограниченными возможностями являются менее способными. Хотя термин «эйблизм» вошел в оборот в 1980-х годах, концепция зародилась в 1960–1970 годы. Несмотря на значительные достижения в законодательстве различных стран и развитии инклюзивной среды, эйблизм по-прежнему

остается серьезной проблемой. Остается открытым вопрос: возможно ли достичь полного равенства лиц с инвалидностью и граждан без ограничений по состоянию здоровья? В сфере труда она проявляется как в прямых, так и в завуалированных формах дискриминации.

Прямые формы дискриминации выражаются в отказах в трудоустройстве по причине инвалидности, ограничении профессионального роста, занижении заработной платы и назначении лиц с инвалидностью на низкоквалифицированные должности. Опосредованная дискриминация включает в себя недоступность информации о вакансиях, установление заведомо завышенных требований, а также отсутствие адаптированных рабочих мест, которые ставят сотрудников с ограниченными возможностями в заведомо неравную позицию [1, с. 159-160].

Стоит отметить, что в соответствии с Конвенцией ООН о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеей от 13 декабря 2006 г., которую Республика Беларусь ратифицировала 18 октября 2016 г., дискриминация по состоянию здоровья недопустима при трудоустройстве, если человек может выполнять свои трудовые обязанности в полном объеме. В развитие положений Конвенции было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 «Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы».

Право на труд в Беларуси гарантируется ст. 41 Конституции, которая закрепляет возможность каждого гражданина выбирать профессию, род занятий и работу в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей.

Помимо Конституции, вопросы занятости людей с инвалидностью регулируются Трудовым кодексом от 26 июля 1999 г., в котором глава 21 посвящена особенностям регулирования труда инвалидов, а также Законом Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. «О правах инвалидов и их социальной интеграции», где в главе 5 закреплены гарантии прав инвалидов при осуществлении трудовой и иных видов деятельности.

Законодательство запрещает дискриминацию по признаку инвалидности, что соответствует одному из основополагающих принципов трудового права – недопущению дискриминации в сфере трудовых отношений. Закон «О правах инвалидов и их социальной интеграции»

устанавливает права инвалидов, в том числе детей-инвалидов, определяет гарантии их реализации, обеспечивая равенство и недопущение дискриминации по признаку инвалидности. Его положения направлены на улучшение качества жизни инвалидов, создание и поддержание условий для их полного и равноправного участия в жизни общества, а также на профилактику инвалидности. Также в нем закреплены ключевые понятия, такие как «инвалид», «инвалидность», «доступная среда» и «социальная интеграция инвалидов», которые определяют правовой статус лиц с инвалидностью, условия их участия в жизни общества и механизмы обеспечения равных возможностей и создания инклюзивной среды.

В сфере трудовых отношений инвалиды пользуются всеми правами, установленными Трудовым кодексом и иными актами законодательства. Помимо этого, для них существуют отдельные механизмы упрощенного трудоустройства. На протяжении многих лет основным механизмом трудоустройства инвалидов в Беларуси остается направление на работу в счет брони, которое предусматривает создание и сохранение отдельных рабочих мест. Число таких мест устанавливается местными исполнительными органами или определяется государственными программами. Также существует система квотирования рабочих мест для инвалидов (запущена с 1 января 2025 г.), которая обязывает нанимателей самостоятельно трудоустраивать инвалидов в пределах установленной квоты. Ключевое отличие квотирования от бронирования в том, что при бронировании государственные органы направляют конкретных инвалидов на заранее закрепленные места, в то время как при квотировании наниматель обязан заполнить установленную норму, но самостоятельно подбирает кандидатов и организывает условия труда. Более того наниматель также обязан создавать рабочие места для трудоустройства работников, получивших инвалидность вследствие трудового увечья или профессионального заболевания, связанных с выполнением ими трудовых обязанностей у этого нанимателя.

Трудоустройство инвалидов осуществляется в порядке, установленном законодательством, в соответствии с их профессиональной подготовкой и с учетом индивидуальных программ реабилитации инвалидов.

В целях защиты прав работников с инвалидностью законодательство предусматривает ряд льгот. Запрещен отказ в приеме на работу по причине инвалидности, за исключением случаев, когда выполнение обязанностей противопоказано индивидуальной программой реабилитации. Инвалидам I и II группы устанавливается сокращенная продолжительность рабочего



времени – не более 35 часов в неделю, а продолжительность ежедневной работы не может превышать 7 часов, при этом заработная плата сохраняется в полном объеме. Они не могут быть принудительно привлечены к сверхурочным работам, работе в ночное время, выходные и праздничные дни без их согласия и при условии, что эти работы не запрещены индивидуальными программами реабилитации инвалидов. Кроме того, при заключении трудового договора инвалиды освобождены от испытательного срока, а при сокращении штата при равной производительности труда и квалификации они имеют преимущественное право на сохранение рабочего места.

Работающим инвалидам наниматели обязаны создавать необходимые условия труда в соответствии с индивидуальными программами, обеспечивать разумное приспособление рабочих мест, а также адаптацию мест общего пользования, к которым работник имеет доступ. Инвалиды, работавшие до ухода на пенсию у нанимателя, сохраняют наравне с его работниками право на медицинское обслуживание, путевками в оздоровительные учреждения, другие социальные гарантии, предусмотренные коллективными договорами, соглашениями. Наниматели вправе устанавливать надбавки и доплаты к пенсиям инвалидов (прежде всего одиноким, нуждающимся в посторонней помощи и уходе) в соответствии с коллективным договором.

Государство заинтересовано в стимулировании трудоустройства инвалидов и предоставляет налоговые льготы предприятиям, где имеется определенная численность работников с инвалидностью. Например, в соответствии с пп. 1.16 п. 1 ст. 118 Налогового кодекса от 29 декабря 2009 г., если численность инвалидов составляет не менее 30%, то организация освобождается от уплаты налога на добавленную стоимость. Для самих же инвалидов предусмотрены налоговые вычеты, а также освобождение от налога на недвижимость и земельного налога в определенных случаях.

По официальным данным, в 2024 году инвалидность была у около 6 % населения Беларуси (примерно 550 тысяч человек). Среди них большинство составляют инвалиды II группы (около 225 тысяч человек), которые могут работать при наличии соответствующих условий, инвалидов I группы в стране меньше всего. В 2024 году при содействии службы занятости было трудоустроено более 73 % инвалидов, зарегистрированных в системе занятости [2].

Кроме того, в условиях развития высоких технологий и цифровизации не просто альтернативой традиционному трудоустройству, но и важным

инструментом социальной интеграции лиц с инвалидностью становится удаленная работа. Для многих людей с тяжелыми нарушениями опорно-двигательного аппарата это единственная возможность профессиональной самореализации. Беларусь не остается в стороне от мировых тенденций: в 2019 году в Трудовой кодекс Республики Беларусь была введена глава 25-1 «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу», которая закрепила правовые основы удаленной занятости.

Несмотря на наличие правовых гарантий и механизмов защиты трудовых прав лиц с инвалидностью, практика их реализации сталкивается с рядом проблем. Основные барьеры включают недостаточную адаптацию рабочих мест и сложности с поиском вакансий. Кроме того, отдельные правовые нормы, хотя и направлены на защиту прав инвалидов, в некоторых случаях могут приводить к непредвиденным ограничениям. Так, действующее законодательство Республики Беларусь запрещает установление испытательного срока для инвалидов, что изначально направлено на защиту их прав. Однако на практике это положение может создавать дополнительные барьеры для трудоустройства. Наниматели, не имея возможности предварительно оценить квалификацию соискателя, предпочитают избегать найма инвалидов, опасаясь сложностей с последующим расторжением договора. В результате вместо защиты прав инвалидов создается скрытая дискриминация: наниматель более требователен к кандидатам с инвалидностью.

В целях совершенствования законодательства целесообразно предусмотреть возможность установления испытательного срока по желанию самого работника-инвалида, что обеспечит баланс интересов работника и нанимателя. Такой подход не только повысит конкурентоспособность инвалидов на рынке труда, но и позволит уменьшить скрытую дискриминацию, связанную с их трудоустройством.

#### **Список использованных источников:**

1. Жаворонков, Р. Н. Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты) / Р. Н. Жаворонков. – Москва : У Никитских ворот, 2020. – 248 с.
2. Газета «Рэспубліка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/inklyuziya-v-dele.html?ysclid=m7c5ugwjby284217434>. – Дата доступа: 10.02.2025.

УДК 342

## О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

*А. Д. Василевич*

*студент 2 курса курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – В. А. Шариун, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** Статья посвящена развитию законодательства Республики Беларусь. В связи с интенсивным внедрением технологий искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека и принятием модельного акта Межпарламентской ассамблеи СНГ о технологиях искусственного интеллекта подчеркивается необходимость скорейшего принятия национального закона.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, законодательство об искусственном интеллекте, регулирование искусственного интеллекта.

В последние десятилетия искусственный интеллект стал важной составляющей технологического прогресса и является одним из ключевых факторов изменений во многих областях человеческой деятельности. Проблемы, связанные с этическими, социальными и правовыми аспектами использования искусственного интеллекта (ИИ), требуют внедрения инновационных норм и механизмов контроля, которые могут обеспечить защиту прав и свобод человека. Важным элементом этих усилий является разработка законодательных актов, регулирующих использование искусственного интеллекта как на международном, так и на национальном уровнях.

Несмотря на интенсивное развитие технологии искусственного интеллекта еще недостаточно общественные отношения в данной сфере урегулированы актами законодательства. Процесс юридикации отношений в этой области должен своевременно отражать потребности технологического уклада и даже опережать его.

На международной арене многие государства и международные организации начинают разрабатывать и внедрять нормативные правовые акты, регулирующие использование технологий искусственного интеллекта. Европейский Союз стал одним из первых субъектов международного права, предложивших инициативу по регулированию искусственного интеллекта. В 2024 года Европейский Парламент утвердил

Регламент об искусственном интеллекте, который ставит целью создание единого правового пространства для искусственного интеллекта в Европе. Этот документ включает в себя классификацию рисков, связанных с искусственным интеллектом, и устанавливает требования к его использованию в различных сферах, включая здравоохранение, транспорт, правоохранительные органы и т.д.

Помимо этого, стоит отметить, что в рамках ООН и других международных организаций также ведутся обсуждения о создании принципов и рекомендаций, направленных на согласование подходов к регулированию ИИ и его использованию. Например, в 2021 году ЮНЕСКО приняла рекомендацию по этике искусственного интеллекта, в которой предложены следующие основные принципы: защита прав человека; прозрачность алгоритмов; обеспечение инклюзивности в процессе внедрения искусственного интеллекта.

Законодательство в этой области в Республике Беларусь в настоящее время находится на стадии становления, но можем видеть, что уже принимаются важные шаги в этом направлении. Законы и подзаконные акты, регулирующие использование искусственного интеллекта в Беларуси в основном касаются вопросов цифровой безопасности, защиты данных и интеллектуальной собственности. В мае 2021 года в Беларуси был принят Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных», который устанавливает требования по обработке и хранению персональных данных, включая те, что обрабатываются с помощью систем искусственного интеллекта. Это важный шаг в сторону создания правового регулирования, ориентированного на защиту граждан и обеспечение конфиденциальности в эпоху цифровых технологий. Стоит отметить еще ряд законодательных актов, которые также косвенно регулируют общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом: законы Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи», от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», от 19 апреля 2022 г. № 164-З «О платежных системах и платежных услугах», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», указы Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», от 14 февраля 2023 г. №

40 «О кибербезопасности» и др. Они создают основу для цифровизации, развития и внедрения ИИ в повседневную реальность.

Помимо всего вышеуказанного отметим, что государство также должно оказывать поддержку научным и технологическим исследованиям в области искусственного интеллекта и формировать образовательные программы, направленные на подготовку специалистов в области искусственного интеллекта.

В научных исследованиях ИИ рассматривается с позиции трёх уровней: как технологический процесс (модель, инфраструктура); как функция (способность выполнять когнитивные задачи); как регулятивная категория (совокупность правовых режимов). Исторически обсуждалась «электронная личность» для автономных систем, предлагаемая Европарламентом в 2017 году. В настоящее время отвергается обладание ИИ правосубъектностью, предпочтение отдается человеческой ответственности.

В 2025 году Межпарламентской ассамблеей СНГ принят модельный закон о технологиях ИИ, который может стать хорошей основой для принятия соответствующего закона в Республике Беларусь.

## УДК 342

### ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*А. О. Герасимчик*

*студентка 3 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т.С. Масловская, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье анализируется историко-правовая эволюция института президентства в Кыргызской Республике с 1988 по 2021 гг. Рассмотрены этапы становления, изменения конституционных норм и практики реализации полномочий главы государства: от модели «слабого» главы государства в парламентско-президентской системе к модели «сильного» института власти. Проанализированы конституционные реформы 1990, 1993, 1996, 2003, 2007, 2010 и 2021 гг., показана динамика поиска баланса ветвей власти и влияние на нее политических кризисов. Практическое значение работы заключается в оценке устойчивости конституционных механизмов и перспектив дальнейшего укрепления «сдержек и противовесов» в Кыргызской Республике.

**Ключевые слова:** институт президентства; конституционные реформы; Кыргызстан; разделение властей; баланс ветвей власти; политические кризисы; легитимность власти.

Институт президентства является важным элементом конституционной системы Кыргызской Республики, обладая историческими, теоретическими и правовыми основами, которые определяют его функции, полномочия и статус в системе государственной власти. Конституционное развитие страны привело к формированию президентской власти как механизма, обеспечивающего управление государством и поддержание стабильности.

В рамках настоящего анализа необходимо детально исследовать каждый из этапов, предопределивших формирование и эволюцию института Президента Кыргызской Республики вплоть до его современного конституционно-правового статуса.

**Первый этап** охарактеризовался зарождением института президентства (1988–1990 гг.). Так, во второй половине 1990 г. в Кыргызстане возник и стал развиваться конституционный институт президентской власти. Процесс складывания нового института власти происходил в сложных условиях и под воздействием ряда факторов.

В конце 1989 года в СССР обстановка приближалась к критической черте. Положение в политической, социально-экономической сферах осложнилось. Начался распад механизма союзной исполнительной власти. Иначе говоря, в Союзе ССР, куда входил в качестве союзной республики Кыргызстан, складывалась чрезвычайная обстановка. Все это ускорило процесс учреждения поста Президента СССР, наделенного широкими полномочиями.

Президентская власть как правовой институт в нынешнем ее виде сформировалась не сразу. В декабре 1988 года был учрежден пост высшего должностного лица Советского Союза – Председателя Верховного Совета СССР (соответственно в первой половине 1989 года во всех союзных республиках были внесены соответствующие изменения в Конституциях). На него возлагались, во-первых, руководство подготовкой и проведением Съезда народных депутатов СССР (в Кыргызстане – Верховного Совета), во-вторых, некоторые функции и полномочия президентского характера, а деятельность Президиума Верховного Совета СССР сосредоточилась на организации работы Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Законом Кыргызской ССР «Об учреждении поста Президента Кыргызской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Кыргызской ССР», принятом 24 октября 1990 года на внеочередной второй сессии Верховного Совета Кыргызской ССР двенадцатого созыва, в целях развития политических и социально-экономических преобразований в республике, обеспечения гарантий деятельности и необходимого взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной власти, повышения ответственности и эффективности работы государственных органов и, исходя из общественной потребности укрепления конституционного строя, прав, свобод и безопасности граждан, был учрежден пост Президента Кыргызской ССР – главы государства.

Поправки в Конституцию фактически установили систему «слабый президент и сильный парламент», то есть парламентскую форму правления. Была создана система «сдержек и противовесов», направленная на то, чтобы президент, с одной стороны, имел необходимую самостоятельность в принятии решений, мог осуществлять формальный контроль за деятельностью высших законодательных и исполнительных органов, а с другой – чтобы сам президент находился под постоянным контролем, исполнял свои полномочия с «совета и согласия Верховного Совета», который был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Кыргызской ССР [2, с. 25].

**Второй этап** стоит отнести к периоду становления и парламентской форме правления (1991–1995 гг.). Дальнейшая история института президентства в Кыргызской Республике тесно связана с процессом конституционного строительства, начавшегося после принятия 31 августа 1991 года сессией Верховного Совета Кыргызской ССР «Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстана», которая торжественно провозгласила, что Кыргызская Республика является независимым суверенным демократическим государством.

12 октября 1991 года по инициативе Президента Аскара Акаева впервые в республике состоялись общенародные выборы президента в условиях независимости. За А. Акаева проголосовали 95,3% избирателей, принявших участие в голосовании, т.е. он получил мандат от народа Кыргызстана [3, с. 1].

5 мая 1993 года Верховный Совет Кыргызской Республики утвердил первую Конституцию государства. Конституция Республики 1993 г. изменила правовой статус президента: со времени его учреждения и с

принятием Конституции 1993 г. институт претерпел эволюцию, которую можно охарактеризовать как развитие от «слабого президента» к «достаточно сильному президенту» [2, с. 34]. В соответствии с положениями Конституции 1993 года (ст. 42), главой государства является Президент, который представляет страну как на внутренней, так и на международной арене. Он выступает гарантом Конституции, законов, а также прав и свобод граждан, обеспечивая единство государственности, устойчивость конституционного строя, а также согласованную работу государственных органов.

Изначально Конституция 1993 года предусматривала полупрезидентскую форму правления, однако со временем она претерпела изменения. После принятия Основного закона суверенного Кыргызстана в 1993 году в политическом пространстве возникли дискуссии относительно недостаточной легитимности Президента А. Акаева. В связи с этим 30 января 1994 года по его инициативе был проведен всенародный референдум, в ходе которого 96,36% избирателей подтвердили его полномочия на посту Президента Кыргызской Республики.

В декабре 1995 года и октябре 2000 года были проведены очередные президентские выборы, на которых вновь президентом был избран Аскар Акаев. Таким образом, народ Кыргызстана в течение десяти лет по существу трижды проголосовал за А. Акаева – Президента государства. Это убедительное свидетельство глубокого доверия народа к нему, поддержки проводимого им курса политических и экономических преобразований [5, с. 162].

**Третий этап** представляет собой эволюцию полномочий и усиление президентской власти (1996–2003 гг.). Кризис государственной власти, роспуск прежнего парламента и создание двухпалатного Жогорку Кенеша обусловили необходимость внесения изменений и дополнений в Конституцию. В связи с этим 10 февраля 1996 года в республике был проведен референдум, в результате которого в Основной закон Кыргызской Республики были внесены соответствующие поправки. Данные изменения привели к перераспределению полномочий между палатами парламента, а также существенно скорректировали полномочия президента, изменив баланс власти между различными ветвями государственной системы.

В результате этого референдума «...изменился баланс влияния между президентом и Жогорку Кенешем. Если изначально, как наследие СССР, институт президентства уравнивался сильным парламентом, в котором различные политические партии играли ведущую роль, то с течением



времени Аскар Акаев стал как бы арбитром над всеми ветвями власти, сосредоточил в своих руках сильные исполнительные функции», – отмечает Ж. Сааданбеков [6, с. 390].

По Конституции 2003 года Президент остался главной фигурой в политической системе страны, передав лишь незначительную часть своих полномочий парламенту.

Авторитарный импульс и новые реформы 2005–2010 гг. охарактеризовали **четвертый этап** становления института президентства. В 2005 году 10 июля в Кыргызстане прошли выборы второго Президента Кыргызской Республики. На этих выборах 88,71% электората проголосовала за Курманбека Бакиева [7].

В октябре–ноябре 2006 года в Кыргызской Республике обострилась ситуация, обусловленная правовой неопределённостью в вопросах соотношения полномочий между органами государственной власти. 6 ноября 2006 года Президент К. Бакиев внес в парламент проект изменений в Конституцию, предусматривающий переход к смешанной избирательной системе.

Альтернативные предложения предусматривали более глубокие изменения, включая сокращение полномочий Президента. Группа депутатов инициировала создание Учредительного собрания для разработки новой редакции Конституции, однако правительство объявило эти действия противоречащими закону. Таким образом, реформа 2006 года подчеркнула напряжённость в вопросах распределения власти и процедуре внесения изменений в Основной закон [8].

После указанных событий назрела необходимость изменения Конституции Республики, чтобы не на бумаге, а в действительности реализовать систему «сдержек и противовесов». Вследствие довольно длительной борьбы с группой депутатов второй Президент Кыргызской Республики К. Бакиев провел конституционную реформу, результатом которой явилось утверждение Конституции Кыргызстана с изменениями 2007 года [9, с. 2].

К 2008 г. в Кыргызстане упрочилась суперпрезидентская форма правления, при которой неформальные структуры управления (то есть принятие решений и распределение власти вне рамок закона и официальных процедур – через личные связи, семейные и клановые интересы) брали верх над официальными государственными институтами [12, с.113].

В конце 2009 г. Президент К. Бакиев инициировал конституционную реформу, целью которой было закрепление в Основном законе государства

механизмов наследования президентской должности за представителями своей семьи [12, с.113].

В марте 2010 г. он выступил с осуждением института выборов, предложив отказаться от общепризнанной мировой практики представительной демократии в пользу так называемой «совещательной демократии», якобы присущей кыргызскому народу. Тем самым К. Бакиев выразил намерение упразднить фундаментальное право народа на участие в формировании органов власти и контроля над ними [10].

Таким образом, на основании проведенного анализа, стоит отметить, что изменения в Конституцию Кыргызской Республики 1993 г., внесенные в ходе конституционных реформ в 1996, 2003, 2006 и 2007 гг. привели к откату от демократических принципов государственного устройства, разрушали имевшуюся систему «сдержек и противовесов», постепенно закрепляли концентрацию практически всей полноты власти в руках президента.

Анализ **пятого этапа** свидетельствует о его переходном характере, в рамках которого была сформирована и реализована парламентско-президентская модель правления (2010–2017 гг.). В связи с данными обстоятельствами, 27 июня 2010 года был проведен референдум, на котором была принята новая Конституция Кыргызстана, отразившая переход к парламентарной республике.

Отметим, что в переходный период временно исполняющей обязанности Президента Кыргызской Республики стала Роза Отунбаева. В течение полутора лет ей удалось обеспечить восстановление конституционного порядка, результатом чего стало принятие на всенародном референдуме в 2010 году новой Конституции. Согласно данному акту, государство перешло к парламентско-президентской форме правления, при которой усилилась роль представительного органа — Жогорку Кенеша, состоящего из 120 депутатов, избираемых по партийным спискам.

Президентом Кыргызской Республики с 1 декабря 2011 по 24 ноября 2017 года стал Алмазбек Шаршенович Атамбаев. В отличие от предшественников Алмазбек Атамбаев не пытался продлить свои полномочия и передал власть избранному президенту Сооранбаю Жээнбекову. По новой Конституции 2010 в редакции 2017 года, Президент Кыргызской Республики избирался на шесть лет. На выборах, прошедших 15 октября 2017 года, Сооронбай Жээнбеков был избран Президентом Кыргызстана набрав 54,76 % голосов избирателей, 24 ноября официально

вступил в должность. В целом, в Кыргызской Республике парламентская форма правления на деле не могла показать себя как сильный политический институт [7].

Заключительный, **шестой этап** в процессе эволюции института президентства в Кыргызской Республике ознаменовался возвращением к президентской форме правления (с 2021 года по настоящее время). 10 января 2021 г. в Кыргызской Республике прошёл референдум по выбору формы правления и досрочные президентские выборы. По данным ЦИК 80,7 % проголосовавшие на референдуме выбрали президентскую форму правления, что стало основанием для последующих конституционных реформ [13]. Уже 28 января 2021 года Садыр Жапаров официально вступил в должность президента, одержав убедительную победу на выборах [14]. Следующим шагом стало проведение 11 апреля 2021 г. в Кыргызстане голосования по проекту Конституции. Согласно данным ЦИК, число участников референдума, принявших участие в голосовании, составило 39,12% от общего числа граждан, включенных в списки участников референдума. Из них 81,30% проголосовали за президентскую форму правления [11].

Новая Конституция расширила возможности Президента Кыргызстана по назначению и освобождению судей, а также руководителей силовых и правоохранительных органов, сократила численность парламента с 120 до 90 депутатов и ограничила его контрольные функции в отношении исполнительной власти. Фактически эти изменения означали отказ от парламентско-президентской модели и возвращение к системе, в которой Глава государства обладает доминирующим политико-правовым статусом. В последующий период наблюдалось последовательное усиление вертикали власти.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что становление и эволюция института президентства в Кыргызской Республике тесно связаны с процессами государственного строительства, поиском баланса между ветвями власти и реакцией на политические кризисы и общественные вызовы.

Отчетливо видно, как институт президентства в Кыргызской Республике прошёл путь от слабого звена в системе «парламентско-президентской» республики к центру политической власти. После серии конституционных реформ и реакций на политические кризисы (1996, 2003, 2007, 2010 гг.) страна вновь вернулась к президентской модели в 2021 году, что отражает постоянный поиск баланса между эффективностью

исполнительной власти и расширением парламентских начал. Современный этап характеризуется высокой легитимностью через всенародное волеизъявление и «сильным» президентом, обладающим расширенными возможностями влияния на все ветви власти.

#### **Список использованных источников:**

1. Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию : закон СССР от 14 марта 1990 г. N 1360-I // Ведомости съезда народных депутатов ССР и Верховного Совета ССР 21 марта 1990 №12. – 189 с.
2. Укушев, М. К. Президент Киргизской Республики / М. К. Укушев, Ж. А. Бокоев. // Б: Шам, 1997. – 55 с.
3. Арзыматова, А. Ж. Становление президентской власти в Кыргызской Республике: исторические аспекты и политические факторы / А. Ж. Арзыматова // Евразийское Научное Объединение, 2021. – № 5-4 (75). – С. 304-307.
4. Конституция Кыргызской Республики : Принята на 12 сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 года : изложена в закона Кыргызской Республики «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1/edition/989125/ru> (дата обращения: 09.05.2025.)
5. Воропаев, В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана / В. Воропаев, Д. Джунушалиев, В. Плоских. // Отв. ред. акад. А. Ч. Какеев – изд. 3-е доп. – Б. Раритет Инфо, 2006. – 162 с.
6. Сааданбеков, Ж. Сумерки авторитаризма: закат или рассвет? / Ж. Сааданбеков // Киев: Ника-Центр, 2000. – 390 с.
7. Курманбек Бакиев: Бывший президент Республики Киргизия [сайт] : ООО «Лента.Ру» 1999–2025. – URL: <https://lenta.ru/lib/14170838/> (дата обращения: 10.05.2025.)
8. Хроника событий в Киргизии в 2006 году [сайт] : МИА «Россия сегодня» 2014–2025. – URL: <https://ria.ru/20061107/55421435.html> (дата обращения: 10.05.2025)
9. Донобаева, А. А. Конституционные реформы в Кыргызской Республике / А. А. Донобаева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016. – №12-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-reformy-v-kyrgyzskoy-respublike> (дата обращения: 10.05.2025).
10. Укушов, М. К. Является ли Президент Кыргызстана по статусу «Английской королевой»? / М. К. Укушов // Институт общественной политики, 2011. – URL: <http://center.kg/article/153> (дата обращения: 11.05.2025).
11. ЦИК признала состоявшимся референдум по определению формы правления Кыргызской Республики // Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики – URL: <https://shailoo.gov.kg/ru/news/4384/> (дата обращения: 11.05.2025).

12. Бокоев, Ж. А. Роль и место президента в системе органов государственной власти в соответствии с Конституцией Киргизской Республики / Ж. А. Бокоев, // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2013. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-prezidenta-v-sisteme-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-sootvetstvii-s-konstitutsiei-kirgizskoy-respubliki> (дата обращения: 12.05.2025).

13. ЦИК Киргизии: 80% проголосовавших поддержали президентскую форму правления [сайт] : АО «Газета.Ру», 1999–2025. – URL: [https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/01/10/n\\_15468752.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/01/10/n_15468752.shtml) (дата обращения: 14.05.2025.)

14. Садыр Жапаров официально вступил в должность президента Кыргызстана [сайт] : БЕЛТА, 1999-2025. - URL: <https://belta.by/special/world/view/sadyr-zhaparov-ofitsialno-vstupil-v-dolzhnost-prezidenta-kyrgyzstana-425996-2021> (дата обращения: 14.05.2025).

**УДК 342.72/.73**

## **ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

*Н.А. Гончар*

*студентка 3 курса, юридический факультет, Белорусский  
государственный университет*

*Научный руководитель – Н.М. Кондратович, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** Одной из главных ценностей, которые породила человеческая цивилизация, несомненно, можно считать человеческие права. Они отражают разнообразные аспекты нашего общества, что обуславливает их особое место в системе социально-гуманитарных наук. Вместе с тем нельзя не отметить стремительный прогресс в сфере искусственного интеллекта. Современные технологии ИИ, такие как нейросети, ChatGPT и прочие инновации находят применение в самых различных сферах жизни – от научных исследований до правоохранительной деятельности. Однако это в свою очередь порождает новые вызовы для обеспечения и защиты прав и свобод граждан.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект; права и свободы человека; концепция прав человека; нейросети, правовое регулирование.

Создание и интеграция искусственного интеллекта (далее – ИИ) ознаменовали новую главу в развитии технологий, открывая новые

горизонты для прогресса. За короткий срок миру открылись новые уникальные возможности, ранее недоступные или невозможные для человечества. Однако по мере усложнения и повсеместного распространения ИИ-систем возрастает их потенциал как для укрепления, так и для нарушения фундаментальных прав человека, реализуемых через новые и ранее недоступные возможности всего за несколько десятилетий

Для начала стоит определить, что именно подразумевается под ИИ. В белорусском законодательстве легальное определение ИИ появилось относительно недавно в перечне терминов и их определений к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136», в соответствии с которым ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [6]. Белорусский законодатель разделяет подход российских ученых в понимании ИИ, определяя его именно как комплекс технологических решений, которые позволяют имитировать мыслительную деятельность человека. Исходя из подхода, который сложился в научной среде, ИИ – это технология, которая обладает рядом специфических черт: способность к обучению и самоулучшению, к самостоятельному поиску, анализу и обобщению и к имитации разумной жизни.

В тоже время стоит помнить, что ИИ в первую очередь является машиной, которая работает на основе того, какую программу в нее заложили люди. За счет этого в самой системе могут быть специально или случайно заложены предубеждения, которые тем или иным образом могут дискриминировать определенную категорию населения. Всё чаще появляются доказательства того, что алгоритмы, построенные на предвзятых моделях, систематически проявляют дискриминацию по признакам пола, этнической принадлежности, инвалидности и сексуальной ориентации, особенно в отношении ЛГБТ-сообщества. В частности, как показывают исследования, Google с большей вероятностью будет показывать объявления о высокооплачиваемых вакансиях мужчинам-соискателям, а не женщинам. Как говорится в опубликованном в

исследовании Агентства ЕС по основным правам, ИИ может усугублять дискриминацию. Когда решения, основанные на обработке данных, отражают общественные предрассудки, они воспроизводят, а порой даже усугубляют предубеждения общества. Этот вопрос часто поднимает научное сообщество и НПО, которые недавно приняли Торонтскую декларацию с призывом обеспечить гарантии того, что системы автоматизированного обучения не будут усугублять дискриминационные практики [4, с. 34].

С этого положения вытекает первое право, которое может быть нарушено ИИ-технологиями – право на равенство и отсутствие дискриминации. Стоит отметить, данное право тесно связано с использованием ИИ в сфере безопасности. Системы мониторинга и контроля, такие как системы распознавания лиц, могут усиливать угрозу дискриминации, особенно в отношении уязвимых групп населения, таких как меньшинства, беженцы или мигранты. Алгоритмы, используемые для мониторинга, могут быть настроены таким образом, что они систематически ошибаются при распознавании определённых групп людей, что может привести к несправедливому преследованию [7].

Еще одним противоречием между преимуществами технологии ИИ и ограничениями прав человека заметно в области конфиденциальности. Право на неприкосновенность частной жизни является основополагающим правом человека, необходимым для безопасной и достойной жизни. В то же время ИИ для нормального функционирования использует огромный объем данных. Это в свою очередь приводит к небывалым уровням сбора, хранения и анализа личной информации. От социальных сетей, применяющих ИИ для персонализации контента и рекламы, до проектов умных городов, использующих данную технологию для управления инфраструктурой, – все это имеет вездесущий характер и создает условия постоянного сбора данных, которые можно потенциально использовать неправомерно. Другими словами, хотя такие процессы обеспечивают преимущества в виде персонализированных сервисов и улучшенных решений, они также несут существенные угрозы для приватности.

На сегодняшний день в международной судебной практике есть ряд прецедентов, которые определяют, как следует определять право на неприкосновенность частной жизни, свободу и безопасность. В частности, дело Бриджес против полиции Южного Уэльса. Данное дело выявило правовые сложности, связанные с использованием технологий распознавания лица на основе ИИ, которая, по статистике, способна

отслеживать перемещения и действия людей в общественных местах с высокой точностью. В этом знаменательном деле Апелляционный суд постановил, что использование автоматизированной технологии распознавания лиц полицией Южного Уэльса было незаконным, сославшись на недостаточные гарантии и неспособность должным образом оценить влияние технологий на права на неприкосновенность частной жизни [1]. В дополнение к делу Бриджес решение Европейского суда по правам человека в деле S. и Margaret против Соединенного Королевства имеет значительные последствия для практики сбора и хранения данных с использованием ИИ. В этом деле Суд постановил, что бессрочное хранение профилей ДНК лиц, арестованных, но не осужденных за преступления, нарушает их право на неприкосновенность частной жизни в соответствии со ст. 8 Европейской конвенции по правам человека [2]. В таких прецедентах акцентируется внимание на обязательство государств предоставлять эффективные средства правовой защиты для борьбы с посягательствами на неприкосновенность частной жизни и незаконным наблюдением.

Следующим правом является право на свободу выражения мнений. В недавнем сообщении Совета Европы «Алгоритмы и права человека», в частности, отмечается, что Facebook и YouTube имеют механизмы фильтрации для выявления экстремистского контента с призывами к насилию. Однако нет информации о том, какие процедуры и критерии применяются для определения такого контента, а также о том, какие видео имеют «явно незаконный контент» [3]. С одной стороны, сама идея остановить распространение таких материалов является заслуживающей одобрения и несет в себе положительные мотивы, но с другой недостаточная прозрачность предпринимаемых мер по контролю за содержанием вызывает серьезные опасения. Это связано с возможными рисками ущемления законного права на свободу слова и выражения мнений.

Таким образом, на современном этапе необходимо найти правильный баланс между технологическим развитием и защитой прав человека, поскольку будущее общества, в котором мы хотим жить, будет зависеть от этого. Для достижения такого баланса требуется более тесное сотрудничество между государственными органами (правительствами, парламентами, судебными и полицейскими органами) и частными компаниями, научными кругами, неправительственными организациями, международными организациями и обществом в целом [5].

Ключевые международные договоры, защищающие права на неприкосновенность частной жизни, с трудом поспевают за быстрым



развитием технологий ИИ. Международный пакт о гражданских и политических правах, а также региональные инструменты, такие как Европейская конвенция о правах человека, обеспечивают важные правовые основы для защиты частной жизни, но стоит учитывать, что данные правовые акты были составлены во времена, когда нынешние способности ИИ едва ли можно было себе представить.

В целом можно выделить следующие направления деятельности. Во-первых, государствам необходимо обеспечить строгий контроль за тем, чтобы частные компании, разрабатывающие и внедряющие технологии искусственного интеллекта, соблюдали стандарты в области прав человека. Кроме того, создатели ИИ-технологий, должны руководствоваться рекомендациями Совета Европы, касающимися взаимодействия бизнеса и прав человека, а также учитывать роль и ответственность интернет-посредников. Важным этапом является следование принципам Организации Объединённых Наций, включающим Руководящие принципы бизнеса в сфере прав человека и рекомендации по регулированию контента, подготовленные специальным докладчиком ООН, направленные на продвижение и защиту свободы мнений и их свободного выражения.

Во-вторых, важным аспектом является необходимость повышения прозрачности процессов принятия решений с помощью алгоритмических подходов. Это включает в себя ясное раскрытие их программной базы, ответственность за разработку и внедрение таких алгоритмов, а также возможность обоснованно оспаривать решения, полученные путем автоматизированных систем сбора и обработки информации.

Третьим направлением деятельности является повышение уровня информационной грамотности населения в области ИИ. Государственные организации могут увеличить инвестиции в образовательные программы и запускать инициативы, направленные на развитие профессиональных и гражданских компетенций у всех слоев общества, в особенности у молодых. Цель – создать у граждан позитивный опыт взаимодействия с ИИ и углубить их понимание того, как современные технологии влияют на социальные процессы. В конечном итоге, национальные правозащитные институты должны обладать возможностями для противодействия новым формам дискриминации, возникающим в результате широкого внедрения и использования систем ИИ.

Таким образом, глядя в будущее, становится ясно, что защита прав человека в эпоху ИИ потребует постоянной бдительности, адаптации и инноваций в правовом мышлении. Быстрые темпы технологического

прогресса требуют от правовой системы высокой адаптивности, чтобы своевременно реагировать на новые вызовы, оставаясь при этом основанной на фундаментальных принципах прав человека.

#### Список использованных источников:

1. R ((Bridges) chief Constable of South Wales Police [2020] EWCA Civ 1058. [Электронный ресурс] – URL: <https://privacylawbarrister.com/2020/08/28/r-bridges-v-the-chief-constable-of-south-wales-police-2020-ewca-civ-1058/>. (дата обращения: 15.03.2025).
2. S. and Marper V. The United Kingdom [2008] ECHR 1581. [Электронный ресурс] – URL: [https://counterterrorlaw.info/assets/downloads/S\\_and\\_Marper\\_v.\\_United\\_Kingdom\\_%282008%29\\_.pdf](https://counterterrorlaw.info/assets/downloads/S_and_Marper_v._United_Kingdom_%282008%29_.pdf) (дата обращения : 15.03. 2025).
3. Амияец, К. А. Использование технологий искусственного интеллекта, и соблюдение прав и свобод человека / К. А. Амияец. [Электронный ресурс ] – URL: [https://alley-science.ru/domains\\_data/files/07december2019/ispolzovanie%20tehnologiy%20iskusstvenno-go%20intellekta,%20i%20soblyudenie%20prav%20i%20svobod%20cheloveka.pdf](https://alley-science.ru/domains_data/files/07december2019/ispolzovanie%20tehnologiy%20iskusstvenno-go%20intellekta,%20i%20soblyudenie%20prav%20i%20svobod%20cheloveka.pdf). (дата обращения: 11.03.2025).
4. Ананьев, С. С. К актуальным вопросам влияния искусственного интеллекта на права человека. / С. С. Ананьев, Д. В. Березко // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений : сборник научных статей. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова; ответственный редактор В. С. Елисеев. Витебск, 2019. – С. 32-37.
5. Мирзаев, Р. Права человека в эпоху искусственного интеллекта: правовые гарантии конфиденциальности и безопасности / Р. Мирзаев // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – №10 (120). – С. 46-50.
6. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 апр. 2023 г., № 280 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Права человека в эпоху технологий: как искусственный интеллект влияет на свободу и безопасность? [Электронный ресурс] – URL: [https://amnesty.org.ru/ru/10\\_01\\_2025/](https://amnesty.org.ru/ru/10_01_2025/) (дата обращения: 11.04.2025).

## ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ

*В. О. Грядовкин*

*студент 1 курса, юридический факультет, Белорусский государственный  
университет*

*Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В работе исследуются взаимоотношения Президента Республики Беларусь и Всебелорусского народного собрания после конституционной реформы 2022 года. Рассматривается распределение полномочий между высшими представительными органами в соответствии с действующими нормами Конституции.

**Ключевые слова:** Всебелорусское народное собрание; Президент; принцип разделения властей; система сдержек и противовесов; распределение полномочий.

Республика Беларусь является демократическим государством, высшую власть в котором осуществляют представительные органы. Особое место в системе высших органов принадлежит Главе государства – Президенту Республики Беларусь и высшему представительному органу народовластия – Всебелорусскому народному собранию. Президент Республики Беларусь является символом единства народа, выступает гарантом стабильности и суверенитета Беларуси. Его роль заключается в обеспечении сплоченности различных социальных и политических групп. Отношения между Президентом и Всебелорусским народным собранием (далее – ВНС) показывают значительные различия в их полномочиях и влиянии на политическую систему страны.

Президент обладает значительным объемом полномочий, особенно в сфере управления исполнительной властью и ведении внешней политики, что позволяет ему контролировать ключевые государственные процессы и определять путь развития страны. ВНС же, которое является высшим органом народовластия, выполняет задачи стратегического планирования и мониторинга реализации социально-экономических программ.

Конституционная реформа 2022 года внесла заметные изменения в систему высших органов власти Республики Беларусь, перераспределив полномочия между ними. Одним из ключевых изменений стало увеличение возможностей для общественного участия через ВНС в решении вопросов государственной политики. Однако, хотя ВНС наделено значимыми

полномочиями, его роль сводится в большей степени к консультативной и стратегической функции. Оно утверждает основные направления внутренней и внешней политики, участвует в разработке долгосрочных планов развития страны и может инициировать поправки в Конституцию. Непосредственное влияние ВНС на повседневные политические решения, принимаемые Президентом, остается ограниченным.

Президент, обладая правом отлагательного вето в законодательном процессе и назначая ключевых представителей исполнительной власти, занимает особое место в системе сдержек и противовесов. Анализируя полномочия Президента и ВНС, можно заключить, что Президент, благодаря концентрации исполнительной власти, обладает большей политической властью и возможностью оперативно вмешиваться в управление государством. Его функции в области внешней политики и международных отношений делают его центральной фигурой в политической системе Беларуси.

Таким образом, Президент Республики Беларусь и Всебелорусское народное собрание, являясь представительными органами и выражая интересы всего населения государства, обладают как общими, так и исключительными полномочиями, но главным образом осуществляют свои функции в различных сферах. При этом Всебелорусское народное собрание получило право решать вопрос о досрочном прекращении полномочий Президента Республики Беларусь, а также отменять акты Президента, противоречащие интересам национальной безопасности, что подчеркивает его особое место в системе представительных органов в целом и во взаимодействии с Главой государства в частности.

## КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗЛИЧИЯ

*М. С. Иваношук*

*студентка 1 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – В. Е. Петухова, старший преподаватель  
кафедры конституционного права*

**Аннотация.** Статья посвящена выявлению и анализу общих тенденций и национальных особенностей в подходах к закреплению прав, свобод и обязанностей человека и гражданина на постсоветском пространстве на примере Республики Беларусь, Узбекистана и Кыргызстана. Приводятся результаты структурно-сопоставительного анализа разделов Конституций рассматриваемых государств о правах, свободах и обязанностях. Определяются особенности формирования и модернизации конституционно-правового статуса человека и гражданина на примере отобранных для исследования стран.

**Ключевые слова:** конституционный статус человека и гражданина; постсоветское пространство; права, свободы, обязанности; Республика Беларусь; Кыргызстан; Узбекистан.

Распад Советского Союза в 1991 году является одним из крупнейших исторических событий XX века, который оказал значительное влияние на геополитическую карту мира и вызвал многочисленные изменения во всех сферах жизни союзных республик, в том числе правовой.

Более тридцати лет назад, после «парада суверенитетов» и распада СССР пятнадцать советских республик обрели независимость и вступили на путь самоопределения, закрепляя на конституционном уровне государственный суверенитет и территориальную независимость. В своих Основных Законах они также стремились закрепить общечеловеческие ценности, такие как гуманизм, свобода, равенство, социальная справедливость. Главной целью стало создание правового государства, основанного на принципах верховенства права, демократии, разделения властей и ответственного правления [3, с. 20]. За весь период становления постсоветские государства прошли сложный путь политического и правового становления, одним из ключевых процессов которого стало

формирование и изменение конституционных основ прав и обязанностей человека и гражданина.

Одним из векторов конституционных трансформаций послужила модернизация конституционно-правового статуса личности путем расширения прав и свобод человека и гражданина и усиления гарантий их обеспечения [2]. Следует отметить, что идея прав и свобод человека прошла многовековую историю, приобретает особую актуальность в современных условиях и определяется как высшая ценность государства и общества [1, с. 150]. В рамках конституционного строительства на постсоветском пространстве закрепление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина характеризуется разнообразием подходов, которые требуют внимательного изучения в условиях современных политико-правовых трансформаций.

В период Советского Союза Конституции Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Узбекистана, которые опирались на Основной закон СССР, имели схожие принципы в закреплении прав, свобод и обязанностей, однако современные Конституции исследуемых постсоветских государств отражают собственный уникальный путь развития каждой страны.

Анализ разделов Конституций исследуемых стран [4; 5; 6; 7; 8; 9], в которых закреплены положения, касающиеся прав и свобод гражданина, его обязанностей, а также гарантий их реализаций, позволил сделать ряд выводов.

Как показывают результаты исследования, в рассматриваемых Конституциях Советских республик 1978 года отмечается унифицированный подход к закреплению прав, свобод и обязанностей человека и гражданина (раздел 2). Данный раздел имеет идентичную структуру: представлен двумя главами с идентичными названиями (глава 5 Гражданство Республики...Равноправие граждан и глава 6 Основные права, свободы и обязанности граждан Республики ...), содержит 37 статей (статьи 31-67), что соответствует в среднем 20 % от всех разделов Конституций.

Современные Конституции Республики Беларусь, Кыргызстана и Узбекистана имеют ряд отличительных особенностей в структуре разделов 2 и их названий. Так, в Конституции Республики Беларусь раздел 2 «Личность, общество, государство» не разделен на главы и содержит 44 статьи.

На наш взгляд, название раздела 2 в Конституции Республики Беларусь и отсутствие деления раздела на главы отражает, с одной стороны,

взаимодействие между личностью/индивидуумом, обществом и государством, а с другой стороны – подчеркивает важность баланса между правами личности, интересов общества в целом и роль государства в обеспечении этого баланса.

Несколько отличную структуру имеет раздел 2 Основных Законов Кыргызстана и Узбекистана. Разделы в Конституциях данных стран имеют практически идентичное название и структуру: в Конституции Республики Узбекистан раздел 2 «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина» включает 7 глав, такие как общие положения (3), гражданство (3), личные права и свободы (11), политические права (5), экономические, социальные, культурные и экологические права (13), гарантии прав и свобод человека и гражданина (5), обязанности граждан (6), всего 46 статей. В Конституции Кыргызстана раздел «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» включает 6 глав, такие как общие принципы (2), личные права и свободы (12), политические права (3), экономические и социальные права (11), гражданство, права и обязанности гражданина (4), гарантии прав и свобод человека и гражданина (11), всего 43 статьи. В целом, раздел о правах, свободах и обязанностях составляет в среднем 30 % от всех положений Конституций.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что уже на уровне структуры раздела 2 о правах, свободах и обязанностях сравниваемых Конституций отражены изменения в подходе к закреплению прав и свобод человека и гражданина, в частности их расширение, а также переход от унификации такого закрепления, свойственной для Конституций 1978 года, к развитию собственного видения отношения государства и личности в период суверенного и независимого постсоветского развития.

Анализ общих тенденций и различий в закреплении прав, свобод и обязанностей человека и гражданина действующими Основными Законами рассматриваемых стран позволил установить следующее.

В результате конституционных реформ, проводимых в государствах после подписания Деклараций о суверенитете, конституционное закрепление системы прав и свобод претерпевает определенные изменения, которые по большей части направлены на совершенствование национальной системы прав и свобод человека в соответствии с международными стандартами. Провозглашение каждого из видов прав и свобод имеет большое значение в установлении конституционно-правового статуса личности.

Следует отметить, что закрепленные во всех рассматриваемых Конституциях права и свободы отражают, с одной стороны преемственность фундаментальных ценностей и приоритетов, на которых построено общество и государство, а с другой стороны демонстрируют расширение прав и свобод в соответствии с общепризнанными принципами международного права.

Во всех трех Конституциях рассматриваемых государств предусмотрены схожие положения, смысл которых заключается в том, что личность, его права и свободы представляют собой высшую ценность и цель общества и государства, а их признание, соблюдение и защита является важнейшей обязанностью государства. Такие положения нашли отражения в преамбулах к Конституциям, в ст. 2 и ст. 21 Конституции Республики Беларусь, в ст. 2 и ст. 23 Конституции Кыргызской Республики, в ст. 13. и ст. 54 Конституции Республики Узбекистан.

Действующие Конституции Республики Беларусь, Кыргызстана и Узбекистана характеризуются общими тенденциями в номинальном закреплении прав и свобод, однако отличаются содержанием данных норм и способами их обеспечения, что обусловлено внутренними причинами, такими как сохранение национальных традиций, приоритеты и потребности государства и общества, так и вызовами современности.

В качестве значимого различия в рассматриваемых Конституциях следует отметить тот факт, что для Основного Закона Республики Беларусь, как и для Конституций советских республик, характерна не только широта провозглашаемых прав и свобод человека и гражданина, так и подробное изложение их гарантий и перечня фундаментальных обязанностей государства по их обеспечению, в отличие от Конституций Кыргызстана и Узбекистана, в которых преимущественно перечислены права и свободы. Следует заметить, что гарантия прав и свобод является своего рода гарантией народовластия, поскольку между властью народа и личностью нет противоречий, а коренные интересы личности и общества совпадают [10].

Так, например, закрепляя право на труд и право на отдых, страны расходятся в понимании данных прав и способах их реализации. В Республике Беларусь гражданам гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека с учетом общественных потребностей. Государство создает условия для полной занятости населения, в случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение



квалификации опять же с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице (ст. 41). Отличительной чертой является то, что справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего свободное и достойное существование (ст. 42). В Кыргызстане закрепляется право на свободу труда и на получение оплаты труда, не ниже установленного законом прожиточного минимума (ст. 42), при этом ничего не сказано про общественное значение труда. В Узбекистане каждый имеет право на достойный труд, при этом не раскрывается, что понимается под данным понятием (ст. 42). Право на забастовку гарантируется в Республике Беларусь и Кыргызстане. Среди рассматриваемых Конституций только в Основном Законе Республики Беларусь, подобно Конституциям советских республик, указана продолжительность рабочей недели (40 часов) и приводятся способы обеспечения права на отдых. При этом во всех трех Конституциях признается право объединяться в профессиональные союзы для защиты экономических и социальных интересов.

Как вытекает из нормы о праве на образование, в Республике Беларусь (ст. 49) и в Узбекистане (ст. 50, 51) каждый может получить высшее образование бесплатно на конкурсной основе в государственных учреждениях образования. В Конституции Республики Беларусь не указано, какое образование является обязательным, в отличие от Узбекистана и Кыргызстана, однако, гарантируется доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Условия получения высшего образования в Республике Кыргызстан не зафиксированы. Следует отметить, что только в Конституции Узбекистана закреплено право детей с особенностями развития на инклюзивное образование и воспитание. Кроме того, в Основном Законе Узбекистана определенную значимость представляет, на наш взгляд, норма о признании труда учителя и о защите его чести и достоинства (ст. 52).

Право на охрану здоровья также трактуется в странах по-разному. Так, в Республике Беларусь (ст. 45) гражданам гарантируется бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом, государством создаются условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания, но при этом отсутствует норма о медицинском страховании. Закрепляется обязанность граждан заботиться о сохранении собственного здоровья и способы обеспечения государством данного права. В Кыргызстане (ст. 43) и Узбекистане (ст. 48) закрепляется

право на гарантированный объем медицинской помощи за счет государства; в Кыргызстане предусмотрено право на медицинское обслуживание, в то время как Узбекистан принимает меры по развитию медицинского страхования.

Как вытекает из норм по социальному обеспечению и собственности, только Конституцией Республики Беларусь предусмотрена особая забота со стороны государства о ветеранах войны и труда, о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов (ст. 47) и содействие государства приобретению собственности (ст. 43).

Право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права, предусматривает в Республике Беларусь (ст. 46) и в Узбекистане (ст. 49) контроль за использованием природных ресурсов (Беларусь) и в области градостроительной деятельности (Узбекистан) в целях охраны, восстановления и защиты окружающей среды. В Кыргызстане земля и природные ресурсы также находятся под контролем и охраной государства, однако данная норма закреплена в разделе 1 «Основы конституционного строя» (ст. 16). Кроме того, в Конституции Республики Беларусь установлены положения об обеспечении безопасности производства и использования атомной энергии в мирных целях (ст. 46).

Право на сохранение национальной принадлежности, на национальное достоинство и свободу выбора языка воспитания и обучения является отличительной особенностью Конституции Республики Беларусь (ст. 50).

Политические права и свободы в исследуемых Конституциях призваны обеспечить гражданину возможность его активного участия в делах общества и государства. Основным отличием в закреплении политических прав следует отметить запрет в Конституции Узбекистана (ст. 39) на ущемление прав, свобод и достоинства лиц, составляющих оппозиционное меньшинство в объединениях, партиях, массовых движениях.

Закрепляя личное право на жизнь, в Кыргызстане (ст. 25) и Узбекистане (ст. 25) наложен мораторий на смертную казнь, в то время как в Республике Беларусь смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания и только согласно приговору суда (ст. 24). Такая формулировка учитывает все нюансы развития правовой системы.

Отличительной особенностью Конституций Кыргызстана и Узбекистана является закрепление прав женщин в различных сферах деятельности. Равные права и обязанности отца и матери в воспитании

детей отмечены в Конституции Кыргызстана (ст. 26). В Конституции Узбекистана отмечено, что запрещается отказывать женщинам в приеме на работу, увольнять с работы и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием ребенка (ст. 42). Введение данных норм обусловлено религией, традициями и обычаями данных народов.

Интересам и развитию молодежи уделено отдельное внимание во всех трех Конституциях, при этом в Конституции Узбекистана семье, детям и молодёжи посвящена отдельная глава (глава 14). В Конституции Республики Беларусь (ст. 32<sup>1</sup>) указано, что государство создает условия для реализации потенциала молодежи в интересах всего общества, в то время как в Конституции Кыргызстана (ст. 47) – для свободного участия молодежи в различных сферах деятельности.

Патриотизм, являясь важной ценностью любого государства, закреплён только в Основном Законе Республики Беларусь (ст. 54) как долг каждого гражданина страны наряду с сохранением исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа. В Конституции Кыргызстана (ст. 20) указано, что государство создает условия, способствующие гражданско-патриотическому воспитанию детей, при этом не конкретизирует их; в Конституции Узбекистана (ст. 78) – государство и общество заботятся о формировании у детей и молодежи приверженности национальным и общечеловеческим ценностям, гордости за страну и богатое культурное наследие народа, чувства патриотизма и любви к Родине.

Обязанность граждан платить установленные налоги и сборы закреплена во всех трех Конституциях, однако только в Конституции Республики Беларусь (ст. 56) отмечено, что уплата налогов, пошлин и других платежей является способом участия граждан в финансировании государственных расходов.

Таким образом, несмотря на то, что Республика Беларусь, Кыргызстан и Узбекистан имеют практически идентичное советское конституционное наследие, за период суверенности страны выбрали и совершенствуют собственный путь развития.

Республика Беларусь в качестве преемственности закрепила не только широкий перечень прав и свобод, но также и нормы о долге каждого гражданина вносить посильный вклад в развитие общества и государства, а самое главное, определение способов и путей реализации и обеспечения прав и свобод. В действующей Конституции Узбекистана, несмотря на

некоторую декларативность положений, значительное внимание уделяется ценностям семьи, детей, молодежи, государства, расширены не только права и свободы, но и прослеживается тенденция к закреплению способов их обеспечения. Конституция Кыргызстана в сравнении с двумя предшествующими Основными Законами характеризуется значительными изменениями по сравнению с советской Конституцией, выражающимися меньшей долей преемственности в формировании конституционного статуса личности, большей степенью трансформаций содержания прав и свобод, а также их декларативностью.

#### **Список использованных источников**

1. Василевич, Г. А. Конституционное право : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2023. – 422 с.
2. Василевич Г. А., Масловская Т. С. Обновленная Конституция Республики Беларусь: ответы на вызовы современности / Г. А. Василевич, Т. С. Масловская // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 34–44.
3. Ивашкевич, Е. Ф. Современные конституционные процессы в странах постсоветского пространства / Е. Ф. Ивашкевич, Н. В. Кабышко // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 3(19). – С. 13–21.
4. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики : [сайт]. – БССР, 1978. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/> (дата обращения: 03.03.2025).
5. Конституция (Основной Закон) Киргизской Советской Социалистической Республики : [сайт]. – КССР, 1978. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/205064/edition/794728/ru> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Конституция (Основной Закон) Узбекской Советской Социалистической Республики : [сайт]. – УССР, 1978. – URL: <https://constitution.uz/uploads/62410ec6-e3ed-2a4f-42e6-3fd12083b4af.pdf/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Конституция Кыргызской Республики : [сайт]. – Бишкек, 2021. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 05.02.2025).
8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб.1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.
9. Конституция Республики Узбекистан : [сайт]. – Ташкент, 2023. – URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения: 05.02.2025).

10. Фарбер, И. Е. Свобода и права человека в советском государстве / И. Е. Фарбер. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – 190 с.

## УДК 342

### ДИАЛОГ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С ГРАЖДАНАМИ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Д. П. Кабаков, А. К. Кукета*

*студенты 2 курса, юридический факультет, Белорусский  
государственный университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,  
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** В данной статье анализируется законодательство Республики Беларусь в области статуса депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Исследуются наиболее эффективные формы взаимодействия депутатов с избирателями, выявляется проблематика осуществления форм взаимодействия депутатов и избирателей в Беларуси.

**Ключевые слова:** парламентарий; избиратель; взаимодействие; подотчетность; Палата представителей.

В условиях современного демократического общества, основанного на принципах народного суверенитета и публичности, обеспечение максимальной прозрачности деятельности законодательных органов является основным фактором укрепления народовластия. Эта идея находит свое закрепление в Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.), где провозглашается, что народ является единственным источником государственной власти, осуществляя ее непосредственно и через представительные органы.

Правовое регулирование данной сферы осуществляется через постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 18 декабря 2015 г. № 707-П5/VIII «О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь», а также постановление Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь от 20 марта 2023 г. № 413-СР7/X «О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», и, что

особенно важно, Закон Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь». В совокупности с законодательством о доступе к информации эти документы формируют необходимую правовую базу, гарантирующую гражданам право на получение полной и достоверной информации о работе парламентариев. К традиционным формам обеспечения гласности относятся проведение открытых заседаний, обязательная публикация отчетов, протоколов и результатов голосования, организация личных приемов граждан, а также элементы информационной отчетности через СМИ.

Практический анализ сложившейся ситуации показывает, что существующих мер в условиях стремительной цифровизации общества становится недостаточно. Использование современных цифровых технологий и интернет-коммуникаций в парламентской деятельности остается факультативным. Проанализировав официальный сайт Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь, видно, что не все депутаты ведут регулярно обновляемые персональные сайты, которые содержат актуальную информацию об их деятельности. Традиционные же методы информирования, такие как отчеты в печатных изданиях, выступления на телевидении, личные приемы граждан зачастую ограничены в охвате аудитории, обладают низкой оперативностью и не позволяют наладить постоянный диалог с обществом, что, в свою очередь, существенно затрудняет реализацию права граждан на своевременное информирование о деятельности Парламента.

Для повышения уровня прозрачности деятельности парламентариев считаем целесообразным предложить изменения в ч. 4 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», а именно: предусмотреть обязательность размещения информации об отчете депутатов Палаты представителей в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах депутатов Палаты представителей.

#### **Список использованных источников:**

1. Абраменко, Е. Г. Особенности развития парламентаризма на современном этапе / Е. Г. Абраменко // Науч. труды РИВШ. 2022. Вып. 21. Ч. 1, 2022. – С. 3–5.
2. Гуйда, Е. П. Участие граждан в современном законодательном процессе / Е. П. Гуйда // Материалы науч.-теорет. конф. Институт Парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2008. – С. 30–31.

3. Зенченко, В. А. Представительство интересов — центральная проблема парламентской системы / В. А. Зенченко // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т Парламентаризма и предпринимательства; [под ред. В. А. Вожанова]. — Минск, 2008. — Вып. 6, ч. 2. — С. 64–77.

4. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. — Минск: ФУЛинформ, 2009. — 320 с.

## УДК 343

# ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ НАД ДЕТЬМИ

*З. О. Кочерва*

*студентка 3 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель — Г. А. Василевич, доктор юридических наук,  
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема правового противодействия психологическому насилию над детьми. Аккумулировано законодательное и научное определение психологического насилия и его форм. Высказана необходимость введения административной и уголовной ответственности за психологическое насилие в отношении несовершеннолетних.

**Ключевые слова:** психологическое насилие; посттравматическое стрессовое расстройство; домашнее насилие; буллинг; синдром «отчуждения».

Качество взрослой жизни человека существенно зависит от количества и глубины психологических и эмоциональных травм, пережитых им в детстве. Такие травмы обычно наносятся ребенку в рамках физического, сексуального и/или психологического насилия, совершенного в отношении него другими детьми или взрослыми, из которых в большинстве случаев это родственники или родители. При чем психологическое насилие обычно сопровождает физическое или сексуальное насилие, но на фоне последних ему не придают особого значения. Хотя психологическое насилие в самостоятельном виде очень распространено: его случаев на порядок больше, чем случаев физического и сексуально насилия вместе взятых.

Последствия психоэмоционального насилия над ребенком разнообразны. К непосредственным последствиям относят: шок, отрицание, страх, дезориентация, тревожность, нервозность, замыкание в себе, недоверие к людям, а также краткосрочные симптомы посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР): неэмоциональность, нарушения сна, флешбеки. К хроническим психологическим последствиям относят: депрессию, самоубийство или его попытки, отчуждённость, долговременные симптомы ПТСР. Как самое страшное: триггером действий маньяка могут быть воспоминания о факте психологического насилия над ним в детстве.

Чтобы защитить ребенка от жестокого обращения (любой вид насилия), от его последствий, обеспечить ему счастливое детство и право на жизненное пространство, которое формирует в нем физическое и психологическое здоровье, обеспечивает уровень образования, воспитывает моральные качества и нравственные принципы, т. е. готовит его к полноценной жизни в обществе, к созданию семьи и воспитанию собственных детей, необходимо оградить его от насилия и, если возникнет такая необходимость, защитить его, наказав насильников. Законодательство содержит регулирование противодействию физическому и сексуальному насилию, их пресечение и наказание за них (нормы административного и уголовного права).

Психологическое насилие, особенно в отношении детей, не получило должное внимание от законодателя. Игнорирование серьезности этого вида насилия, отсутствие четкой дефиниции и регламентации, сложность в установлении, в квалификации действий привели к слабому правовому регулированию в соответствующей области.

Согласно Декларации прав ребенка 1959 г., принятой Генеральной Ассамблеей ООН ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения и должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации [1].

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 сентября 2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей» судам (а значит и другим государственным органам) при рассмотрении таких дел в первую очередь надлежит руководствоваться Конвенцией ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.,



Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.; Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о браке и семье, Законом Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка». Таким образом, нормы международного права имеют прямое действие в белорусском законодательстве в сфере защиты детей.

Конвенция о правах ребенка гласит, что «...у детей есть право на защиту от физического и психологического насилия, унижающего достоинство наказания, оскорбления...». В ст. 19 установлена обязанность для государств-участников принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

В соответствии со ст. 24 Замечания общего порядка № 17 Комитета ООН по правам человека:

- государство обязано обеспечить, чтобы дети не подвергались актам насилия или грубому и бесчеловечному обращению (п.3),
- если родители... грубо обращаются с ребенком, государству следует вмешаться и ограничить родительскую власть (п.6) [2].

Ст. 9 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» обязывает государство обеспечить неприкосновенность личности ребенка, осуществляя его защиту от всех видов эксплуатации, включая сексуальную, от физического и (или) психического насилия, жестокого, грубого или оскорбительного обращения, унижения, сексуальных домогательств, в том числе со стороны родителей (опекунов, попечителей) и родственников. Закон обязывает лица, которым стало известно о фактах жестокого обращения, физического и (или) психического насилия в отношении ребенка, представляющих угрозу его жизни, здоровью и развитию, немедленно сообщить об этом в компетентный государственный орган.

Следует отметить, что термины «психическое насилие», «психологическое насилие» и «психоэмоциональное насилие» для целей данного исследования рассматриваются как тождественные.

Исходя из Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» «насилие в семье - умышленные действия физического, психологического, сексуального

характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания».

В соответствии с проектом МВД Республики Беларусь «Повышение национального потенциала государства по противодействию домашнему насилию в Республике Беларусь», проведенным совместно с ЮНФПА и ЮНИСЕФ, насилие над ребенком определяется как «любые действия или бездействие родителей либо других взрослых, в результате которых наносится вред физическому или психическому здоровью ребенка, создаются условия, мешающие его оптимальному развитию, а также нарушаются его права» [4].

Как можно увидеть, международное и национальное законодательство выделяют три основных вида насилия: физическое, психологическое и сексуальное. Насилие – любая форма взаимоотношений, направленная на установление или удержание контроля силой над другим человеком. К сожалению, насилие в отношении детей часто имеет латентный характер, потому что дети или не понимают, что в отношении них имеет место насилие, и воспринимают как должное, или боятся говорить о насилии в отношении себя из-за различных страхов. А поэтому уровень защиты детей от насилия должен быть особенно высок. И если физическое насилие и сексуальное насилие имеют достаточно жесткую правовую регламентацию, то правовой стандарт психологического насилия не сформирован.

В соответствии с действующей с 2014 года в Беларуси программе ЮНИСЕФ ООН «Детская без насилия» психологическое насилие это постоянное или периодическое вербальное или невербальное оскорбление ребенка; унижения или угрозы; обвинения в том, в чем он не виноват; демонстрация нелюбви и неприязни; постоянная ложь и искажение действительности, в результате чего ребенок теряет доверие к взрослому или к самому себе, а также предъявление к ребенку требований, которые не соответствуют его возрастным возможностям [5]. К психологическому насилию также относят запугивание ребенка, угрозу наказанием, оскорбления, обзывательства обидными словами, употребление нецензурной брани в присутствии ребенка и другое.

В Методических рекомендациях для педагогических работников по предупреждению, профилактике и устранению насилия в учреждении образования от 24 апреля 2024 г., утвержденных заместителем Министра образования Республики Беларусь, определено, что психологическое насилие включает в себя совокупность намеренных вербальных и

невербальных действий, направленных на унижение достоинства, игнорирование, отторжение, контролирование или социальную изоляцию несовершеннолетнего. Психологическое насилие может проявляться в насмешках, обзываниях (присвоении обидных кличек), высмеивании, отказе от общения, недопущении в группу, игру, на спортивное занятие или другое мероприятие, а также в оскорблении, грубых и унижительных высказываниях, ругани, которые подрывают самооценку и самоуважение человека, убеждают его в «никчемности», отверженности со стороны сообщества, обесценивают его личность. Буллинг – повторяющиеся акты физического или эмоционального (психологического) насилия и издевательств со стороны одного лица или группы лиц в отношении несовершеннолетнего с целью вызвать страх, унижить, подчинить.

Психологи определяют психологическое насилие (поведенческое, интеллектуальное, эмоциональное и проч.) в отношении ребенка – преднамеренное манипулирование ребенком как объектом, игнорирование его свободы, достоинства, прав, и приводящее к различным деформациям и нарушениям психического развития.

В отношении детей оно проявляется в различных формах: нецензурная брань в присутствии ребенка; чрезмерная критика и негативное оценивание; фрустрация основных нужд и потребностей ребенка; ложь и искажение действительности; чрезмерные требования к ребенку; насаждение своего мнения ребенку безо всякого учёта его мнения; отношение к ребенку не как к личности, а как к собственности; совершение в присутствии ребенка насилия по отношению к другим людям или угроза такого насилия; изоляция: лишение ребёнка социальных контактов или жесткий контроль над его доступом к родителям, братьям, другим значимым для него родственникам; обращение с ребенком как с подчиненным; оскорбление, брань, обвинение или публичное унижение ребенка или близких ему людей; отождествление с ненавистным или нелюбимым родственником; перекладывание на него ответственности за свои неудачи; газлайтинг; угрозы: запугивание ребенка с помощью действий, жестов, взглядов, используя свой рост и возраст; запугивание и угроза ребенку своим возможным поведением в ответ на его определенные правомерные действия; использование ребенка в качестве передатчика информации другому родителю или человеку; жесткое требование от ребенка говорить другим людям именно то, что приказал родитель; использование ребенка как средство давления или торга одним родителем на другого; втягивание

ребенка в оккультные практики или применение их в отношении него и многое другое.

Самой тяжелой формой психологического насилия, как представляется, выступает формирование у ребенка одним родителем «синдрома отчуждения» в отношении другого родителя (по международной классификации болезней МКБ-11 код QE 52.00). Отчуждение от родителя – это клинически значимое нарушение отношений ребенка с родителем и отнесено к психиатрическим заболеваниям. Его формирование включает два действия со стороны «родителя-агрессора»: изоляция ребенка от второго родителя (разрушение психо-эмоциональной связи и открытый или скрытый запрет на общение и встречи) и очернение второго родителя в глазах ребенка (сообщение ложной информации, искажение действительности, газлайтинг). Под влиянием родителя-манипулятора у ребенка появляется неоправданная враждебность ко второму родителю и нежелание общаться с ним. К счастью, при своевременном вмешательстве это заболевание можно излечить.

Психологическое насилие в отношении детей во всем своем многообразии форм продолжает процветать. Это чаще всего длящееся поведение, а не единичный случай. Оно является самым распространенным видом семейного насилия, и именно оно является «ядром» любого насилия, его исходной формой, на основе которого может возникнуть другие виды насилия. А потому и противодействовать ему надо даже исходя из превентивности.

Особенно остро психологическому насилию дети подвергаются на этапе развода родителей в ситуации, когда идет борьба за определение места жительства ребенка и порядок общения с ним отдельно живущего родителя при условии, что родители находятся в состоянии перманентной борьбы за ребенка и часто один из родителей манипулирует ребенком с целью получения каких-то преференций от второго родителя или просто ради удовлетворения личных интересов и амбиций. Дети в целом тяжело переживают развод родителей, поэтому нельзя допускать, чтобы это усугублялось психологическим насилием, которое обычно в таких ситуациях носит постоянный характер, создавая для ребенка длящуюся психотравмирующую ситуацию.

Дети нуждаются в максимально возможной регламентации правовой защиты их от любых форм психологического насилия.

Огромное количество отказных материалов по заявлениям о психологическом насилии доказывает изложенную позицию по проблеме.

Хотя Генеральный прокурор Республики Беларусь в своем выступлении в Парламенте 19 февраля 2024 года сказал, что необходимо разбираться в каждом случае насилия в отношении детей, что необходимо вести профилактическую работу по предотвращению насилия, а не замалчивать факты. «Должно быть нетерпимо в нашем обществе любое насилие в отношении ребенка. Не терпимо!». «Никому нет дела!» – так он определил проблему с насилием над детьми и призвал преодолевать ее работой государственных органов, имеющих на это полномочия [6].

Необходимо подробное законодательное регулирование правового обеспечения противодействия психологическому насилию в отношении детей.

6 января 2021 г. Республика Беларусь приняла Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2021–2025 гг., согласно которому были проведены различные мероприятия, в том числе совершенствование законодательства в сфере предупреждения насилия в семье, проработка вопроса о создании реестра информации о случаях домашнего насилия (в т.ч. случаев, где дети стали его свидетелями). Однако следует масштабировать данные правовые тенденции.

Должен быть законодательно подробно описан состав деяния «психологического насилия» с открытым перечнем действий (описать наиболее распространенные), которые подпадают под этот состав, потому что все формы психологического насилия невозможно указать в законодательном акте, чтобы сделать исчерпывающим их список. За формирование у ребенка одним родителем психиатрического заболевания «синдром отчуждения» в отношении другого родителя необходимо ввести уголовную ответственность, а за другие формы психологического насилия над детьми как минимум административную ответственность с административной преюдицией.

#### **Список использованных источников:**

1. Декларация прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1959/Офиц. сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – URL: <http://un.org/ru/global-issues/children> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Замечания общего порядка № 17 Комитета ООН по правам человека / Офиц. сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – URL: <http://un.org/ru> (дата обращения: 10.03.2025).

3. Конвенция о правах ребенка/Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – URL: <http://un.org/ru/global-issues/children> (дата обращения: 10.03.2025).

4. Проект МВД Республики Беларусь «Повышение национального потенциала государства по противодействию домашнему насилию в Республике Беларусь» /Нац. ц

5. Программа 2014 года в Беларуси ЮНИСЕФ ООН «Детская без насилия» /Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – URL: <http://un.org/ru/global-issues/children> (дата обращения: 10.03.2025).

6. Генеральный прокурор выступил в Парламенте с ежегодной информацией о деятельности органов прокуратуры в 2024 году/Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь – URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/sobytiya-i-meropriyatiya/generalnyy-prokuror-260225/> (дата обращения: 27.03.2025).

а

## УДК 342.7

о

в

о

й

# ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

*Т.Н. Кузьменкова*

*аспирант кафедры конституционного права, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

н

ф

о

*Научный руководитель – А. В. Шавцова, кандидат юридических наук,  
доцент*

р

**Аннотация.** В статье исследуется сфера информационной безопасности сквозь призму ее многоаспектности, в контексте интересов личности. Раскрыта проблематика теоретико-правового сопровождения информационной безопасности личности, определены проявления информационной безопасности в структуре правового статуса личности. Значимость настоящего исследования заключается в углублении теоретических знаний о закономерностях обеспечения информационной безопасности, возможности его использования в рамках учебного процесса, а также при разработке направлений совершенствования действующего законодательства.

**Ключевые слова:** информационная безопасность личности, права человека, кибербезопасность, защита персональных данных, гарантии прав и свобод, ограничения прав и свобод.

е

л

Эволюция общественных отношений обуславливает актуальность правового сопровождения наиболее значимых на конкретном этапе

р

у

с

ь

развития сфер. Одной из таких сфер на сегодняшний день выступает информационная безопасность. Данная категория многозначна, многоаспектна и может преломляться сквозь призму различных интересов. В Республике Беларусь информационная безопасность детально проработана с позиции интересов государства и общества. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 информационная безопасность в целом как категория, имеющая государственное значение является компонентом национальной безопасности и определяется как состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Несмотря на то, что в обеспечение правового сопровождения сферы информационной безопасности принято достаточное количество нормативных правовых актов, информационная безопасность личности на сегодняшний день выступает актуальным и перспективным направлением с точки зрения научно-теоретической разработки, а также правового регулирования.

Вопрос о необходимости обособления и более тщательной правовой проработке информационной безопасности личности поднимался в трудах Ю.И. Богатыревой, А.С. Жарова, Н.А. Збруевой, Т.Д. Логиновой, Е. Ю. Митрохиной, Е.Е. Никитиной, А.А. Тамодлиной, А.В. Туликова, В.А. Шаршуна и других исследователей. Так, В.А. Шаршун под информационной безопасностью личности понимает «...состояние защищенности, обеспечивающее реализацию конституционного права гражданина на информацию и исключаящее причинение вреда с помощью информации и информационных технологий здоровью и имуществу человека, его физическому, психическому и нравственному развитию» [1, с. 27]. Данное определение автор дает с учетом анализа исследований «С.В. Нуянзина и О.С. Нуянзина, определяющих информационную безопасность личности через «состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию человека» [1, с. 26]; Ю.И. Богатыревой, понимающей под информационной безопасностью личности состояние и условие жизнедеятельности личности, при которых отсутствует или минимизирована угроза нанесения вреда личному информационному пространству и той информации, которой

обладает индивид» [1, с. 26]; А.С. Жарова, который предлагает следующее определение: «информационная безопасность личности – это совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты ее конституционных прав и свобод от угроз в информационной сфере» [1, с. 26].

Часть законодательства Республики Беларусь связана с непосредственным правовым сопровождением информационной безопасности личности: запреты на распространение информации, направленной на пропаганду самоубийства, войны, экстремистской деятельности, потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, культа насилия и жестокости; запреты на использование в радио-, теле-программах, на интернет-ресурсах скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей или оказывающих вредное влияние на их здоровье. Однако отсутствие детальной теоретической проработки категории информационной безопасности сквозь призму интересов личности препятствует дальнейшей эволюции правового сопровождения сферы взаимодействия личности с информационным пространством.

Так, нуждаются в совершенствовании правового регулирования вопросы определения места информационной безопасности личности в общей системе обеспечения информационной безопасности; содержательного наполнения данного понятия; установления критериев определения вредоносного характера информации; соотношения информационной безопасности личности и свободы слова; использования искусственного интеллекта в информационном пространстве; допустимости отдельных приемов информационного воздействия на личность, в том числе манипулятивных технологий, «...инструментов «мягкого» воздействия на общественное сознание, таких как фейковая социология, интерпретация исторических событий и дат, прогнозирование развития экономической ситуации, толкование законодательства, распространение конспирологических, псевдонаучных, псевдоаналитических и околорелигиозных теорий и др.» [2, с. 68] и ряд других аспектов.

Полагаем, что теоретико-правовое развитие категории информационной безопасности личности необходимо начинать с определения ее места в структуре конституционно-правового статуса личности. По мнению Е.Е. Никитиной, «информационная безопасность личности непосредственно связана с человеком и не может развиваться вне контекста его конституционно-правового статуса» [3, с. 83]. За основу



можно взять конструкцию конституционно-правового статуса, предложенную Л.Д. Воеводиным, который выделил следующие его элементы: гражданство, правосубъектность; общеправовые идеи (принципы); права, свободы и обязанности, как центральный элемент, вокруг которого находятся все иные элементы; гарантии прав и свобод как условия и средства их реализации [4, с. 142-143]. Преломление информационной безопасности личности сквозь призму данной конструкции, позволит более четко определить правовые пределы и специфику регулирования исследуемой сферы.

В большинстве приведенных выше определений информационная безопасность личности выражается через состояние защищенности, гарантирующее реализацию информационных прав. Автором настоящего исследования также предлагается определять информационную безопасность через состояние защищенности: «Информационная безопасность личности есть состояние защищенности, гарантирующее реализацию ее прав и свобод в связи с производством, распространением, хранением, потреблением информации при условии минимизации негативного воздействия внутренних и внешних вызовов и угроз здоровью, собственности, физическому, психическому и нравственному развитию, мировоззренческим установкам и поддержания необходимого баланса интересов личности, общества и государства». Данное определение предполагает очертание определенных возможностей личности при взаимодействии с информационным пространством и в тоже время ее защиту государством от негативных последствий такого взаимодействия. Именно защита личности, по мнению автора, выступает ключевым компонентом информационной безопасности и выражается через право личности на безопасность в информационной сфере. Тем самым информационная безопасность находит свое место в самом центре конституционно-правового статуса личности – системе прав и свобод.

Поскольку сфера взаимодействия личности с информационной средой многоаспектна (подаваемый контент, способы и методы распространения информации, собственно информация о личности и другие аспекты, в том числе связанные с особой частью информационного пространства – киберпространством) право на безопасность в информационной сфере является комплексной категорией. Предлагаем выделить в нем следующие компоненты: право на кибербезопасность, право на защиту от деструктивного информационного воздействия; право на защиту персональных данных и иной личной информации. Несмотря на схожесть и

взаимозависимость всех трех элементов, можно выделить их специфические черты.

Право на кибербезопасность (в науке вместо термина кибербезопасность можно встретить понятия безопасность в киберпространстве, цифровая безопасность) опосредуется вопросами защиты личности в киберпространстве, обеспечивающей беспрепятственную работу с информацией, безопасность личного доступа в телекоммуникационные сети, процессы информационного обмена, защиту от кибербуллинга, онлайн-груминга, интернет-мошенничества, блокировку нежелательной рекламы, защиту от компьютерных вирусов, взлома аккаунта, иных кибератак.

Право на защиту от деструктивного информационного воздействия прежде всего отражает ограждение личности от определенного контента. Так, гарантируя в части 1 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» право государственных органов, физических и юридических лиц на поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации, в то же время устанавливает, что право на информацию не может быть использовано для пропаганды войны или экстремистской деятельности, а также для совершения иных противоправных деяний.

В соответствии со ст. 38 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах запрещено распространение сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств; информации о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ; информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности, порнографии, насилия и жестокости, в том числе пропагандирующей или побуждающей к самоубийству.

Право на защиту от деструктивного информационного воздействия предполагает также недопустимость отдельных способов и приемов распространения информации. Особо остро на сегодняшний день стоит вопрос о допустимости применения манипулятивных технологий в информационном пространстве, либо, по крайней мере, об оптимизации механизма организационно-правового регулирования их применения. Активное использование неявного информационного воздействия например, «утаивание психологически важной информации или включение

значимой информации в общий контекст информационного потока; намеренное упрощение и суггестия, выражающаяся в целенаправленном повторении; изменение смысла понятий: использование дефиниций, терминов, имеющих неоднозначный или скрытый смысл, который делает невозможным восприятие истинной картины произошедшего; намеренное включение широко известного образа – известных политических деятелей, представителей шоу-бизнеса, которые могут являться важными участниками в различных мероприятиях, акциях, оказывая психологическое воздействие на оценку того или иного события, меняя личностные установки и систему ценностей; ангажированность в освещении событий, акцентирование и поиск негатива в абсолютно любом явлении, происходящем в обществе; использование собственно «фейк-ньюс», создающих эмоциональную волну; вынесение абсурдной или спорной мысли в заголовок в форме вопроса или предположения...» [5, с. 8]) может причинить не меньший вред, чем распространение прямой деструктивной информации.

Право на защиту персональных данных и иной личной информации можно вывести из положений ст. 28 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании».

Несмотря на то, что информационная безопасность личности выражается через право личности на безопасность в информационной сфере, этим своим проявлением она не ограничивается. Согласимся с мнением Е.Е. Никитиной о том, что «...ограничение целей государства по обеспечению информационной безопасности личности только аспектом защиты человека от вредной информации для функционирования современного информационного общества недостаточно. В таком случае обеспечение информационной безопасности личности понимается крайне односторонне, так как нельзя ее сводить только к безопасности информации "о личности" и "для личности". Представляется, что для обеспечения информационной безопасности человека необходимо охранять и защищать широкий перечень конституционных прав...» [3, с. 91], связанных с поиском, получением, передачей, сбором, обработкой, накоплением, хранением, распространением, предоставлением и использованием информацией.

Исследуя место информационной безопасности в структуре конституционно-правового статуса личности следует обратить внимание на иные (нежели права и свободы) его элементы. Само определение информационной безопасности через состояние защищенности, гарантирующее реализацию прав, свобод и законных интересов личности в информационном пространстве, предопределяет проработку информационной безопасности сквозь призму гарантий прав и свобод как условий и средств их реализации.

По мнению Е.Е. Никитиной информационная безопасность личности взаимосвязана и взаимообусловлена конституционно-правовым статусом личности. «Но она не может быть признана новым правом человека, а относится к именно к гарантиям прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 92]. Соглашаясь с умозаключением автора о проявлении информационной безопасности в качестве гарантии реализации прав и свобод, полагаем, что право личности на безопасность в информационной сфере все же выступает ключевым ее проявлением.

Исследуя место информационной безопасности в определении правового положения личности, можно обосновать необходимость ее разработки и в аспекте оснований к ограничению отдельных прав и свобод человека. В соответствии со ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Необходимость обеспечения информационной безопасности личности может включаться в качестве составляющей вышеперечисленных оснований, в том числе как обязанность воздерживаться от нарушения прав, свобод и законных интересов других лиц. Так, на основе анализа ст. 37<sup>1</sup> Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» можно сделать вывод, что среди несовершеннолетних запрещается к распространению информация, способная оказать негативное влияние на здоровье, физическое, нравственное и духовное развитие детей. Тем самым информационная безопасность несовершеннолетних служит основанием для ограничения свободы слова и права на распространение информации среди несовершеннолетних.

С учетом обозначенной проблематики следует отметить, что информационная безопасность многоаспектная категория и может преломляться сквозь призму различных интересов. Отсутствие детальной

теоретической проработки информационной безопасности с учетом интересов личности препятствует дальнейшему совершенствованию правового сопровождения сферы обеспечения ее безопасности при взаимодействии с информационным пространством.

Теоретико-правовое развитие информационной безопасности личности необходимо начинать с определения ее места в структуре конституционно-правового статуса как права на безопасность в информационной сфере, как одной из гарантий реализации иных конституционных прав и свобод. Кроме того, правовое положение личности будет зависеть от существующих оснований ограничения прав и свобод, среди которых есть место и информационной безопасности личности.

Преломление информационной безопасности личности сквозь призму данной конструкции, позволит более четко определить пределы и специфику правового регулирования сферы взаимодействия личности с информационным пространством.

#### **Список использованных источников:**

1. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах правового регулирования обеспечения информационной безопасности личности / В. А. Шаршун // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: материалы круглого стола каф. гос.упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус.гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. – Минск: БГУ, 2022. – 298 с. – С. 23-30.
2. Пунченко, В. Н, Речиц Е. В. Информационная безопасность: новые вызовы в условиях пандемии / В. Н.Пунченко, Е. В. Речиц / Беларуская думка. – № 6. – 2021. – С.66–72.
3. Никитина, Е. Е. Информационная безопасность как элемент конституционного статуса личности / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 81–94.
4. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2016. – 399 с.
5. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие. – Москва : Блок-Принт, 2023. – 144 с.

## ПРАВО НА ИНФОРМАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

*А. К. Кукета*

*студентка 2 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,*

*профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию права на информационное самоопределение в контексте конституционного права Беларуси. Анализируется его соотношение с законодательством о защите персональных данных и Конституцией. Обосновывается необходимость закрепления этого права в Конституции для усиления защиты личности в условиях цифровизации общества, приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами.

**Ключевые слова:** право на информационное самоопределение; конституционные права; защита персональных данных; частная жизнь; цифровизация.

Концепция права на информационное самоопределение сформировалась во второй половине XX века как ответ на вызовы, связанные с развитием информационных технологий и возникновением угроз конфиденциальности личности. Данное право впервые получило юридическое признание в решениях Конституционного суда Германии в 1983 году по «Делу о переписи населения», где было определено как «право личности самостоятельно решать вопрос о передаче и использовании своих персональных данных» [1]. В дальнейшем эта концепция была воспринята правовыми системами многих европейских государств и легла в основу общеевропейского подхода к защите персональных данных.

Право на информационное самоопределение – возможность лица самостоятельно определять, какую информацию о себе раскрывать, в каком объеме и как она может быть использована. Это право является логическим продолжением конституционных прав человека на невмешательство в частную жизнь и защиту персональных данных. Данные положения свидетельствуют о том, что личность человека не может сводиться к совокупности данных о нем, а факт распространения информации о себе не должен становиться основанием для неправомерного использования этой информации другими лицами, в то же время само лицо, распространяющее информацию о себе, не должно подвергаться последствиям неправомерного использования его личной информации.

Одним из примеров последствий отсутствия закрепления права на информационное самоопределение является проблема конфликта устаревшей информации о лице с его же текущими интересами, когда потерявшая свою актуальность информация препятствует формированию новых возможностей.

Закрепление права на информационное самоопределение в белорусском законодательстве позволило бы решать подобного рода проблемы путем формирования соответствующих механизмов правовой защиты. И, в свою очередь, стало бы аналогом международных стандартов в области защиты данных, что особенно актуально в условиях цифровизации общества и роста киберпреступности.

Конституция Республики Беларусь не содержит прямого упоминания о праве на информационное самоопределение, однако ряд ее положений можно рассматривать как фундамент для признания и защиты этого права. Ключевое значение имеет норма Конституции, провозглашающая право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство. Эта норма также закрепляет создание государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании, что создает основу для защиты персональных данных как элемента частной жизни.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что право на информационное самоопределение является органичным развитием системы конституционных прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации общества.

Законодательство о защите персональных данных, включая Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» и Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», представляет собой конкретизацию отдельных аспектов права на информационное самоопределение, однако не заменяет необходимости его прямого конституционного закрепления. Интеграция этого права в текст Конституции позволила бы создать фундамент для дальнейшего развития белорусского законодательства в сфере информационной безопасности, усилить защиту личности и обеспечить соответствие национального права современным международным стандартам.

**Список использованных источников:**

1. Талапина, Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2022. – № 5. – С. 24–43.

## УДК 342

### ПРЯМОЙ ДОСТУП ГРАЖДАН К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*А.А. Мартьянова*

*магистрант кафедры конституционного права, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет  
Научный руководитель – А.М. Синицына, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматривается право на доступ к конституционному правосудию в Республике Беларусь. Исследован субъектный состав, обладающий правом подачи конституционной жалобы, а также требования, предъявляемые к жалобе. Автором сформулированы предложения, направленные на обеспечение реализации права граждан на доступ к конституционному правосудию.

**Ключевые слова:** институт конституционной жалобы; Конституционный Суд; конституционное правосудие; конституционная жалоба.

На протяжении многих лет в белорусской модели судебного конституционного контроля отсутствовал институт конституционной жалобы, а предусмотренные механизмы косвенного обращения граждан и юридических лиц в Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) продемонстрировали свою недостаточную эффективность.

Особое место в государственном механизме защиты прав человека занимает Конституционный Суд, который после референдума 2022 г. приобрел новое полномочие – рассмотрение конституционных жалоб.

Согласно п. 5 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон «О конституционном судопроизводстве») конституционная жалоба – обращение гражданина о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, которым, по мнению гражданина, нарушены его конституционные права и свободы.



Таким образом, субъект конституционной жалобы в Республике Беларусь – гражданин. Кроме того, в соответствии со ст. 11 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами. Ст. 60 Конституции гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом.

Представляется, что данные нормы свидетельствуют о возможности обращения в Конституционный Суд наряду с гражданами иностранных граждан и лиц без гражданства.

В соответствии со ст. 152 Закона «О конституционном судопроизводстве» конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, нарушены законом, примененным в конкретном деле. Исходя из смысла названной статьи в ее взаимосвязи с вышеуказанными положениями Конституции возможность защиты прав и свобод посредством конституционного судопроизводства должна быть обеспечена в том числе гражданам, осуществляющим индивидуальную предпринимательскую деятельность, если законом, примененным в конкретном деле с их участием, нарушены конституционные права и свободы [1, ст. 116].

Как правило, подача конституционной жалобы может быть осуществлена самостоятельно гражданами, которые считают, что их конституционные права и свободы были нарушены. Однако действующее законодательство предусматривает возможность представительства интересов субъекта конституционной жалобы адвокатами, законными представителями (родителями, усыновителями (удочерителями), опекунами или попечителями).

Законодательство предусматривает ряд требований к конституционной жалобе по ее форме и содержанию, а также условий ее приемлемости. Соответствующие положения определены ст.ст. 153 и 154 Закона «О конституционном судопроизводстве».

Конституционная жалоба допустима, если имеются признаки нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием; конституционная жалоба подана в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства

судебной защиты по соответствующей категории дел; исчерпаны все другие средства судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела.

Проанализировав вынесенные Конституционным Судом определения об отказе в возбуждении производства по делу о конституционности, можно констатировать, что в большинстве случаев отказано в возбуждении производства по делу о конституционности ввиду недопустимости конституционной жалобы, а именно из-за отсутствия признаков нарушения конституционных прав заявителя.

Институт конституционной жалобы во многих государствах является эффективной правозащитной конструкцией, когда физическое лицо имеет право оспорить закон, если полагает, что он нарушает его права. В Республике Беларусь оценивать эффективность данного института пока преждевременно. Конституционным Судом принято всего одно решение по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе. Предметом обжалования явилась ст. 12.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Несмотря на то, что норма была признана конституционной, белорусский орган конституционного правосудия обратил внимание на наличие конституционно значимого пробела в правовом регулировании наложения административных взысканий за совершение нескольких административных правонарушений, образующих совокупность.

Следует отметить, что особую актуальность институт конституционной жалобы приобретает ввиду того, что в настоящее время Конституционным Судом практически не используются его полномочия по осуществлению последующего конституционного контроля. Расширение круга субъектов, обладающих правом инициирования конституционного судопроизводства, способствует активизации деятельности указанного органа как органа конституционного правосудия. Особую ценность представляют правовые позиции Конституционного Суда, которые служат ориентиром для нормотворческих и правоприменительных органов.

В силу того, что защита прав и свобод человека является конституционно-правовой и международно-правовой обязанностью современного государства, в процессе осуществления конституционного правосудия права человека становятся важным критерием, в соответствии с которым решается вопрос о конституционности нормативных правовых актов.

Внедрение в отечественную практику института конституционной жалобы является весьма прогрессивным шагом. Данный институт направлен на обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, развитие Республики Беларусь как демократического и правового государства, основывающегося на принципе конституционной законности.

Прямой доступ граждан к конституционному правосудию, несомненно, призван служить механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина, который расширяет пределы участия личности в делах государства, способствует наиболее полному учету мнения граждан по значимым правовым вопросам, что необходимо в правотворческом процессе, а также повышению уровня правосознания всех участников правоотношений.

Большинство поступивших жалоб в Конституционный Суд были признаны неприемлемыми. Полагаем, что это связано с недостаточным уровнем осведомленности граждан, не широко освещен порядок доступа к конституционному правосудию. Решение такой проблемы видится в проведении на регулярной основе мероприятий по правовому просвещению граждан (в том числе адвокатами в рамках оказания юридической помощи), в результате которых гражданам будет доступно, что конституционная жалоба – это их дополнительная гарантия, когда исчерпаны все средства защиты в судах общей юрисдикции. В рамках вынесения решений судами общей юрисдикции, гражданам также может быть разъяснено право на обращение в Конституционный Суд.

#### **Список использованных источников:**

1. Сеницына, А. М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности / А. М. Сеницына // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 6. – С. 115–120.

## ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*А. Д. Минчуков*

*студент 2 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,*

*профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** В статье исследуются вопросы, касающиеся моделей судебного конституционного контроля. Проводится классификация судебного конституционного контроля. Отражено взаимодействие Конституционного Суда и судов общей юрисдикции. Высказаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

**Ключевые слова:** судебный конституционный контроль, виды конституционного контроля; модели судебного конституционного контроля.

Внесение изменений и дополнений в Основной Закон в марте 2022 г. повлекло за собой активную законотворческую деятельность, необходимую для приведения всего национального законодательства в соответствие с обновленной Конституцией. В такой период особенно важно уделять внимание субъектам конституционного контроля и их деятельности, от которой зависит качество принимаемых и вступающих в силу законов, их соответствие принципу законности и конституционности и, как следствие, – способность государства выполнять свои функции и обязательства в соответствии с Конституцией.

Конституционный контроль – это деятельность государственных органов и должностных лиц по охране норм Конституции. К таким государственным органам и должностным лицам можно отнести органы прокуратуры, Министерство юстиции, Правительство, Палату представителей, Совет Республики, Президента, Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) и др. Каждый из этих органов действует в рамках своих полномочий, часть из которых так или иначе относится к охране конституционных норм.

Отдельно следует выделить судебный конституционный контроль, принципиальное отличие которого от конституционного контроля состоит в том, что субъектами судебного конституционного контроля являются Конституционный Суд и суды общей юрисдикции. Таким образом,

судебный конституционный контроль – это деятельность судебных органов по охране норм Конституции. Поскольку данные органы относятся к государственным, судебный конституционный контроль можно считать подвидом конституционного контроля.

Традиционно выделяют две модели судебного конституционного контроля. В основу американской модели ложится принцип наделения судов общей юрисдикции правом осуществлять конституционный контроль. В некоторых государствах данными полномочиями обладает исключительно Верховный суд (Индия, Эстония), в других – суды различных инстанций (Аргентина, США, Япония). В последнем случае при расхождении позиций будет действовать решение суда более высокой инстанции. Европейская модель, которую также называют австрийской, или кельзеновской, предполагает наличие отдельного судебного органа, не входящего в систему судов общей юрисдикции, который специализируется на конституционном контроле. Таким органом в большинстве государств европейской модели является Конституционный суд. Однако, к примеру, во Франции действует Конституционный совет, а в Польше – Конституционный трибунал и т. д. Иногда выделяется смешанная модель, сочетающая в себе признаки европейской и американской моделей [1].

Судебный конституционный контроль может быть классифицирован по различным признакам.

В зависимости от того, происходит рассмотрение акта до или после его вступления в законную силу, различают предварительный и последующий контроль. Подразумевается, что ряд законов, учитывая их значимость, подвергаются обязательному контролю на соответствие конституции перед тем, как вступят в силу. При последующем контроле деятельность контрольного органа осуществляется в отношении уже вступивших в законную силу актов. В различных государствах могут предусматриваться как обе данные формы конституционного контроля, так и какая-либо одна из них.

В зависимости от привязки к определенному разбирательству различают абстрактный и конкретный контроль. При абстрактном контроле проверка акта осуществляется по инициативе субъекта, уполномоченного данную проверку инициировать, при этом достаточно возникших сомнений в неконституционности акта. При конкретном контроле акт проверяется после того, как суд, рассматривая конкретное дело, приходит к выводу о том, что норма, которую следует применить, не соответствует Конституции.

Затем, как правило, суд инициирует проверку конституционности акта, содержащего упомянутую норму.

В зависимости от обязательности осуществления различают факультативный и обязательный конституционный контроль. При факультативном контроле уполномоченный субъект наделен правом, но не обязанностью, инициировать рассмотрение акта на предмет соответствия Конституции, то есть рассмотрение акта не состоится, если не будет инициировано. При обязательном контроле акт проверяется органом конституционного контроля в обязательном порядке [2].

В зависимости от правомочности различных судебных органов осуществлять конституционный контроль можно выделить централизованный и децентрализованный контроль. Децентрализованный контроль может осуществляться судами любой инстанции. Централизованный контроль означает, что конституционный контроль вправе осуществлять только суд высшей инстанции (в зависимости от модели, это может быть суд общей юрисдикции или специальной юрисдикции).

В зависимости от предмета судебный конституционный контроль может быть формальным и материальным. При формальном контроле проверяется соблюдение требований конституции к процессу издания акта. При материальном контроле предметом рассмотрения становится сам акт, его содержание.

По объему выделяются полный и частичный судебный конституционный контроль. Полный контроль может охватывать всю систему общественных отношений, которые регулируются Конституцией. Частичный контроль ограничен определенными сферами данных отношений, к примеру основы конституционного строя, права человека и т.д.

Итак, Конституционный Суд Республики Беларусь является специализированным органом, который, согласно ч. 1 ст. 116 призван осуществлять контроль за конституционностью нормативных правовых актов посредством конституционного судопроизводства, обеспечивая тем самым верховенство Конституции и ее прямое действие на территории Республики.

Заключения и решения Конституционного Суда являются окончательными и не подлежат обжалованию или опротестованию. Данные акты имеют прямое действие, т.е. не требуют подтверждения иными государственными органами или должностными лицами. Считается, что

любой нормативный правовой акт, который был признан не соответствующим Конституции, не имеет юридической силы.

Проанализировав положения, касающиеся Конституционного Суда и его места в судебной системе Республики Беларусь, можно сделать вывод о централизованном характере судебного конституционного контроля в нашей стране; Конституционный Суд является единым органом, не имеющим территориальных подразделений.

Существует строго ограниченный круг лиц, уполномоченных обращаться в Конституционный Суд по определенным категориям дел. Данные лица упомянуты в ст. 116-1 Конституции, где также указаны категории дел, рассматриваемых Конституционным Судом. В Законе «О конституционном судопроизводстве» имеются уточняющие положения об особенностях судопроизводства по каждой из категорий.

Президент, Президиум ВНС, палаты Парламента, Верховный Суд, Совет Министров имеют право вносить предложения о даче толкования Конституции, о соответствии Конституции действующих законов и подзаконных нормативных правовых актов. По ряду вопросов правом обращения в Конституционный Суд наделен исключительно Президент Республики Беларусь. К таким относятся предложения о даче заключения о внесении изменений и дополнений в Конституцию, о конституционности закона, принятого Парламентом, о соответствии Конституции вопроса, выносимого на республиканский референдум, о конституционности не вступившего в силу международного договора, о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции палатами Парламента. Инициатива внесения предложений по даче заключения о конституционности проведения президентских или парламентских выборов, а также о наличии фактов систематического или грубого нарушения Президентом Конституции, принадлежит Президиуму ВНС.

Таким образом, Президент вправе обращаться в Конституционный Суд по наибольшему количеству вопросов. Граждане также могут обращаться в Конституционный Суд с жалобой о нарушении их конституционных прав, но это их право довольно сильно ограничено. Так, в Законе «О конституционном судопроизводстве» указывается на то, что такая жалоба допустима, если в том числе исчерпаны другие средства защиты конституционных прав и свобод гражданина в судебном порядке при разрешении конкретного дела.

Исходя из категорий дел, которые уполномочен рассматривать Конституционный Суд, можно констатировать, что в Республике Беларусь

развиты как предварительная, так и последующая формы конституционного контроля. При этом в период с 2008 по 2022 гг. предварительный конституционный контроль являлся основным направлением деятельности Конституционного Суда. Это обуславливалось тем, что предварительная проверка законов, принятых Парламентом до их подписания Президентом, в Конституционном Суде производилась в обязательном порядке [3]. После внесения изменений и дополнений в Основной Закон, был осуществлен переход от обязательного предварительного конституционного контроля к факультативному. Также отметим, что Республике Беларусь действует полный судебный конституционный контроль, а в зависимости от предмета, имеет место как формальный, так и материальный контроль.

Нередко противоречие акта Основному Закону обнаруживается тогда, когда настает время его применения по отношению к конкретному делу. Таким образом, первыми, кто это выявляет, часто становятся суды общей юрисдикции [4]. Согласно ст. 112 Конституции суды общей юрисдикции наделены правом обращения в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности того или иного акта, в том числе при рассмотрении дел судами в форме апелляционного, кассационного, надзорного производства.

Таким образом, первоочередное значение Конституционного Суда имеется при рассмотрении абстрактных дел, в то же время суды общей юрисдикции могут участвовать в процессе конкретного судебного конституционного контроля, однако учитывая соотношение полномочий, их роль в данной области невелика. Соответственно, встает вопрос об отнесении белорусского судебного конституционного контроля к конкретной модели. В настоящее время устоялось мнение, что судебный конституционный контроль в Беларуси относится к австрийской модели [5]. Весомым аргументом здесь можно назвать исключительную роль Конституционного Суда, за которым всегда остается последнее слово при разрешении споров о конституционности того или иного акта. В то же время нельзя игнорировать существующие нормы, хоть и незначительные, которые наделяют суды общей юрисдикции определенным объемом полномочий в области конституционного контроля.

Ранее белорусский юрист и ученый Г. А. Василевич также справедливо высказывал мнение, что в Беларуси – смешанная модель судебного конституционного контроля [1]. В предыдущих редакциях Конституции содержалось положение, согласно которому суд общей юрисдикции при рассмотрении дела, если он приходил к выводу о противоречии Конституции акта, который следовало применить, то он обязан был



принимать решение в соответствии с Основным Законом, поставив при этом вопрос о признании акта неконституционным [6]. В действующей редакции данное положение отсутствует, а суд, направив запрос, обязан приостановить дело.

По нашему мнению, в законодательство в сфере судебного конституционного контроля следовало бы внести ряд изменений. Так, считаем необходимым принятие Кодекса о конституционном судопроизводстве, за основу которого можно взять действующий одноименный Закон. Подобное действие скорее не подчеркнуло бы превосходство, а уравнило бы данный акт в иерархии нормативных правовых актов с подобными ему, содержащими процессуальные нормы при рассмотрении определенной категории дел (Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и др.).

Также считаем нужным предложить укрепление института конституционной жалобы. Следовало бы смягчить существующие на данный момент требования, по которым лицо обязано последовательно обжаловать судебные постановления нижестоящих судов общей юрисдикции вплоть до Верховного Суда (Президиума Верховного Суда). К примеру, можно позволить лицам обращаться с конституционной жалобой на конкретный акт после вынесения судебного постановления судом любой инстанции, начиная с первой. В качестве положительного примера можно привести опыт работы Конституционного Суда ЮАР, который рассматривает дела по подобным жалобам, в том числе поступающие из судов провинций.

Таким образом, Конституционный Суд в ходе реализации своих полномочий осуществляет судебный конституционный контроль в нашей стране. Белорусский судебный конституционный контроль является факультативным, централизованным, полным. Он может быть как формальным, так и материальным, как предварительным, так и последующим. При этом Конституционный Суд осуществляет контроль абстрактный и конкретный.

#### **Список использованных источников:**

1. Василевич Г. А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь / Г. А. Василевич // Право и демократия : сборник научных трудов. Вып. 25 (2014) : Раздел I. – Минск : БГУ, 2014. С. 34–35.
2. О законодательном механизме реализации конституционного контроля [Электронный ресурс] : Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

– Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/july/74877/>. – Дата доступа : 04.11.2024.

3. Миклашевич, П. П. Развитие конституционного контроля в Республике Беларусь в современных условиях / П. П. Миклашевич // Научно-практический журнал ПРАВО.ВУ. – 2016. – № 4. – С. 5–9.

4. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журн. рос. права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

5. Миклашевич П. П. Развитие конституционного контроля в Беларуси: особенности доктрины и практики / П. П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2011. – № 4. – Режим доступа : <http://kc.gov.by/document-36033/>. – Дата доступа : 04.11.2024.

6. Василевич, Г. А. Органы представительной и исполнительной власти как субъекты конституционного контроля / Г. А. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 248–254.

## УДК 342

### СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1994 ГОДА И КОНСТИТУЦИИ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1992 ГОДА

*Ю. А. Модзелевская*

*студентка 3 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. С. Масловская, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье проводится анализ основ конституционно-правового статуса личности в Республике Беларусь и Словацкой Республике. Выявлены основные схожие черты и отличия в правовом регулировании конституционно-правового статуса личности по Конституции Республики Беларусь и Конституции Словацкой Республики.

**Ключевые слова:** Конституция; конституционно-правовой статус личности; Республика Беларусь; Словацкая Республика; права; свободы; обязанности.

Конституционно-правовой статус личности включает в себя совокупность прав, свобод и обязанностей, которые признаются и защищаются государством, а также механизмы их реализации и защиты.

Конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина отражают наиболее существенные, коренные связи и отношения между государством и личностью, т.е. жизненно важные, необходимые для обоих субъектов. Возлагая на граждан основные обязанности, государство сохраняет за собой возможность в лице соответствующих органов устанавливать содержание и объем этих обязанностей путем издания конкретизирующих актов, определять условия их исполнения, принимать меры воздействия к тем, кто злостно уклоняется от их несения [1, с. 28].

Раскрывая содержание понятия «правовой статус личности», выделим его отличительные черты:

1. Базируется на положении личности в обществе и государстве, а потому обуславливается внешними и внутренними факторами, воздействующими на личность.
2. Устанавливается, гарантируется государством.
3. Находит свое закрепление в источниках права, применяемых в том либо ином государстве.
4. Является неотъемлемым элементом правовой культуры личности, компонентом правовой системы государства.
5. Характеризуется динамичностью, может изменяться в процессе эволюции общества и государства.
6. Предполагает потенциальную возможность личности на правовое поведение.
7. Имеет объективно-субъективный характер.
8. Имеет сложную структуру [2, с. 64].

В Республике Беларусь основы конституционно – правового статуса личности закреплены в разделе II Конституции, принятой 15 марта 1994 года. В Конституции Словацкой Республики 1992 года конституционно – правовой статус личности закреплен в главе второй. В отличие от Конституции Беларуси, в Конституции Словакии глава, касающаяся правового статуса личности, разделена на разделы: основные права и свободы, политические права, социальные, экономические, культурные и иные.

В обеих Конституциях есть схожие положения, характеризующие правовой статус личности. К таким положениям относятся, например: право на жизнь (ст. 24 Конституции Беларуси, ст. 15 Конституции Словакии), запрет на дискриминацию при обеспечении прав и свобод (ст. 22 Конституции Беларуси, ст. 34 Конституции Словакии), право на

неприкосновенность личности, уважение достоинства личности (ст. 25 Конституции Беларуси, ст. 16, ст. 19 Конституции Словакии), презумпция невиновности (ст. 26 Конституции Беларуси, ст. 50 Конституции Словакии), ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом (ст. 23 Конституции Беларуси, ст. 13 Конституции Словакии), право на выбор вероисповедания (ст. 31 Конституции Беларуси, ст. 24 Конституции Словакии) и иные.

Следует отметить, что в ст. 2 Конституции Беларуси установлено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В ст. 12 Конституции Словакии закреплено, что основные права и свободы гарантируются на территории Словацкой Республики всем независимо от пола, расы, цвета кожи, языка, веры и религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, национальности или принадлежности к этнической группе, имущественного положения, рода и других обстоятельств. Обе конституционные нормы подчёркивают ключевую роль прав и свобод человека в государстве. Конституция Беларуси делает акцент на том, что права, свободы и их гарантии являются высшей ценностью и целью общества и государства, отражая идею приоритета прав человека. В свою очередь, Конституция Словакии подчёркивает равенство всех людей в правах и свободах, независимо от любых характеристик, что отражает универсальный подход к правам человека.

Помимо основных прав, в Основном Законе Беларуси закреплены также основные обязанности человека перед государством. К таким обязанностям относятся: обязанность соблюдать Конституцию Республики Беларусь, уважать права и свободы других лиц, беречь историко-культурные ценности страны и иное. Следует отметить, что после референдума 27 февраля 2022 года в Конституции Беларуси был расширен круг обязанностей. Так, отныне каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21), охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам – долг каждого (ст. 55), сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ст. 54) и др.

В Конституции Словакии круг обязанностей граждан достаточно лаконичен. В ней содержатся условия, при которых обязанности могут возлагаться. Таким образом, обязанности можно возлагать: законом либо на основе закона, в его границах и при соблюдении основных прав и свобод;

международным договором, распоряжением Правительства. К конкретным обязанностям личности, закрепленным в Конституции Словакии относятся: обязанность беречь и улучшать окружающую среду и культурное наследие, обязанность защищать Словацкую Республику. Более широкий круг обязанностей содержится в иных актах. Например, в Гражданском кодексе Словакии закреплена обязанность физических лиц обеспечить отсутствие угроз или нарушений прав, вытекающих из гражданских правоотношений, а также разрешение любых конфликтов между участниками, в первую очередь путем их соглашения (§ 3). В Трудовом кодексе закреплена обязанность работодателей обеспечивать работникам заработную плату и создавать условия труда, позволяющие работникам выполнять свою работу в меру своих способностей и знаний, развивать творческую инициативу и повышать квалификацию (§ 4) и иные.

Как упоминалось ранее, в Конституции Словакии все права сгруппированы по видам. К личным правам относятся: право на жизнь (ст. 15), право на личную свободу (ст. 17), право на уважение человеческого достоинства (ст. 19), право на тайну переписки (ст. 22) и иные. К политическим правам относятся: право выражать свои мысли (ст. 26), право петиции (ст. 27), право мирно собираться и свободно объединяться (ст. 28, ст. 29) и иные. Отдельным разделом выделены права национальных меньшинств и этнических групп, а именно право совместно с другими представителями меньшинства или группы развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке, объединяться в национальные объединения, создавать и содержать учреждения образования и культуры (ст. 34). Раздел пятый посвящен экономическим, социальным и культурным правам, к которым относятся: право на свободный выбор профессии (ст. 35), право свободно объединяться с другими лицами для защиты своих экономических и социальных интересов (ст. 37), женщины, молодежь и лица с нарушениями здоровья имеют право на повышенную охрану здоровья в процессе труда и особые условия труда (ст. 38) и др.

Следует упомянуть, что Конституция Беларуси и Конституция Словакии основываются на принципе защиты прав и свобод человека. Принцип защиты прав и свобод человека обязывает государственные органы гарантировать уважение и соблюдение базовых прав и свобод граждан. В ст. 19 Конституции Словакии закреплено, что каждый имеет право на защиту от необоснованного вмешательства в частную и семейную жизнь, каждый имеет право на защиту от необоснованного сбора или

опубликования данных о своей личности либо иного злоупотребления ими. В Конституции Беларуси данный принцип закреплен в ст. 22, а именно все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

В заключении можно отметить, что и Конституция Республики Беларусь 1994 г., и Конституция Словацкой Республики 1992 г. имеют свои отличия, связанные в том числе и с регламентацией прав, свобод и обязанностей. Ключевой особенностью Основного Закона Республики Беларусь выступает закрепление прав и свобод без объединения их в группы, а также регламентация достаточно широкого каталога обязанностей личности. В Конституции Словакии все права свободы личности сгруппированы по видам, однако обязанности закреплены фрагментарно.

#### **Список использованных источников:**

1. Прудникова Т. А., Егоров С. А. Конституционно-правовой статус личности и его основные принципы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2014. – №. 4. – С. 28–30.
2. Костюкова, А. В. Понятие и структура правового статуса личности [Электронный ресурс] / А. В. Костюкова // Курсантские исследования : сборник научных работ / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2023. – Вып. 10. – С. 64–66.

#### **УДК 342**

### **О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Н. К. Никитин*

*студент 2 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,  
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** В статье исследуются правовые аспекты, связанные с реализацией гражданами на обращение в Конституционный Суд. Анализируется допустимость конституционной жалобы. Вносится предложение по упрощению обращений граждан в Конституционный Суд.

**Ключевые слова:** конституционная жалоба; Конституционный Суд; конституционное правосудие.

27 февраля 2022 года, в результате Республиканского референдума, Конституция Республики Беларусь была дополнена статьей 116-1, которая предусматривает прямое обращение граждан в Конституционный Суд Республики Беларусь с жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод, по поводу законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Для реализации данной нормы Конституции в 2023 году были внесены изменения в Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве», где был предусмотрен ряд статей, определяющих перечень документов и иных материалов, которые должны быть приложены к конституционной жалобе (статьи 154 – 155 Закона), условия допустимости конституционной жалобы (ст. 153 Закона).

Согласно ст. 152 Закона конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, были нарушены законом, примененным в конкретном деле с его участием.

Конституционная жалоба допустима, если:

1.1. имеются признаки нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием;

1.2. конституционная жалоба подана в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел;

1.3. исчерпаны все другие средства судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела.

В соответствии со ст. 154, в конституционной жалобе указываются: данные гражданина и представителя, если имеется представитель, название примененного в конкретном деле закона и реквизиты закона, нормы Конституции, закрепляющие полномочие Конституционного Суда и право гражданина на подачу конституционной жалобы, позиция гражданина по поставленному в конституционной жалобе вопросу, сведения, что гражданин исчерпал все другие средства судебной защиты, требование гражданина, обращенное к Конституционному Суду, а также предусмотрено, что перечень прилагаемых документов включает копию документа, удостоверяющего личность, копии судебных постановлений и иные материалы (ст. 155 Закона).

Секретариат Конституционного Суда производит предварительное рассмотрение конституционной жалобы на соответствие требованиям статей 29, 153 – 155 Закона и уведомляет гражданина о соответствии или о несоответствии его конституционной жалобы требованиям Закона. В случае соответствия, гражданину также высылается уведомление о необходимости уплаты государственной пошлины, которая составляет 0,5 базовой величины. Государственная пошлина должна быть уплачена, и квитанция об оплате должна быть предоставлена в Конституционный Суд в течение одного месяца со дня получения уведомления.

Конституционная жалоба, признанная по результатам предварительного рассмотрения соответствующей требованиям Закона, после уплаты государственной пошлины докладывается Председателю Конституционного Суда, который поручает одному или нескольким судьям предварительное изучение конституционной жалобы. По результатам предварительного изучения обращения судья или судьи Конституционного Суда излагают свое мнение о наличии или отсутствии основания для возбуждения производства по делу. Конституционный Суд принимает определение о возбуждении производства по делу, в котором определяет судью-докладчика или судей-докладчиков и устанавливает срок для подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании – не позднее двух месяцев, после предоставления оплаты государственной пошлины гражданином. Конституционный Суд выносит решение о соответствии Конституции закона или его отдельных положений или о несоответствии закона и его отдельных положений.

Полагаем, что возможность гражданам напрямую обращаться в Конституционный Суд с конституционной жалобой является полезным и перспективным инструментом для внесения изменений в законодательство с целью его улучшения, а также это возможность восстановить свои нарушенные права.

В 2024 году Конституционный Суд рассмотрел две конституционные жалобы, по которым заявителям было отказано в рассмотрении.

30 января 2025 г. Конституционным Судом впервые была рассмотрена конституционная жалоба, по которой Конституционный Суд признал наличие конституционно значимого пробела в правовом регулировании двух статей Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.



УДК 342.8

## ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

*А. Г. Новик*

*студент 2 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Н. М. Кондратович, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** Использование искусственного интеллекта является широкомасштабным процессом, который в той или иной мере затрагивает избирательный процесс. В данном исследовании рассматриваются перспективы применения искусственного интеллекта в избирательном процессе, а также примеры практической его реализации на стадии предвыборной агитации кандидатов. Исследование в данной области является крайне важным, поскольку практическая реализация рассматриваемой сферы способна оказать благоприятное воздействие на избирательные кампании. Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в процессы агитации и популяризации кандидатов способна открыть новые горизонты для политических кампаний, позволяя улучшать эффективность взаимодействия с избирателями, а также функционирования избирательной системы в целом.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, предвыборная агитация, создание контента, выборная кампания, избиратели, популяризация кандидатов, избирательный процесс.

Искусственный интеллект представляет собой одну из самых динамично развивающихся областей науки и технологий, основная задача которой заключается в создании систем и алгоритмов, способных выполнять функции, характерные для человеческого интеллекта. Это включает (но не ограничивается) такие процессы, как обучение, обобщение, аргументация и решение проблем. На протяжении последних десятилетий развитие искусственного интеллекта привело к созданию широкого спектра приложений, от голосовых помощников и автономных транспортных средств до систем автоматического распознавания образов и аналитики больших данных.

В научной работе В. В. Шадрина и А. И. Спиридонова отмечается, что в эпоху цифровизации важную роль играет явление, известное как искусственный интеллект. Этот термин был введен в середине XX века

Джоном Маккарти, который считается основоположником функционального программирования. В его интерпретации искусственный интеллект представляет собой область науки, занимающуюся компьютерным моделированием различных интеллектуальных способностей. Другими словами, речь идет о попытке воспроизвести на компьютере уникальные человеческие умения, такие как мышление, восприятие и творчество. Тем не менее, современное понимание этого понятия существенно отличается от изначального. В наши дни искусственный интеллект рассматривается как направление науки, которое исследует методы об обучении компьютеров и аналитических систем способность разумно мыслить [1, с. 88].

В данном исследовании мы обратим внимание на применение ИИ в процессах агитации и популяризации кандидатов. Первым важным направлением является сбор и анализ данных об избирателях. При помощи алгоритмов машинного обучения и других методов анализа данных кандидаты могут сегментировать избирателей по различным критериям, таким как возраст, пол, место проживания, интересы и политические убеждения. Это позволяет вести более точные и эффективные мероприятия, адаптируя сообщения своей агитационной кампании под потребности каждого сегмента аудитории.

К примеру, анализ данных из социальных сетей позволяет определить, какие темы обсуждаются наиболее активно, какие слова и хэштеги используются, какие группы и страницы посещаются чаще всего. Это помогает понять наиболее актуальные вопросы и проблемы, волнующие избирателей. В СМИ неоднократно обсуждалось использование Cambridge Analytica в предвыборной кампании президента США Дональда Трампа в 2016 году. В этой компании использовались данные из социальных сетей для анализа личности и предпочтений избирателей, чтобы настроить персонализированные рекламные кампании [2, с. 60].

Создание контента является одной из важных областей, где искусственный интеллект находит свое применение. Системы генерации текста на основе искусственного интеллекта, такие как GPT-3 и его более совершенные версии, могут генерировать релевантные материалы для агитации, включая посты в блогах, статьи, сценарии для видеообращений кандидатов и даже создание избирательной программы. Примером применения искусственного интеллекта в разработке программы является кампания президента Франции Эммануэля Макрона в 2017 году. Он использовал алгоритмы машинного обучения для анализа большого объема

данных, включая тексты из социальных сетей и новостных источников, чтобы понять мнения избирателей по различным вопросам и сформировать свою программу [2, с. 61].

В аспекте «Формирование имиджа» ИИ выполняет аналитическую функцию, которая помогает создать множество имиджей для одного кандидата в зависимости от региона, возраста и места выступления. Примером использования различных имиджей в России могут служить выборы Президента Российской Федерации в 2018 году. Владимир Жириновский использовал разные образы в зависимости от региона проведения кампании. Например, в Северо-Кавказском регионе он выступал как защитник интересов мусульман и обещал решить проблемы местных жителей, а в Москве и других крупных городах он выступал как патриот и националист, обещая укрепить оборону страны и защитить интересы российских граждан [2, с. 61].

Подводя итог, можно сказать, что интеграция искусственного интеллекта в процессы агитации и популяризации кандидатов способна открыть новые горизонты для политических кампаний, позволяя улучшать эффективность взаимодействия с избирателями. Использование анализа данных, целевой рекламы, автоматизации создания контента и современных технологий общения повышает уровень вовлеченности и может существенно влиять на исход выборов. Однако необходимо помнить о важности этических норм и законодательно установленных рамок, чтобы избежать потенциальных злоупотреблений и сохранить доверие избирателей к демократическим процессам.

#### **Список использованных источников:**

1. Шадрин, В. В. Искусственный интеллект в теории правоотношений: проблема объектности и субъектности / В. В. Шадрин, А. И. Спиридонов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №. 12 (216). – С. 88–90.
2. Гундарин, М. В. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях / М. В. Гундарин, П. А. Олешко // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2023. – №. 28. – С. 57–66.

УДК 342.4

## ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ МАРОККО 2011 Г.

*М. С. Пашкевич*

*студентка 4 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. С. Масловская, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В работе проанализированы конституционные преобразования в Марокко, проведена сравнительная характеристика конституций 1972 года в ред. 1996 года и 2011 года. Проанализированы основные конституционно-правовые институты, в том числе: институты основ конституционного строя, правового статуса личности, система государственных органов, выявлены основные тенденции конституционного развития в Марокко в XXI веке.

**Ключевые слова:** Марокко, конституция, конституционное развитие, арабская весна.

Преобразованные в результате событий арабской весны конституции арабских государств сильно отличаются от предшествующих им. Конституция Марокко 2011 года – один из первых результатов конституционных преобразований вследствие Арабской весны. Следует согласиться с М.А. Сапроновой в том, что «нынешняя конституционная реформа – очередной этап эволюционной трансформации монархии, призванной привести юридическую базу в соответствие с новой политической ситуацией, сложившейся в стране и регионе и определить новые принципы и механизм взаимодействия властей («стать основой специфической марокканской демократии и открыть новую историческую страницу во взаимоотношениях между троном и народом» – по словам самого короля)» [1].

Новая Конституция Марокко имеет свои особенности по сравнению с предшествующей ей и другими новыми конституциями арабского региона.

Многие новые конституции государств арабского региона в преамбуле содержат указание на события арабской весны, Конституция же Марокко в преамбуле не содержит указаний на произошедшие события, что указывает на то, что события Арабской весны не имели глубокого потрясения на Королевство Марокко.

Конституция 1972 года в ред. 1996 года состояла из 108 статей, разделенных на 13 частей. Конституция 2011 года значительно расширила содержание и включает 180 статей, разделенных на 14 разделов. Такое

увеличение отражает более детальный подход к конституционному регулированию и включению новых положений особенно в области прав и свобод граждан, а также организации государственной власти.

Согласно статье 1 Конституции Марокко 2011 года, Королевство Марокко является конституционной монархией, демократическим государством с парламентской формой правления и светской системой власти. Конституционный режим Королевства основывается на принципе разделения ветвей, равенстве и сотрудничестве власти, демократии и участии граждан в управлении государством, принципах разумного управления и равенства прав и обязанностей. В своей жизни граждане Королевства руководствуются принципами коллективизма, федерализма, следования умеренным принципам мусульманской религии, национального единства с учетом различных культур, конституционной монархии и демократического выбора. Территориальная структура королевства – децентрализована. Структура основывается на принципах усовершенствованной регионализации.

В новой Конституции Марокко закреплён особый статус амазигского языка в качестве официального государственного языка, в Конституции 1972 года в ред. 1996 года ни разу не упоминается амазигский язык. Исторически в Марокко проживает один из самых древних народов – амазиги (берберы). Закрепление амазигского языка, а также создание национального совета по марокканскому языку и культуре стали важными шагами для закрепления равенства всех граждан, что безусловно является одним из важнейших элементов демократического и правового государства, а также отражает новый многокультурный подход.

Особый интерес вызывает норма статьи 10, закрепляющая права оппозиции. При чем термин «оппозиция» используется впервые в Конституции Марокко. Следует отметить, что оппозиция наделена своим правовым статусом. В частности, представители оппозиции принимают обязательное участие в деятельности Парламента, являются его составляющей частью согласно статье 60, права и полномочия оппозиции в том числе регулируются внутренними регламентами каждой из палат.

Предполагаем, что закрепление в общих положениях прав оппозиции связано напрямую с событиями арабской весны и таким образом законодателем подчеркивается важность и необходимость такого института в марокканском демократическом обществе.

Структура новой Конституции Марокко была значительно изменена. Во-первых, конституция стала более объемной и детализированной: количество статей значительно увеличилось, а нормы статей стали подробнее. Во-вторых, конституция имеет весьма заметный отпечаток событий арабской весны, это отражено в новых нормах, с уклоном на закрепление более демократических принципов и, что немаловажно,

основных начал их реализации. В-третьих, конституция закрепляет особый статус религии ислам.

Следует отметить, что Конституция Марокко 1972 года в ред. 1996 года вовсе не содержала главы, посвященной правам и свободам граждан, однако уже в Конституции 2011 года закреплены фундаментальные права и свободы человека в отдельной главе. Новая Конституция гарантирует равные права граждан вне зависимости от пола, мужчины и женщины имеют равные права и свободы гражданского, политического, экономического, социального, культурного и экологического характера (ст. 19). Примечательно, что в Конституции 1972 года в ред. 1996 года, согласно статье 8, мужчины и женщины были равны только в политических правах. В новой Конституции законодатель закрепил и уточнил равенство, распространив его на права различного характера, а не только политического, что говорит о расширении прав женщин.

Конституция закрепляет право на жизнь и личную безопасность (ст. 20), защиту от пыток и жестокого обращения (ст. 22) и свободу мысли, совести и религии (ст. 25). Конституция Марокко гарантирует поддержку молодежи: такое нововведение связано в первую очередь с тем, что именно молодые люди стали инициаторами арабской весны.

Конституция Марокко 2011 года также содержит положения об обязанностях граждан. Она обязывает граждан соблюдать конституцию и законы королевства, уважать символы и институты независимости, а также участвовать в политической, экономической и культурной жизни страны. Марокканская конституция требует особого внимания к развитию страны и сохранению национального единства. Кроме того, она обязывает граждан защищать территориальную целостность государства и участвовать в защите страны.

Стоит отметить, что новая Конституция Марокко не содержит ограничительных оговорок в отношении прав и свобод граждан.

Марокко является парламентской монархией. Согласно статье 42 Конституции Марокко король является руководителем государства, его высшим представителем, символом единства нации, гарантом постоянного развития и главным арбитром при спорах между государственными организациями. Король контролирует надлежащую работу конституционных организаций, защиту демократического выбора, прав и свобод граждан, территориальных единиц и соблюдение международных обязательств королевства. Король выступает гарантом независимости и территориальной целостности королевства на основании аутентичных границ. Король выполняет свои обязанности посредством издания дахиров на основании полномочий, предоставленных ему Конституцией.

Корона Марокко и конституционные права передаются по наследству от отца сына по прямой мужской линии и порядке первородства короля

Мухаммеда IV. Исключение составляют случаи, когда король при жизни назначает своим преемником другого сына, а не старшего. В случае отсутствия потомков по прямой мужской линии трон передается мужчинам родственникам по боковой линии на тех же условиях. Если король несовершеннолетний (до 18 лет), то его полномочия осуществляет Регентский Совет, за исключением права пересмотра конституции. С 18 до 20 лет Регентский Совет выступает консультативным органом для короля.

Стоит отметить, что с принятием Конституции 2011 года многие из полномочий короля были переданы исполнительной власти, что ограничило полномочия короля, тем самым Марокко стало парламентской монархией.

Исполнительная власть в Марокко представлена правительством, которое состоит из руководителя и министров. Члены Правительства назначаются Королем и одобряются Палатой представителей. Согласно статье 92 Конституции Правительство рассматривает широкий круг вопросов, однако учредительный акт Марокко конкретно не указывает итоги рассмотрения правительством вопросов или то, какие решения и в какой форме их принимает правительство. Стоит отметить, что часть законодательных полномочий Короля в результате конституционной реформы была передана главе правительства, в частности, он получил право назначать и освобождать от занимаемой должности министров, а также распускать нижнюю палату парламента после консультаций с Королем (ранее сам Король Марокко после обязательной консультации с председателем Конституционного Совета и обращения с посланием к нации, мог распустить Палату представителей своим специальным декретом; при этом до новых выборов функции парламента должен был осуществлять сам Король). В обязанности главы правительства теперь входит координация деятельностью правительства и осуществление контроля за государственной службой. Объявить чрезвычайное положение Король может только после консультаций с Премьер-министром.

Законодательная власть в Марокко представлена парламентом, состоящим из двух палат: Палата представителей, включающая 395 депутатов и Палаты советников, состоящая из 120 депутатов. Представители оппозиции должны находиться в каждой из палат. Палата советников, избираемая на 9 лет, на 3/5 своего состава состоит из представителей, избираемых в каждом регионе избирательными коллегиями, состоящими из выборных членов торговых палат, членов, избираемых на национальном уровне избирательной коллегией, состоящей из представителей трудящихся. В соответствии с Конституцией 2011 года полномочия парламента существенно расширяются. Правительство теперь подотчетно только законодательному органу (ранее – парламента и Королю), которому принадлежат «исключительные полномочия» в сфере законодательства. Усиливается парламентский контроль правительства:

глава правительства теперь должен выступать перед парламентом с правительственной программой и отвечать на вопросы о деятельности правительства, а парламентские комитеты имеют право делать запросы

и Судебная система Марокко имеет свои особенности. В Марокко судебная власть организована следующим образом: Верховный суд является высшим судебным органом страны, состав которого существенно расширяется (по сравнению с существовавшим ранее Высшим судебным советом), в том числе и за счет увеличения числа избранных судей, а также за счет увеличения женщин-судей. Расширяются и полномочия этого органа, который теперь может давать оценку законодательным и нормативным актам, касающимся судебной системы, а также оценку деятельности всей судебной системы.

и Конституционный совет трансформируется в Конституционный суд, который в дополнение к уже существовавшим полномочиям теперь дает оценку конституционности международных договоров и конвенций и решает споры, возникающие между центральной властью и регионами.

у Также Конституционный суд определяет постоянство выборов членов парламента через год после выражения вотума недоверия. Однако Конституционный суд имеет право мотивированным решением определить количество вотумов недоверия и их характер. Выходит, что Конституционный суд имеет определенное влияние на стабильность функционирования законодательной власти.

о Важным моментом в системе Марокко является наличие самостоятельных судов, которые рассматривают вопросы, связанные с личным статусом мусульманина, такие как брак, развод и наследование.

н Стоит отметить, что новая Конституция Марокко институционализирует новые структуры, такие как омбудсмен по правам человека, Совет марокканской диаспоры, Высший совет по аудиовизуальной коммуникации, Совет по делам молодёжи и будущим поколениям, а также Экономический, социальный и экологический совет с расширенными полномочиями. По нашему мнению, появление таких новых структур обусловлено необходимостью гарантирования демократических принципов, закрепленных в Конституции.

л Таким образом, новая Конституция Марокко отражает новые тенденции, не характерные ранее для арабского региона. В частности, наблюдается тенденция демократизации, которая выражается в закреплении прав и свобод граждан, создании эффективной системы сдержек и противовесов путем расширения полномочий законодательной власти и ограничения исполнительной власти и короля, введения новых институтов, позволяющих гарантировать новые права и свободы граждан. Конституция Марокко 2011 года также носит социальный характер, который проявляется

г

о

с

у

д

а



в закреплении прав детей, инвалидов и женщин. Конституция уделяет внимание культурным меньшинствам. Новая Конституция Марокко подверглась тенденции интернационализации, о чем свидетельствует закрепление в ней общепризнанных в мировой практике конституционных принципов и стандартов.

**Список использованных источников:**

апронова, М. А. О поправках к марокканской конституции : эл. ресурс / М.А. Сапронова.  
– URL: <https://www.iimes.ru/rus/stat/2011/05-07-11.htm> (дата обращения: 03.05.2025).

**УДК 342**

## **ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*М.Н. Песоцкая*

*студентка 1 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – А. М. Синицына, кандидат юридических наук*

**Аннотация.** Статья посвящена глубокому анализу института конституционной жалобы в Республике Беларусь, акцентируя внимание на его текущем состоянии, функционировании и перспективных направлениях развития. В рамках исследования рассматриваются основные правовые основы, регулирующие данный институт, включая положения Конституционного Суда Республики Беларусь, законодательство о защите конституционных прав граждан. В статье последовательно анализируют ключевые этапы эволюции института конституционной жалобы, начиная с его формирования до современного состояния. Особое внимание уделяется сравнительному правовому анализу, позволяющему выявить сходства и различия между белорусским подходом и аналогичными механизмами в других странах.

**Ключевые слова:** конституционная жалоба, Конституционный Суд, судебная защита, адвокат, судебная практика.

1 октября 2023 г. вступила в силу новая редакция Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве». В законе появились положения, развивающие конституционную норму об учреждении в Республике Беларусь института конституционной жалобы.

Конституционная жалоба – обращение гражданина о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, которым, по

мнению гражданина, нарушены его конституционные права и свободы. Конституционная жалоба стало еще одним важнейшим правовым механизмом защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Важно отметить, что предметом проверки по жалобе является соответствие Конституции только законов, а не иных нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов.

Рассмотрение конституционной жалобы облагается государственной пошлиной. Однако необходимость уплаты государственной пошлины связывается не с моментом подачи конституционной жалобы, а с получением уведомления Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь о соответствии его конституционной жалобы требованиям Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». При этом отсутствие материальных средств не должно ограничивать человека при защите своих законных интересов. Поэтому при наличии определенных обстоятельств, например, тяжелое материальное положение, гражданин имеет право к жалобе приложить ходатайство об освобождении от государственной пошлины.

Следует обратить внимание на то, что для подачи конституционной жалобы необходимо исчерпать все другие средства судебной защиты. Применительно к гражданским и уголовным делам это правило означает последовательное обжалование (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке) судебных постановлений, в том числе соблюдение одного из следующих условий: отказ судьи Верховного Суда в передаче дела на рассмотрение Президиума Верховного Суда, оставление без удовлетворения Председателем Верховного Суда или его заместителем надзорной жалобы на определение судьи Верховного Суда о таком отказе, отказ Генерального прокурора или его заместителя в принесении протеста в порядке надзора или оставление надзорной жалобы (протеста в порядке надзора) Президиумом Верховного Суда без удовлетворения. Пропуск любой из названных инстанций будет означать, что конституционная жалоба недопустима.

Процесс рассмотрения конституционной жалобы, как правило, осуществляется с использованием письменной формы конституционного судопроизводства. Лишь с учетом характера поставленного в обращении вопроса, обстоятельств дела, необходимости в устном представлении позиций заявителя и другой стороны (при ее наличии) Конституционный Суд вправе рассмотреть и разрешить дело с использованием устной формы

конституционного судопроизводства. Это предполагает, что, хотя, большинство дел ведутся письменно, возможность использования устной формы предоставляет Суду дополнительные инструменты для более глубокого и полного рассмотрения вопросов. В процессе устного рассмотрения стороны могут дополнять свои аргументы, задавать вопросы и давать объяснения, что способствует более полному пониманию всех аспектов спорного вопроса.

Для того, чтобы Конституционный Суд мог провести всестороннее рассмотрение дела о конституционной жалобе, необходимо незамедлительно предоставить все соответствующие документы. Это позволит суду получить полную информацию о ситуации и обоснованно принять решение по данному вопросу. Представление всех документов, включая соответствующие правовые акты, заключения экспертов, доводы сторон и другие материалы, существенно повышает шансы на объективное и комплексное рассмотрение дела в соответствии с законом. Следовательно, важно не упускать из виду этот важный аспект и действовать в соответствии с требованиями закона, предоставляя все необходимые документы для гарантированного всестороннего рассмотрения дела о Конституционной жалобе.

В связи с этим, необходимо уточнить, что попыток обжаловать неконституционность закона – всего одна или несколько. Это означает, что Конституционный Суд отказывает в возбуждении производства по делу в случае, если по поставленному в обращении вопросу Конституционным Судом уже были ранее приняты заключение или решение.

Указанные и иные процессуальные особенности необходимо учитывать, они также указывают на принципиальные отличия процедуры обжалования в Конституционном Суде от обжалования судебных постановлений в вышестоящих инстанциях судов общей юрисдикции.

В связи с чем составление конституционной жалобы, соответствующей требованиям закона и юридической техники, требует высокого уровня компетентности, поскольку этот правовой документ характеризуется сложностью, обусловленной спецификой конституционного судопроизводства. Навыки составления апелляционных, кассационных и надзорных жалоб практически не применимы в случае составления жалоб на законы, нарушающие конституционные права человека. То есть, для качественного составления конституционной жалобы необходимо в первую очередь понимать модель регулирования прав человека, возможность и основания ограничения прав человека. Также, для тех, кто собирается

использовать механизм подачи конституционных жалоб, является необходимым знание не только норм и принципов Конституции, но и норм международных договоров, участницей которых является Беларусь.

По состоянию на 5 марта 2024 г. в Конституционный Суд (с 1 октября 2023 г.) поступило более 50 конституционных жалоб, что подчеркивает интерес граждан к новому институту. Однако не все из конституционных жалоб были подведомственны Конституционному Суду, некоторые подлежали рассмотрению в иных государственных органах, в том числе в судах общей юрисдикции. Данные сведения еще раз подчеркивают, что подготовка конституционной жалобы является очень непростой задачей не только для обычных граждан, но и для юристов, в том числе адвокатов.

Важно отметить, что введение в правовую систему института конституционной жалобы требует реализации комплекса организационно-правовых мер.

В связи с этим белорусский орган конституционного правосудия в своем Послании Президенту и палатам Национального собрания отметил, что для эффективной работы института конституционной жалобы необходим высокий уровень правовой культуры и конституционного правосознания граждан и должностных лиц, а также организация юридической помощи гражданам при подаче конституционной жалобы. Прежде всего адвокаты должны будут на профессиональной основе уметь помогать составлять такие конституционные жалобы гражданам.

Чтобы адвокат мог представлять интересы клиента в Конституционном суде Республики Беларусь и подавать конституционные жалобы, он должен иметь соответствующую лицензию на адвокатскую деятельность. Но, на данный момент, в программе подготовки к квалификационному экзамену для соискателей лицензий на осуществление адвокатской деятельности отсутствует упоминание о институте конституционной жалобы. Включение вопросов о конституционной жалобе поможет поддерживать высокие профессиональные стандарты среди адвокатов и обеспечить их компетентность в данной области, позволит убедиться, что адвокаты готовы эффективно защищать права своих клиентов в контексте конституционного права.

Участие адвоката в конституционном судопроизводстве не должно ограничиваться этапом подготовки конституционной жалобы. В некоторых зарубежных странах, например, установлено требование обязательного юридического представительства при подаче конституционной жалобы. Такая практика достаточно распространена в европейских государствах, где

действует принцип «адвокатской монополии». Обязательное юридическое представительство в конституционном судопроизводстве имеет место в таких странах, как Бельгии, Германии, Италии, Люксембурге, Польше, Португалии и др. Адвокат должен обеспечить эффективное представление интересов своего клиента в суде, помочь с формулировкой аргументов, провести подготовительные мероприятия, в том числе сбор необходимых доказательств и анализ судебной практики. Также адвокат может дать ценные советы по стратегии защиты прав и интересов клиента в ходе конституционного судопроизводства.

Таким образом, конституционная жалоба является мощным инструментом для гражданского контроля за действиями государственных органов и дальнейшего развития правового государства. Так как данный институт является относительно новым в Республике Беларусь, то необходимо продолжать его совершенствовать и принимать меры, направленные на его развитие и применение. Улучшение механизмов конституционной жалобы способствует развитию эффективной защиты конституционных норм и принципов, поддержанию баланса между властью и правами граждан, а также развитию правового государства.

**УДК 342.721**

## **ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ**

*Е. В. Попович*

*студентка 3 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы защиты конфиденциальной медицинской информации в условиях цифровизации здравоохранения Республики Беларусь. Выявлено недостаточно четкое определение врачебной тайны, недостаточное информирование пациентов об их правах, включая право отказа от внесения данных в Централизованную информационную систему здравоохранения, отсутствие эффективного аудита действий медицинских работников и уязвимости «личных кабинетов» пациентов. Предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем, направленные на укрепление гарантий врачебной тайны и обеспечение права на невмешательство в частную жизнь.

**Ключевые слова:** врачебная тайна; право на невмешательство в частную жизнь; конфиденциальность; Централизованная информационная система здравоохранения; электронная медицинская карта.

Врачебная тайна – неотъемлемая составляющая права на неприкосновенность частной жизни человека. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. в ст. 28 гарантирует каждому право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь. Хотя врачебная тайна прямо не названа в Конституции, её правовая защита считается важнейшей частью этого права и является общепризнанной необходимостью.

Определение термина «врачебная тайна» можно вычленив из части шестой ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении, в которой содержится указание на сведения, которые составляют врачебную тайну: информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья; сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству; иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи; в случае смерти гражданина – информация о результатах патологоанатомического исследования.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь определяет врачебную тайну расширительно, включая в неё не только сведения о здоровье пациента, но и любую другую информацию личного характера, полученную медицинским работником при выполнении профессиональных обязанностей.

Отметим, что данные нормы для оказания психиатрической помощи пациенту нашли своё отражение также в части второй ст. 20 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 № 349-З «Об оказании психиатрической помощи. Детализированы сведения, относящиеся к врачебной тайне, в части первой ст. 8 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях», в котором закреплены ещё сведения о применении вспомогательных репродуктивных технологий, о личности пациента и донора.

Врачебная тайна в настоящее время является многогранным понятием, имеющим как юридическое, так социально-этическое значение. На

практике постоянно возникают сложности в толковании и применении законодательства, регламентирующего доступ к информации о здоровье того или иного пациента. Эти сложности, несомненно, затрагивают как самих пациентов, так и медицинских работников. Из этого вытекает, что соблюдение принципа врачебной тайны в каждом конкретном случае позволяет медицинским работникам гарантировать конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни.

Особенностью врачебной тайны является то, что конфиденциальными считаются сведения не только о подтверждённых, но и о предполагаемых фактах. Диагноз всегда ставится с определённой долей вероятности, и медицинский работник может не иметь полной уверенности в заболевании пациента. Однако даже информация о предполагаемой болезни подлежит защите и не может быть разглашена.

Право на врачебную тайну принадлежит исключительно пациенту. Ранее под пациентом понимался непосредственно больной, получающий лечение. В настоящее время это понятие трактуется шире и включает любое лицо, обратившееся за медицинской помощью лично или через представителей, независимо от того, являются ли эти услуги платными или бесплатными [1, с. 65]. Обязанность сохранять врачебную тайну возникает у медицинского работника в любом случае и продолжается также и после смерти пациента. Это требование закреплено в Международном кодексе медицинской этики, принятым 3-ей Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария, в октябре 1949 г., дополнен 22-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 г. и 35-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983 г., который обязывает врачей к пожизненной конфиденциальности.

На повестке дня стоит проблема реализации врачебной тайны в контексте цифровизации здравоохранения Беларуси, включая создание Централизованной информационной системы здравоохранения (далее – ЦИСЗ) и электронных медицинских карт (далее – ЭМК), которые, в свою очередь, открывают новые возможности для повышения качества медицинских услуг. Однако внедрение данных информационных технологий одновременно создает вызовы для соблюдения врачебной тайны.

Так, например, законодательство Беларуси, а именно ст. 46 Закона «О здравоохранении» разрешает передачу врачебной тайны правоохранным органам, судам и другим государственным органам

без согласия пациента, однако не детализирует процедуру автоматизированного доступа к данным в ЦИСЗ. Также в определении врачебной тайны закреплена размытая формулировка «иных сведений, в том числе личного характера, полученных при оказании пациенту медицинской помощи», что, в свою очередь, приводит к неоправданно широкому сбору информации в электронных медицинских картах.

Важно обратить внимание на следующий момент. Инструкция №74 от 7 июня 2021 года «О формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента», утверждённая постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь устанавливает требование о получении согласия пациента на внесение и обработку персональных данных, включая врачебную тайну, при формировании электронной медицинской карты и в информационной системе. Однако инструкция не уделяет должного внимания информированию пациента о его праве отказаться от внесения данных в ЦИСЗ и о процедуре отзыва согласия. Пациенту предоставляется форма для согласия, но не разъясняются последствия внесения данных в систему и преимущества или же недостатки отказа. Таким образом, пациент даёт согласие, не до конца понимая свои права и возможные последствия.

Следует выделить еще одну проблему – отсутствие централизованного аудита действий медицинских работников в ЦИСЗ, которая серьезно затрудняет расследование потенциальных утечек конфиденциальной медицинской информации. Без централизованной системы аудита практически невозможно отследить, кто, когда и с какой целью обращался к конкретной ЭМК. Это затрудняет определение источника утечки в случае, если информация попала в третьи руки. В случае подозрения на утечку информации, отсутствие логов доступа к данным затрудняет сбор доказательств против конкретного медицинского работника. Невозможно достоверно установить, кто именно разгласил информацию, даже если утечка подтверждена, соответственно, таким образом создается благоприятная среда для злоупотреблений со стороны медицинских работников. Зная, что их действия не отслеживаются, недобросовестные сотрудники могут несанкционированно получать доступ к конфиденциальной информации пациентов.

Отметим, что цифровизация врачебной тайны, при всех её преимуществах, создаёт серьезный конфликт между удобством доступа к информации и необходимостью обеспечения её конфиденциальности. «Личные кабинеты» пациентов, хотя и предоставляют удобный доступ к



медицинским данным, таким как результаты анализов, одновременно увеличивают риски несанкционированного доступа. Конфиденциальность медицинской информации становится напрямую зависимой от надёжности защиты личного кабинета пациента. Злоумышленники могут использовать фишинговые атаки, чтобы получить доступ к учётным данным пациентов.

Также возникает риск доступа к медицинским данным работников по служебному взаимодействию. Например, бухгалтер как лицо, имеющее доступ к кадровой документации, может столкнуться с конфиденциальной медицинской информацией, так как данное лицо обрабатывает документы, в которых указаны диагнозы (например, код заболевания в листе нетрудоспособности).

Из данного примера вытекает отсутствие чёткого запрета на обработку медицинских данных теми же бухгалтерами. Ст. 46 Закона «О здравоохранении» не регламентирует порядок работы с врачебной тайной в рамках трудовых отношений. В целом, сам по себе больничный лист одновременно является медицинским и финансовым документом, что создаёт правовую неопределённость при передаче данных в бухгалтерию. Как известно, бухгалтеры не проходят обязательное обучение работе с медицинской информацией, что повышает риск случайного разглашения.

Цифровизация здравоохранения является сама по себе удобной и эффективной, однако она всё же обостряет проблему защиты врачебной тайны как гарантии права на невмешательство в частную жизнь. Так, необходимо усовершенствование законодательства и практических мер по защите врачебной тайны в условиях все большей цифровизации, которое бы проявлялось в чёткой регламентации доступа к данным, усилении контроля и ответственности за риски утечек через цифровые системы, а также повышение осведомлённости пациентов об их правах и способах их защиты. Без таких мер право на невмешательство в частную жизнь в сфере здравоохранения остаётся под угрозой.

#### **Список использованных источников**

1. Бабанджанов, Д. Понятие пациента в теории и законодательстве / Д. Бабанджанов // Вестник ТГУПБП. – 2014. – №5. – С. 63–67.

**УДК 342.722**

## АНТИДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ НОРМЫ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: ЗАПРЕТ НА НОШЕНИЕ НИКАБА И ПАРАНДЖИ В ШВЕЙЦАРИИ

*Д. С. Рогачевская*

*студентка 2 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема антидискриминационных норм в конституционном праве на примере Швейцарии, где с 1 января 2025 года вступил в силу закон, запрещающий ношение в общественных местах одежды, скрывающей лицо, включая никаб и паранджу. Несмотря на утверждение на референдуме и поддержке части общества, данный запрет противоречит принципам равенства и равноправия, закрепленным в Конституции Швейцарии, а также международных документах по правам человека. В статье прогнозируются возможные последствия такого ограничения для социального положения женщин.

**Ключевые слова:** дискриминация; принцип недискриминации; принцип равенства и равноправия; права человека; исламофобия; свобода вероисповедания и совести.

Основой антидискриминационных норм в конституционном праве являются принципы равенства и равноправия. Их закрепление характерно для конституций различных государств, независимо от географического положения и исторического периода их принятия, что свидетельствует об универсальности и значимости данных принципов. Однако, несмотря на их закрепление в Основных законах, на практике эти нормы нередко искажаются, нарушаются и даже ограничиваются, в том числе на законодательном уровне. В качестве примера можно обратиться к опыту Швейцарии.

В Швейцарии с 1 января 2025 года вступил в силу закон, запрещающий ношение в общественных местах одежды и предметов гардероба, полностью скрывающих лицо. Этот запрет распространяется, в том числе, на традиционную одежду для мусульманских верующих – никаб и паранджу. Теперь их запрещено носить в магазинах, ресторанах, государственных учреждениях и общественном транспорте. Однако такие элементы гардероба по-прежнему разрешены в местах отправления культа, на карнавалах и для защиты от холода. За нарушение предусмотрены

штрафы в размере от 100 до 1000 швейцарских франков (примерно 110,2 – 1102 доллара). И таким образом Швейцария присоединилась к списку европейских стран, где такие правила уже действуют. Среди них – Австрия, Бельгия, Болгария, Дания и Нидерланды. Первый подобный запрет был введен во Франции в 2011 году [1].

Также важно отметить, что данный вопрос изначально выносился на референдум, где за введение данной меры в марте 2021 года проголосовали 51,2% граждан. Нижняя палата парламента Швейцарии проголосовала за окончательный запрет в сентябре 2023 года.

По нашему мнению, этот запрет можно рассматривать как проявление исламофобии, посредством которой нарушаются права женщин и, в том числе, верующих. Исламофобия сложное по содержанию явление, которое непосредственно связано с религией, традициями, политикой, а также правами. Как отмечается в комментарии Центрального совета мусульман, одной из основных мусульманских организаций Швейцарии, «Сегодняшнее решение открывает старые раны, усугубляет юридическое неравенство и посылает мусульманскому меньшинству ясный сигнал о его изоляции» [2].

В целях рассмотрения нарушения прав человека данным запретом проанализируем антидискриминационные нормы, закрепленные в Конституции Швейцарской Конфедерации, принятой на референдуме 18 апреля 1999 г., и их связь с новым законодательством. Так, ст. 8 Конституции Швейцарии гласит, что: «Все люди равны перед законом. Никого нельзя дискриминировать, в частности из-за происхождения, расы, пола, возраста, языка, социального положения, образа жизни, религиозных, мировоззренческих или политических убеждений или из-за физической, духовной или психической инвалидности. Мужчина и женщина равноправны ...» [3].

Полагаем, что принятие данного закона нарушает основополагающие начала равенства и равноправия – а именно права на свободу выражения и религии женщин. Ведь женщины теперь не могут выражать свои религиозные убеждения посредством традиционной одежды, предусмотренной законами шариата издавна, из-за предрассудков общества, о чём свидетельствуют результаты проведенного референдума. Против принятия закона также выступали власти Швейцарии, по мнению которых государство не должно решать, как именно следует одеваться женщинам.

Ст. 15 Конституции Швейцарии гарантирует свободу вероисповедания и совести, закрепляя что «Каждое лицо имеет право свободно выбирать

свою религию и свое мировоззренческое убеждение и исповедовать их в одиночку или в сообществе с другими. Каждое лицо имеет право вступать в религиозную общину или принадлежать к ней и обучаться религии. Никого нельзя принуждать вступать в религиозную общину или принадлежать к ней, совершать религиозные обряды или обучаться религии» [3].

Запрет на ношение паранджи и никаба вызывает вопросы о границах свободы вероисповедания. Конституция Швейцарии гарантирует право на свободу религии, однако закон о запрете может восприниматься как ограничение этого права, ведь ношение паранджи и никаба – это в том числе религиозное убеждение мусульманок.

Но вопрос об одежде, закрывающей лицо, вовсе не такой однозначный. Многие считают никаб и паранджу средством угнетения женщин и говорят о том, что запрет приведет к эмансипации мусульманок. В отдельных случаях имеет место давление семьи и общества, но чаще всего ношение соответствующей одежды – осознанный выбор верующих женщин, который не воспринимается ими как ущемление или ограничение их прав.

Следует отметить, что данная проблема касается не только Швейцарии, но и других стран, которые ввели или планируют вводить соответствующий запрет, ведь по данным исследования Университета Люцерна, в Швейцарии почти нет тех, кто носит паранджу, а около 30 женщин носят никаб. Например, похожие меры ранее были приняты и в других европейских странах. В 2023 году во Франции по инициативе министра образования Габриэля Атталя правительство запретило носить в школах абайю – традиционное арабское платье. С 2004 года в государственных школах страны запрещено появляться в религиозной атрибутике. В 2018 году правящей правоцентристской коалицией Дании был введен запрет на исламскую женскую одежду. Годом ранее аналогичная мера появилась и в Австрии: закон был внесен в парламент в 2014 году правопопулистской Австрийской партией свободы [2].

Следует обратить внимание на позицию Управления ООН по правам человека, которое они выразили после итогов референдума 2021 года в Швейцарии: «Закон не должен диктовать женщинам, что им носить. Никто не должен заставлять женщин закрывать лицо. Вместе с тем введение официального запрета на ношение никаба или паранджи ограничивает религиозную свободу женщин» [4].

Для обеспечения принципа недискриминации необходимо ссылаться не только на национальные конституции, но и на основополагающие международные соглашения, например, Международный пакт о

гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 г. Пакт закрепляет, что «свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц». И по мнению экспертов ООН, «расплывчатые аргументы» в пользу того, что ношение предметов одежды, скрывающих лицо, может представлять угрозу безопасности, здоровью или правам других, не могут считаться легитимной причиной ограничения базовых прав и свобод. «Независимо от того, заставили ли женщину носить никаб муж и члены семьи или она сама решила его носить в соответствии со своими религиозными убеждениями, запрет на его ношение приведет к дальнейшей маргинализации женщины и исключению ее из общественной жизни», – добавила Шамдасан – представитель Управления ООН по правам человека [4].

Мусульманские женщины в Европе уже сталкиваются с дискриминацией, предвзятым отношением и даже актами насилия из-за своей одежды, а введение официального запрета на ношение никаба или паранджи лишь обострит эту проблему.

Таким образом, в современном мире, эпохе равенства и равноправия, издание законов, которые регламентируют, какая одежда позволена или запрещена, является недопустимым и выступает прямым нарушением принципов равенства и равноправия.

#### **Список использованных источников:**

1. В Швейцарии вступил в силу запрет на ношение паранджи и никаба : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/22809253> (дата обращения: 05.02.2025).
2. Без паранджи. Жители Швейцарии на референдуме поддержали запрет закрывать лицо : [сайт]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56316623> (дата обращения: 05.02.2025).
3. Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) : [сайт]. – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
4. ООН: запрет на ношение никаба в Швейцарии приведет к дальнейшей маргинализации мусульманских женщин : [сайт]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398302> (дата обращения: 06.02.2025).

## СТАТУС ИЗБИРАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Д. С. Рогачевская*

*студентка 2 курса, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье рассматривается правовой статус избирателя в Республике Беларусь в контексте современных условий и тенденций. Особое внимание уделяется анализу избирательных цензов – гражданства, возраста, состояния здоровья, оседлости и морального ценза. Анализируются противоречия между нормами национального законодательства и международных соглашений, освещается практика других стран в предоставлении избирательных прав. В статье выдвигаются предложения по совершенствованию избирательного законодательства Беларуси с целью расширения круга лиц, имеющих возможность участвовать в выборах, и повышения эффективности реализации активного избирательного права.

**Ключевые слова:** избиратель; избирательное право; избирательные цензы; права человека; электронные выборы.

Согласно Избирательному кодексу Республики Беларусь (далее – ИК) от 11 февраля 2000 года с изменениями и дополнениями от 16 февраля 2023 года, избиратель – гражданин Республики Беларусь, обладающий в соответствии с Конституцией и ИК правом избирать в государственные органы, на государственные должности. Но более простое определение дано Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2020 года «О модельном Избирательном кодексе для государств-участников СНГ», согласно которому избиратель – это «гражданин государства, обладающий активным избирательным правом».

Правовой статус избирателя во многом определяется установленными избирательных цензов, то есть условиями для получения или осуществления избирательного права. По общим правилам, избирателем в Республике Беларусь является гражданин Республики Беларуси, достигший 18 лет и не имеющий ограничений права голосовать, которыми могут выступать признание судом недееспособным или содержание лица в местах лишения свободы по приговору суда (ст. 64 Конституции).

Первый ценз, который требует внимания, – это ценз гражданства. В соответствии с частью первой ст. 64 Конституции Республики Беларусь, право избирать имеют граждане Республики Беларусь. Однако в ст. 58 ИК содержится положение о том, что «граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов в соответствии с международным договором Республики Беларусь и Российской Федерации». Данная норма применяется в нашем государстве еще со времени принятия Закона от 23 декабря 1998 г. «О выборах депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь», а уже затем она вошла в Избирательный кодекс [3]. И все это время данная норма реализовывалась в одностороннем порядке: граждане Российской Федерации могли избирать и быть избранными в наши органы местного самоуправления, а граждане Республики Беларусь в России, в силу части десятой ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», наравне со всеми иностранными гражданами, могли только избирать. Но 28 января 2025 года Президент Беларуси подписал Указ № 42, которым одобрил в качестве основы для проведения переговоров проект Протокола о внесении изменений в Договор между Беларусью и Россией о равных правах граждан от 25 декабря 1998 года, где предполагается внесение положений об избирательном праве граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в Российской Федерации [4].

Также стоит согласиться с мнением В.Н. Цеда, который указал на проблемы реализации права избирать и быть избранными граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Беларуси [5]. Суть данной проблемы заключается в том, что в части пятой ст. 45 ИК закреплено: «Иностранные граждане и лица без гражданства не вправе принимать участия в агитации». И встаёт вопрос: каким образом данная категория граждан будет участвовать в выборах, не обладая при этом правом на агитацию в период избирательной кампании? Представляется, что данная норма противоречит ст. 58 Избирательного кодекса и международному соглашению Беларуси и России.

Предполагаем возможным ввести возможность участия в голосовании на местном уровне не только граждан России, но и для граждан всех стран-участниц СНГ. Обоснованно это тем, что в рамках Содружества принят ряд документов, гармонично регулирующих избирательные отношения всех

государств-участников, и, соответственно, избирательное право данных государств не будет значительно отличаться. К таким документам можно отнести: Модельный Избирательный кодекс для государств-участников СНГ от 27.11.2020 г., Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 07.10.2002 г. и другие. Также В.Н. Цед предлагает ввести данное правило вовсе для всех постоянно проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках заключенных международных договоров, основываясь на принципе взаимности [5]. В мировой практике подобные нормы реализуются давно: они были введены в Конституции Испании, Франции, Германии ещё в 1992 г., а в Швеции иностранцы, не менее 3 лет постоянно проживающие в государстве, могут участвовать в выборах на различных территориальных уровнях [7]. Предполагается, что участие иностранцев повышает значимость органов местного самоуправления и их роль в построении гражданского общества.

Еще одним значимым цензом является возрастной ценз. Он часто приравнивается к возрасту гражданского совершеннолетия, но могут быть и исключения. Например, в России, США, Великобритании, Германии, Италии лицо получает право голосовать по достижении возраста 18 лет, а на Кубе, в Иране и Никарагуа – 16 лет.

Право избирать в Республике Беларусь, в СНГ и, в целом, многих государствах предоставляется гражданам по достижению 18-летнего возраста. Это закрепляется в части первой ст. 64 Конституции Республики Беларусь, а конкретизируется данная норма в части первой ст. 20 ИК: «достигшие ко дню или в день выборов, референдума, голосования об отзыве депутата 18 лет». Однако, на данный момент практика стран направлена на снижение данного возраста и вовлечение молодежи в политику. К примеру, в Эстонии на местном уровне голосуют с 16 лет, а также Эстония вносила предложение наделить молодых людей в возрасте 16-17 лет правом избирать на выборах в Рийгикогу (высший представительный и законодательный орган власти Эстонии) и в Европейский парламент. И данную инициативу поддержала Комиссия по делам Европейского союза, однако она до сих пор не была реализована [2]. Снижение возрастного ценза можно объяснить тем, что принимаемые органами решения носят долгосрочный характер и напрямую будут влиять на молодежь, поэтому справедливо было бы дать ей возможность обсуждать и принимать решения. Также это приведет к обращению большего



внимания на мнение молодежных заинтересованных групп и к более эффективной защите их прав.

Поэтому предлагаем введение подобных норм и в законодательстве Беларуси, для начала на местном уровне. Так как, действительно, в настоящее время всё больше идет разговоров о ранней сепарации подростков, а также идет тенденция к уменьшению возраста ответственности в силу того, что считается, что уже с 14 лет человек может осознавать характер своих действий и нести за них ответственность. При таком подходе обоснованным видится предоставление права голосовать на местном уровне с 16 лет.

Третий ценз – ценз состояния здоровья. Согласно части второй ст. 64 Конституции Республики Беларусь, не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными. Данное ограничение считается временным, так как право на участие в выборах будет восстановлено в полном объеме после принятия решения судом о признании гражданина вновь дееспособным. Следует понимать, что состояние здоровье само по себе не может приводить к ограничению избирательных прав граждан. В частности, в Республике Беларусь создаются все возможные условия организации голосования для лиц с ограниченными возможностями, а именно, если избиратель не имеет возможности самостоятельно заполнить бюллетень, он вправе пригласить в кабину или комнату для тайного голосования другое лицо по своему усмотрению, предусмотрено использование специальных трафаретов для слабовидящих избирателей и т.д. Если избиратель не может прийти в помещение для голосования по состоянию здоровья или по другой уважительной причине, то по его просьбе организуют голосование по месту нахождения этих лиц в день выборов.

Следующим важным условием участия в выборах выступает ценз оседлости. Для избирателей он заключается в порядке внесения их в список граждан, имеющих право участвовать в выборах, в соответствии с регистрацией по месту жительства или по месту пребывания на территории соответствующего участка для голосования. Данное ограничение обосновано необходимостью недопущения голосования одного избирателя на нескольких участках и обеспечения тем самым принципа равных выборов. В новой редакции ИК от 16 февраля 2023 г. была исключена часть вторая ст. 18, которая предоставляла право гражданам Республики Беларусь, пребывающим на территории иностранных государств, голосовать за рубежом посредством участков для голосования,

образованных руководителями дипломатических представительств (консульских учреждений) Республики Беларусь, действующих на территории соответствующих иностранных государств. Председатель ЦИК Игорь Карпенко объяснил это «отсутствием мер по безопасности на участках, которые ранее образовывались на территории других государств, сокращением численности работников дипкорпуса». Было установлено, что вместо этого такие граждане смогут проголосовать на специальных участках, расположенных в г. Минске и областных центрах [6]. Считаем изъятие нормы о голосовании за рубежом обоснованной внешними обстоятельствами, но такое регулирование, безусловно, приводит к трудностям реализации избирательного права гражданами, проживающими за пределами Республики Беларусь, и понизит их явку на выборы, так как теперь, чтобы реализовать свое активное избирательное право им необходимо приехать в Беларусь.

И последний, но не по значению – моральный ценз. Конституция Республики Беларусь закрепляет в части второй ст. 64 правило, согласно которому не имеют права избирать и быть избранными лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В новой редакции ИК была исключена норма о том, что «в голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей». Мы считаем справедливым изъятие данной нормы, так как недопустимо ограничивать избирательные права тех, чья вина не доказана ввиду презумпции невиновности.

Ограничение активного и пассивного прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, не является повсеместным. Например, в 13 государствах Европейского Союза активное избирательное право заключенных не ограничивается. В этих странах пропагандируется идея расширения избирательных прав. Однако в постановлении Европейского Суда по правам человека от 30 марта 2004 г. «Дело Хирст против Соединенного Королевства (№ 2)» сказано, что избирательные права не являются абсолютными и поэтому законодательные органы конкретной страны вправе предусмотреть возможность временного ограничения права заключенного участвовать в выборах, особенно если последний осужден за «антигражданское поведение» [1].

Существование стран, предоставляющих заключенным право голосовать, порождает дискуссии об оправданности и справедливости ограничения, избирательных прав заключенных. Но, по нашему мнению,

данные ограничения оправданы, так как люди, пренебрегающие законами страны, не должны осуществлять функции власти и избирать государственные органы.

Также в современном мире всё больше распространяется такая форма выборов, как электронные, что предполагает использование информационно-коммуникационных технологий на различных стадиях избирательного процесса. И, соответственно, избирателю необходимо обладать специальными знаниями, чтобы участвовать в такой форме выборов. Поэтому важно обеспечивать равную доступность данной системы, это означает, что она должна быть удобной для пользователя и не зависеть от уровня образования избирателей, возраста и их физического состояния.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных условиях избиратель сталкивается как с определёнными ограничениями в реализации своего права голоса, так и с рядом гарантий, направленных на максимально удобное и эффективное его обеспечение. Эти меры призваны обеспечить то, чтобы избиратель был тем человеком, который сможет ответственно подойти к принятию важного решения, от которого будет зависеть будущее государства и общества.

#### **Список использованных источников:**

1. Бандикян, М. Д. Реализация активного избирательного права отдельными категориями граждан: монография / М. Д. Бандикян, О. В. Нардина // Москва : Проспект, 2021. – 159 с.
2. Избирательное право 16-летним: в Рийгикогу поддержали идею снижения возрастного ценза на выборах. – URL: <https://rus.postimees.ee/7901963/izbiratelnoe-pravo-16-letnim-v-riygikogu-podderzhali-ideyu-snizheniya-vozhrastnogo-cenza-na-vyborah> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Г.А.Василевич // Мн. : ГИУСТ БГУ, 2005. – 485 с.
4. Одобрен проект Протокола по обеспечению равных электоральных прав граждан Беларуси и России. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/grazdanam-belarusi-planiruetsa-predostavit-pravo-golosovat-na-vyborah-v-rossii> (дата обращения: 23.03.2025).
5. Цед, В. Н. Совершенствование избирательной системы Республики Беларусь на современном этапе / В. Н. Цед // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні : навукова-практычны і інфармацыйна-метадычны часопіс. – 2022. – № 4. – С. 109–113.

6. ЦИК: Беларусь не создает участки для голосования за рубежом. – URL: <https://belta.by/society/view/tsik-belarus-ne-sozdaet-uchastki-dlja-golosovaniya-za-rubezhom-687908-2025/> (дата обращения: 23.03.2025).

7. Чудаков, М. Ф. Правовой статус гражданина в избирательной системе: Науч.-правовое и практ. пособие / М. Ф. Чудаков.- Мн.: Те-сей, 2001. – 36 с.

## УДК 342.6

### ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И АССОЦИАЦИЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ СКАНДИНАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

*А. П. Саевич*

*магистрант, юридический факультет,*

*Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Т. С. Масловская, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** В статье проводится анализ роли ассоциаций местного самоуправления Скандинавских государств на примере Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. Эти ассоциации выступают в качестве ключевого механизма межмуниципального взаимодействия и сотрудничества с центральными органами власти. В статье подробно рассматриваются функции ассоциаций, такие как представление интересов муниципалитетов, участие в законотворческом процессе, согласование вопросов, связанных с бюджетом, и проведение коллективных переговоров по вопросам труда.

**Ключевые слова:** бюджет, нормотворчество, местное самоуправление, конституция, Скандинавские государства, право, Дания, Норвегия, Финляндия.

Законодательство о местном управлении и самоуправлении Скандинавских государств прямо предусматривает различные формы межмуниципального сотрудничества. Муниципалитеты активно пользуются своим правом на сотрудничество и реализуют его в форме участия в Ассоциациях местного самоуправления (далее – Ассоциации) Скандинавских государств.

Датская ассоциация местного самоуправления [5] была создана в результате территориальной реформы 1970 года. Подобные организации функционируют во всех Скандинавских государствах: в Норвегии –

Норвежская ассоциация местных органов власти, основанная в 1972 году [6]; в Швеции – Шведская ассоциация местных и региональных властей (далее – Ассоциация) [7], созданная в 2007 году; в Финляндии – Ассоциация местных и региональных органов власти Финляндии [4], образована в 1993 году. Ассоциации представляют интересы всех муниципалитетов и округов, а также крупные муниципальные предприятия как организацию-работодателя.

Формирование межмуниципальных структур и развитие региональной кооперации в Скандинавских государствах всегда было одной из приоритетных задач муниципальных преобразований в конце 90-х – нач. 2000-х гг. К концу 1990-х годов местные власти получили значительную свободу кооперации в рамках межмуниципальных договоров [2]. В Ассоциации входят руководители органов местного самоуправления, которые представляют муниципалитеты, а также состав постоянно действующего органа управления Ассоциации и иные специалисты при необходимости.

Частью деятельности ассоциаций местного самоуправления является ведение переговоров по коллективным трудовым соглашениям от имени муниципалитетов, что делает Ассоциацию крупнейшей организацией-представителем нанимателей в каждом Скандинавском государстве.

Закон Финляндской Республики «О местном самоуправлении» 2015 года [3] определяет, что в ходе переговорного процесса между центральными органами власти и муниципалитетами по поводу финансовой деятельности последних, муниципалитеты должны быть представлены Ассоциацией финских местных и региональных органов.

Ассоциация является влиятельным защитником всех финских муниципалитетов, продвигает местное самоуправление и модернизацию муниципальных служб. Основными задачами Ассоциации является продвижение интересов и развитие муниципалитетов и их партнерских организаций, а также предоставление им услуг.

Есть и альтернативный подход в рамках Скандинавской системы муниципального управления, например, в Швеции, когда формализованной процедуры консультаций между местными и центральными органами власти не существует.

Представители Ассоциации регулярно встречаются с представителями Министерства финансов и Правительства Швеции. От имени Ассоциации запрашивается информация об готовящихся изменениях в законодательстве. Что характерно для всех Скандинавских государств, при

поддержке Ассоциаций местные власти готовят свою позицию по изменениям и предложениям, направляют для рассмотрения свои инициативы по совершенствованию законодательства [1].

В Королевстве Дания законодательно закреплённой процедуры консультаций между государственными и местными органами власти не существует. Парламент консультируется с Ассоциацией по новым законам и поправкам в действующее законодательство, по всем вопросам затрагивающим сферу интересов самоуправлений Дании. Кроме того, ассоциация ежегодно согласовывает с Правительством общие финансовые рамки для местных органов власти [6].

Ассоциация муниципалитетов и правительство Норвегии имеют формализованную схему консультаций для диалога и сотрудничества. Она включает в себя встречи на высоком уровне, двусторонние соглашения о сотрудничестве и участие Ассоциации в оценке бюджетных затрат.

Государство сохраняет за собой прерогативу по контролю за органами местного самоуправления в лице национального органа государственной власти в сфере регионального развития, который может отменять решения органов самоуправления на основании допущенной ошибки при принятии решения; постановление об отмене также может быть принято по собственной инициативе в порядке общего надзора за законностью.

Мы можем отметить, что в государствах Скандинавского полуострова значимое место в системе самоуправления занимает Ассоциация органов местной власти, призванная выступать медиатором по вопросам, возникающим между коммунами и центром, в том числе Парламентом; характерно сильное влияние Ассоциации местного самоуправления на решение дел самоуправлений.

Хорошо развита система ассоциации местного самоуправления, что помогает развивать партнерство между регионами и представлять интересы местных органов власти и граждан на уровне высших органов власти. Мы полагаем, что активная интеграция муниципалитетов Скандинавских государств между собой, поддержание связей и обмен опытом ещё больше способствует сближению нормативного содержания, структурного строительства муниципалитетов, что, в свою очередь, приведёт к большей унификации стран Скандинавской модели местного самоуправления.

Мы полагаем, что ассоциации местных самоуправлений являются действенным и востребованным институтом в системе самоуправления. Ассоциации, по своей правовой природе, являются интеграционным сообществом для коммун, площадкой обмена мнений и позиций,

урегулирования споров между коммунами или государственными органами, правительством и коммунами. Деятельность Ассоциаций имеет значительный практический результат, который выражается в участии в нормотворческом процессе, выработке системной и единой практики применения законодательства. Ассоциации выполняют важную роль в повышении автономии муниципалитетов, их политической и экономической свободы.

#### **Список использованных источников:**

1. Могунова, М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика / М. А. Моргунова. – М.: РГГУ, 2001. – 348 с.
2. Бойко, Г. А. Модели организации местного самоуправления: анализ международного и российского опыта / Г. А. Бойко, Г. А. Королева // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики : Материалы XII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 26 апреля 2023 года / Отв. редакторы А. А. Бурмистрова, А. В. Саяпин, Н. К. Родионова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 522–535.
3. О местном самоуправлении [Электронный ресурс] : Закон Финляндской Республики. Финляндская Республика, 10 апреля 2015 г. № 410/2015 // Сайт правовой экспертизы и вопросов интеграции Финляндской Республики. Законодательство Финляндской Республики. – URL : <https://www.kotoutuminen.fi/en/municipality-of-residence-act> (дата обращения: 01.04.2025).
4. The official web-page of the Association of Finnish Local and Regional Authorities (AFLRA) [Electronic resource] // The local self-government and the modernisation of municipal services. – URL : <https://www.localfinland.fi>. (date of access: 01.04.2025).
5. The official web-page of the Local Government *Denmark* (KL) [Electronic resource] // The association and interest organisation of the 98 *Danish* municipalities. – URL: <https://www.kl.dk>. (date of access: 01.04.2025).
6. The official web-page of The Norwegian Association of Local and Regional Authorities (KS) [Electronic resource] // The organisation for all local governments in Norway. – URL: <https://www.ks.no> (date of access: 01.04.2025).
7. The official web-page of the Swedish Association of Local Authorities and Regions (SALAR) [Electronic resource]. – URL: <https://skr.se/skr>. (date of access: 01.04.2025).

УДК 34.09

## ЦИФРОВЫЕ ПРАВА – НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ИХ АДАПТАЦИЯ?

*К. А. Чуйкевич*

*студентка 1 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

*Научный руководитель – Н. М. Кондратович, кандидат юридических наук,  
доцент*

**Аннотация.** Цифровизация оказывает значительное влияние на все сферы социальных отношений, что приводит к необходимости пересмотра устоявшихся юридических понятий, в том числе прав человека. В статье анализируются особенности цифровых прав, их соотношение с «традиционными» правами, раскрывается сущность права на доступ к Интернету, права на забвение и права на «цифровую смерть». Особое внимание уделено специфике объектов цифровых правоотношений и законодательному регулированию в Республике Беларусь. Сделан вывод о формировании новой категории прав человека – цифровых прав.

**Ключевые слова:** цифровые права; права человека; цифровизация; право на доступ к сети Интернет; право на забвение; цифровые активы; право на «цифровую смерть».

Цифровизация оказывает значительное влияние на практически все сферы социальных отношений, вызывая необходимость пересмотра многих основополагающих юридических понятий. Среди таких понятий важное место занимают права человека. Всё чаще утверждается, что технологический прогресс привёл к появлению новых, цифровых прав, которые качественно отличаются от «традиционных» и представляют собой новое поколение прав. Для того чтобы оценить данные утверждения, требуется доказать их уникальную природу, отличающуюся от предыдущих поколений. Наиболее часто упоминаются такие права, как право на доступ к Интернету, право на забвение и право на «цифровую смерть» [1, с. 9].

Право на доступ к сети Интернет в самом общем виде может быть определено как право беспрепятственного подключения к Интернету и осуществления в нем различных видов деятельности [2, с. 15]. И такое право можно считать новацией. Однако исследователи полагают, что многие права, реализуемые в Интернете, можно свести к естественным правам, или правам первого поколения: право на свободу слова и свободу выражения мнения,



право на распространение, получение, поиск информации и право на неприкосновенность частной жизни в сети Интернет и другие. Однако это понимание ограничивает спектр цифровых прав и провидит к рассмотрению Интернета как исторически преходящего инструмента реализации естественных прав, а доступ к этому «инструменту» сам по себе правом тогда быть не может. Эту мысль очень емко выразила Н.В. Варламова в своей работе: «Лошадь, возможно, когда-то была незаменима для жизни человека, но теперь ей на смену пришли сто лошадей под капотом машины, стоящей в гараже, который, в свою очередь, заменил прежде необходимый сарай» [1, с. 34-35]. Тем не менее другим исследователям такая аналогия не кажется корректной. И с этим нельзя не согласиться, ведь возможности, которые предоставляет Интернет, делают его не просто инструментом, а основополагающей системой, позволяющей нам наиболее эффективным и простым способом достичь поставленных целей. Например, электронное правительство и доступ к онлайн-петициям, позволяющие гражданам активно участвовать в управлении и контроле за действиями властей; онлайн-платформы для голосования как один из способов борьбы с политическим абсентеизмом; расширение возможности пользования свободой слова и информация через социальные сети, блоги и другие цифровые платформы – это и многое другое, ставшее частью нашей жизни после появления сети Интернет, способствует укреплению демократических процессов и основ правового государства.

Однако неоспорим тот факт, что свобода слова, независимо от того, выражается ли она через написание книги, создание фильма или публикацию в Интернете, сохраняет свою основную, неизменную природу. Соответственно, сеть Интернет и права, реализуемые в нем, можно рассматривать как аспект реализации «традиционных» прав в условиях цифровой среды, как новую форму существования и развития фундаментальных прав [3, с. 96], в то время как право на сам доступ к этой сети представляется отдельным новым правом человека.

Для понимания же самой сущности цифровых прав следует основываться на уникальном характере объекта правоотношений, несуществующего вне цифрового контекста. Так, право на забвение, иногда называемое правом на удаление, представляет собой одно из самых ярких проявлений цифровых прав. Оно возникло как реакция на стремительное развитие технологий и рост цифровой среды, где личная информация может сохраняться и быть доступной практически бесконечно.

Особенность права на забвение заключается в его способности защищать личность от возможных негативных последствий сохранения или распространения информации. Например, если информация больше не актуальна, оскорбительна или нарушает частную жизнь, гражданин может обратиться к операторам поисковых систем или платформ с просьбой удалить ее [4, с. 102]. К тому же право на забвение является не только инструментом защиты данных, но и способом возвращения контроля над своим цифровым следом.

Существуют законодательные акты, регулирующие реализацию права на забвение, например, GDPR (Общий регламент защиты данных) в Европейском Союзе, который устанавливает правила для удаления данных и дает гражданам возможность контролировать их использование. В Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь № 99–3 от 7 мая 2021 г. «О защите персональных данных», который включает в себя ст. 13 «Право требовать прекращения обработки персональных данных и (или) их удаления». Согласно ей субъект персональных данных вправе требовать от оператора бесплатного прекращения обработки своих персональных данных, включая их удаление (для реализации указанного права субъект персональных данных подает оператору заявление).

Перед тем же как перейти к следующему самостоятельному цифровому праву, хотелось бы выделить правоотношения, объекты которых носят абсолютно новый и специфичный характер, обусловленный отсутствием необходимости их материального подтверждения для вовлечения в гражданский оборот. Среди таких объектов можно выделить цифровые финансовые активы, к примеру, криптовалюта, а также домены, блокчейны, токены и другое. В Республике Беларусь такие отношения получили свое закрепление. Регулирование цифровых финансовых активов, таких как криптовалюта и токены, осуществляется Декретом Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики». Этот документ определяет условия их выпуска, обмена и обращения в рамках законодательства. Применение блокчейна нашло свое отражение и в Республике Беларусь через создание Ассоциации «Технологии Распределенных Реестров», деятельность которой направлена на цифровую трансформацию бизнеса и экономики и поддержку научных исследований в области защиты персональных данных. Домены же в Республике Беларусь регулируются в контексте интеллектуальной собственности (национальным законодательством о товарных знаках и обозначениях, включая аспекты их использования в коммерческих целях (авторские права и права на товарные

знаки, существующие в цифровой форме, регулируются нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь)).

Значимым аспектом цифровизации является также право на «цифровую смерть». Его можно изначально принять за право на забвение, но на самом деле это право представляет совсем иное, а именно: возможность управлять цифровыми данными умершего.

Как мы прекрасно знаем, люди оставляют цифровые следы, такие как электронная переписка, аккаунты в социальных сетях и виртуальные объекты. И ввиду того, что социальные сети, почтовые сервисы, интернет-магазины и платформы не умеют определять, жив конкретный пользователь или нет, после смерти человека гигабайты его личных данных, файлов, аккаунтов как цифровое наследство не исчезают мгновенно, а продолжают храниться в облаке. И весьма логичным будет являться факт желания родственников покойного распорядиться этим наследством. Причины могут быть разные: от финансовой ценности такого наследства (домены, криптовалюта) до намерения превратить личную страницу умершего в страницу памяти. Вопросы наследования таких данных остаются еще не до конца решёнными в нашем законодательстве, но в США и Германии, например, существуют нормы, регулирующие доступ к цифровым активам умерших.

Как утверждалось ранее, цифровизация оказывает значительное влияние на практически все сферы социальных отношений, вызывая необходимость пересмотра многих основополагающих юридических понятий, в том числе прав человека. И несмотря на различие взглядов: некоторые исследователи, такие как профессор А. А. Карцхия, считают, что такой процесс «формирует новую реальность в социальной и правовой сферах» [5, с. 33], в то время как ряд специалистов полагает, что цифровизация не создает принципиально новых прав человека, а «лишь переносит традиционные права в виртуальное пространство», по словам Н. В. Варламовой [1, с. 13], – очевидно, что цифровые права – это действительно новая категория прав человека, которую не следует отождествлять с общепринятыми «традиционными» правами человека, ведь столь масштабное и стремительное развитие цифровых технологий делает вполне реальным перспективу придания цифровым правам статуса прав человека нового поколения.

**Список использованных источников:**

арламова, Н. В. Цифровые права– новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН– 2019. – № 3. – С. 9–46.

2. Penney, J.W. (2011). Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins. William Mitchell Law Review, 38(1), pp. 10–42.

Чернецкая, Н. С. Цифровые права человека как результат цифровизации общественных отношений / Н. С. Чернецкая // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 27 / сост. М. Д. Липницкая; под общ. ред. Е. А. Достанко. — Минск: Четыре четверти, 2022. – С. 95–97.

Остапович, И. Ю., Шахновская, И. В. Право на забвение в контексте развития концепции цифрового суверенитета личности / И. О. Остапович, И. В. Шахновская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4(69). – С. 100–103.

Карцхия, А. А. Цифровая трансформация и права человека / А. А. Карцхия // Русская политология. – 2018. – №4 (9). – С. 33–38.

## УДК 342

### К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ АКТОВ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

*А. В. Шавцова*

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного  
права, юридический факультет, Белорусский государственный  
университет*

*Р. О. Гаджиев*

*студент 2 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

**Аннотация.** В статье рассматривается юридическая природа актов Всебелорусского народного собрания после внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 году. Исследуется правовая неопределенность, возникающая вследствие наименования актов Всебелорусского народного собрания как «решения», что не в полной мере отражает его политико-правовую роль. Предлагается переименование актов Всебелорусского народного собрания в «резолюцию», что позволит подчеркнуть их стратегическое значение, устранить правовые коллизии и укрепить демократическую природу органа.

**Ключевые слова:** высший представительный орган народовластия; решение Всебелорусского народного собрания; система нормативных правовых актов; юридическая сила.

27 февраля 2022 г. в Республике Беларусь состоялся республиканский референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию. Уже 4 марта 2022 г. Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко было подписано Решение республиканского референдума, в соответствии с которым конституционный статус высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие, приобрело Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС).

В соответствии с ч. 1 ст. 89<sup>5</sup> Конституции Республики Беларусь, «Всебелорусское народное собрание для реализации возложенных на него конституционных функций принимает решения».

Наделение ВНС полномочиями настолько обширного государственно-властного сектора позволяет говорить о совмещении правомочий, характерных для всех ветвей власти, а также значительного объема надзорных правомочий.

Статус высшего представительного органа народовластия, провозглашенный Конституцией, не позволяет однозначно разместить ВНС в системе разделения властей в Республике Беларусь, что порождает некоторую правовую неопределенность, проявляющуюся в том числе в наименовании актов ВНС, определенной в настоящий момент Конституцией как решения ВНС.

Система нормативных правовых актов, составляющих законодательство Республики Беларусь, определена ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», в которой предусмотрено, что категория «решение» как наименование нормативных правовых актов характерна для: республиканских референдумов, местных референдумов, решений местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

«Решение» как наименование актов государственных органов характерно прежде всего для органов местной власти – местных Советов депутатов, исполнительных комитетов, местных администраций, что подчеркивает определенную территорию и сферу действия этих актов. На

наш взгляд, использование категории «решение» при наименовании актов ВНС не в полной мере соответствует фактическому месту ВНС в политической системе, его актов в правовой иерархии.

Мы считаем, что действующее наименование актов ВНС не отражает его политико-правовую природу и место в системе власти Республики Беларусь, не позволяя однозначно разместить акты ВНС в иерархии законодательства Республики Беларусь. Категория «решение» как способ наименование актов собрания не отображает возвышение ВНС над системой разделения властей Республики Беларусь и провоцирует смешение правовых форм институтов местной власти и народного представительства высшего уровня.

Представляется целесообразным предложить такое наименование акта ВНС, как «резолуция» (от латинского *resolutio* – «решение» или «разрешение»), означающее решение, принятое должностным лицом или коллегиальным органом, в результате обсуждения какого-либо вопроса [2].

Именно с помощью категории «резолуция» при наименовании акта ВНС законодателю удастся подчеркнуть статус собрания и его актов, которыми утверждаются важнейшие документы и предпринимаются важнейшие действия в целях определения стратегических направлений развития общества и государства, обеспечения незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия.

Применение категории «резолуция» конкретизирует место актов ВНС в иерархии законодательства Республики Беларусь, исключит коллизии, возможные по поводу их толкования и применения, так как «резолуция» на данный момент не используется в Республике Беларусь как наименование акта государственного органа. Также с помощью данной категории законодателем будет четко обозначен программно-политический характер актов ВНС.

Содержательная ценность категории «резолуция» заключается в том, что она представляет собой концентрированное выражение общественного согласия, достигнутого в ходе широкого и всестороннего обсуждения. Процедура разработки и принятия акта ВНС предполагает последовательное прохождение нескольких этапов – от выдвижения мнений и инициатив, их экспертизы до публичного обсуждения и окончательного утверждения. Такой подход гарантирует, что принимаемый акт действительно отражает консолидированную позицию общества по важнейшему общественно-политическому вопросу страны.

Соответственно, особая юридическая сила «резолуции» будет проистекать не столько из формального статуса документа, сколько из его легитимности как акта, принятого высшим представительным органом народовластия. В этом контексте «резолуция» ВНС воплотит в себе принцип народного суверенитета, закрепленный в ст. 3 Конституции Республики Беларусь.

Особую значимость «резолуция» приобретет как инструмент стратегического планирования. В отличие от нормативных актов, регулирующих текущие вопросы и повседневное управление, «резолуция» утвердит долгосрочные ориентиры развития общества и государства. При этом она сохраняет гибкость, позволяя адаптировать стратегические положения к изменяющимся условиям без необходимости внесения изменений в законодательство. Такой подход соответствует современным вызовам и обеспечивает устойчивость государственного управления.

Сегодня ВНС – уникальный институт обеспечения незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия. ВНС являет собой демократический форум, на котором обсуждаются и утверждаются стратегические направления развития общества и государства, призванных обеспечить политическую стабильность и консенсус между политическими силами, ветвями власти и регионами страны, социально-экономическую стабильность государства и рост благосостояния граждан.

Комплексный анализ политико-правовой природы ВНС, юридической сущности его актов, их места в правовой системе убедительно свидетельствует, что категория «резолуция» более детализирующая, чем «решение».

Переименование актов ВНС в «резолуции» в целях детализации статуса ВНС и его актов не только решит терминологическую проблему и проблему несоответствия действующего наименования актов ВНС его политико-правовой природе, но и позволит более точно регламентировать их место в системе законодательства Республики Беларусь.

Кроме того, «резолуция» как наименование акта ВНС оптимально соответствует демократической природе этого органа, обеспечивая сочетание народного представительства, профессиональной экспертизы и стратегического видения развития государства. Переименование акта ВНС будет способствовать осознанному восприятию юридической сущности актов ВНС как обязательных к применению в деятельности государственных органов, но не подменяющие собой нормотворческий

процесс, более детальному правовому регулированию деятельности ВНС, исключению коллизий в толковании и применении данных актов.

Отметим, что дальнейшие перспективы совершенствования конституционно-правового статуса ВНС и его актов, их детализация и правовая регламентация будут зависеть от комплексного и предусмотрительного подхода к включению ВНС в систему власти Республики Беларусь.

Так, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на первом заседании VII Всебелорусского народного собрания отметил: «этот новый орган еще предстоит грамотно на практике вмонтировать в ныне действующую систему власти, чтобы не допустить неразберихи» [1].

#### **Список использованных источников:**

1. Выступление на заседании VII Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL : <https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-na-zasedanii-vii-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya> (дата обращения 20.04.2025).

2. Резолюция [Электронный ресурс] // Большой юридический словарь. – URL: <https://juridical.slovaronline.com/5162-REZOLYUTSIYA> (дата обращения 20.04.2025).

### **УДК 342.843.5**

## **ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ**

*А.В. Шавцова*

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета*

*М.Д. Дятко*

*студентка 4 курса, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет*

**Аннотация.** Электронное голосование в избирательном процессе является активно развивающимся направлением правовой науки во всем мире, так как в настоящее время возрастает интерес к применению информационных технологий при проведении голосования. В данной статье рассматриваются понятия, виды, этапы внедрения электронного голосования в Республике Беларусь.

**Ключевые слова:** электронное голосование; избиратель; комплекс электронного голосования; дистанционное электронное голосование; технологии; бюллетень.



Развитие информационных технологий проникает на современном этапе в большинство сфер белорусского общества. Особую актуальность приобретает внедрение их и в общественно значимые политические процессы, в том числе в рамках использования избирательных технологий. В правовой науке обращается внимание на то, что «...научно-технический прогресс неизбежно становится движущей силой технического совершенствования избирательного процесса. Возможность преобразования информации в цифровую форму позволяет существенно ускорять и упрощать многие избирательные действия и процедуры, делая их простыми, удобными и доступными для любого избирателя» [1].

Впервые понятие «электронное голосование» (electronic(al) voting – e voting) было введено в оборот в 1960-х гг., когда во всем мире еще применялось голосование с помощью бумажных бюллетеней.

Следом за масштабным распространением цифровых технологий в политику трансформируются избирательные процедуры. В разных странах внедряют новые инструменты голосования, возникают и изменяются различные формы волеизъявления граждан, применяются цифровые средства для обеспечения избирательных процессов.

В современной научной литературе понятие электронного голосования является многоаспектным и рассматривается в двух смыслах: широком и узком. Электронное голосование в *широком* понимании определяется как «совокупность информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих процесс волеизъявления граждан, основанных на принципах электронного управления», а также как «средство для осуществления (правовая форма реализации) демократии в электронной форме» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В *узком* смысле электронное голосование рассматривается как «средство или способ проведения голосования на выборах» [3].

Вместе с тем в научной литературе в зависимости от места проведения различают два вида электронного голосования: «удаленное (дистанционное) электронное голосование (онлайн-голосование), а также не удалённое (стационарное) электронное голосование» [4, с. 12], которое характеризуется тем, что выборы проводятся в помещении для голосования, как и при традиционном голосовании, но с использованием специальных технических средств. Дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) может использоваться как самостоятельный вид голосования, так и качестве дополнительной формы в сочетании с традиционным

голосованием бумажным бюллетенем и электронным голосованием на избирательном участке.

В отечественной науке выделяют различные трактовки понятия «электронное голосование». Под ним может подразумеваться:

1. процесс регистрации избирателей,
2. «процесс подачи голосов с применением телекоммуникационных средств (удаленное голосование посредством мобильной связи или интернет; голосование на избирательном участке с помощью электронных устройств, например, комплексов электронного голосования (КЭГ))» **[Ошибка! Источник ссылки не найден.];**

3. процесс подсчета голосов электронными средствами (например, комплексы обработки избирательных бюллетеней, КОИБ).

Страны, стремящиеся к использованию электронного голосования на выборах, должны заблаговременно решить ряд правовых, организационных и технических вопросов, некоторые из них нашли отражение в Рекомендации «О правилах электронного голосования», принятой на 1289-м заседании 14 июня 2017 г. Комитета Министров Совета Европы. В документе признаются утратившими силу Рекомендации 2004 г., в ряде случаев по-новому регулируются вопросы организации и проведения электронного голосования избирателей на выборах в государствах – членах СЕ. В названной рекомендации электронное голосование определяется как «использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов», также указывается, что «электронное голосование, являющееся безопасным, достоверным, эффективным, технически оснащенным, открытым для независимой проверки и доступным, может укрепить доверие общества» к органам, проводящим выборы, которое, в свою очередь, «является предпосылкой для проведения электронного голосования».

В научной правовой литературе выделяют следующие виды электронного голосования:

- системы подсчета голосов;
- системы голосования перфокартами;
- системы оптической нумеризации (оборудования с программным обеспечением, считывающим проставляющие выставленные избирателем отметки на бумажном бюллетене);
- «системы прямого электронного регистрирования, предусматривающие возможность избирателю проголосовать при помощи сенсорной панели или клавиатуры, при этом до пускается возможность распечатать заполненный бюллетень в бумажной форме, в том числе

системы, предусматривающие применение технологий считывания биометрических данных избирателя (лицо, отпечатки пальцев) для голосования как посредством систем прямого электронного регистрирования, так и без них» [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 115];

– «интернет-голосование» [7].

Технологии электронного голосования прошли эволюцию от избирательных терминалов до систем оптического сканирования и специальных вычислительных машин для голосования. Для передачи информации применяются различные передовые технологии, включая SMS-сообщения, Интернет.

Первым этапом совершенствования процедуры голосования во многих странах мира стало внедрение электронного голосования на избирательных участках посредством разработки специальных машин (комплексов) для голосования, которые позволяют голосовать без использования бумажных бюллетеней и осуществлять автоматизированный подсчет голосов избирателей.

*Комплекс электронного голосования (далее – КЭГ), устройство, предусматривающее голосование избирателя без использования бумажного бюллетеня путем касания сенсорного дисплея устройства. Для активации дисплея используются разные технологии, в том числе сканирование, считывающие карты и т.д. Обработка итогов голосования осуществляется в автоматическом режиме. КЭГ существуют как стационарные, так и переносные (для голосования на дому).*

Следующим этапом можно отметить появление *дистанционных форм голосования избирателей*, предполагающих возможность голосования из любого места нахождения избирателя посредством их собственного электронного устройства, средства связи (Интернет, мобильная связь) и установленного способа идентификации личности. Как в отечественной научно-правовой литературе, так и в зарубежной отмечается: «Дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) могут позволить себе страны с качественно более высоким уровнем развития цифровых сервисов в избирательном процессе. Важным аспектом в вопросе внедрения ДЭГ в электоральную систему любой страны является степень доверия и принятия населением электронной демократии в целом» [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 220].

В настоящее время внедрение электронного голосования в Республике Беларусь является предметом научно-правового исследования, в процессе которого необходимо решить ряд актуальных вопросов:

1) определить предмет нормативного правового регулирования, процедуру регистрации избирателей и электронного голосования, подсчета голосов, порядок и правовые пределы использования для этого технических средств. Это обусловлено тем, что в отличие от традиционного (с помощью бумажных бюллетеней), электронное голосование не имеет унифицированных стандартов внедрения, поскольку электронные урны или машины для голосования от разных поставщиков всегда будут иметь отличия программного и технологического характера. Законодатель не всегда обладает должной технической компетенцией, чтобы учесть возможные проблемы и способы их решения, а также определить, какие аспекты требуют нормативного правового регулирования. Правовое обеспечение электронного голосования следует осуществлять во взаимодействии с разработчиками технологических процессов и самих устройств;

2) опираясь на комплексный сравнительно-правовой анализ законодательства других государств и используя накопленный положительный опыт нашего государства определить модель, способ нормативного правового регулирования электронного голосования. Так, в общемировой практике сложились два основных варианта нормативного правового регулирования электронного голосования в различных государствах: централизованное законодательное регулирование электронного голосования и конкретизация рамочных законов и иных нормативных правовых актов на местном, региональном уровнях.

Централизованное законодательное регулирование характеризуется единым на территории всего государства правовым регулированием и используется, например, в Королевстве Бельгия, где принят отдельный закон «Об организации автоматизированного (электронного) голосования» (11 апреля 1994 г.), в Королевстве Испания с 2004 года действует закон «Об электронном правительстве по вопросам электронного голосования». Централизованное законодательное регулирование характерно также для Финляндской Республики, Королевства Нидерландов, ФРГ, Федеративной Республики Бразилии.

Рамочные нормативные правовые акты содержат общегосударственные основополагающие нормы, позволяющие при этом целый ряд аспектов самостоятельно регулировать на местном уровне. Так,

например, в Швейцарской Конфедерации закон «О политических правах» (17 декабря 1976 г.) сформировал рамочную законодательную основу для электронного голосования. Данный закон позволяет Федеральному Совету, проконсультировавшись с заинтересованными кантонами и муниципалитетами, проводить исследования по электронному голосованию в кантонах, в которых эксперименты проходили успешно. Федеральный Совет может отменить проведение электронного голосования в любое время, вне зависимости от места, времени или вопроса, ставящегося на голосование. Для экспериментов установлены общие требования к удостоверению личности избирателя, к тайне голосования и к прозрачности. Федеральный Совет должен контролировать проведение подобных экспериментов. Кроме того, вышеуказанный Федеральный закон Швейцарии закрепляет положение, о том, что каждый кантон должен сам определить правила подсчета голосов, процедуру голосования и основания недействительности выборов в законе на локальном уровне.

Также в Соединенных Штатах Америки удельный вес общегосударственного законодательства, по вопросам выборов в сравнении с законодательством штатов крайне мал. Законодательство в этой сфере и его осуществление - прерогатива каждого штата. В рамках принятого закона «О выборах» был учрежден Национальный информационный центр информационных процедур и ресурсов. Для проведения выборов федерального уровня Американской комиссией содействия осуществлению выборов было предложено сформулировать руководящие принципы для технического управления процедурой голосования в системе электронного голосования, а также разработать национальную программу для тестирования и сертификации данной системы.

В результате анализа различных подходов государств к способу правового регулирования, отметим, с одной стороны централизованное законодательное регулирование более распространено, однако с другой стороны конкретизация рамочных актов позволяет избежать создания громоздких единых законодательных актов, и предоставляет регионам возможность самостоятельно принимать решения с учетом их специфики.

Рассматривая перспективы возможного введения электронного голосования на территории Республики Беларусь, полагаем целесообразным применить централизованное правовое регулирование и использовать модель централизованного правового регулирования. С этой целью считаем необходимым дополнить Избирательный кодекс соответствующими положениями о порядке организации и проведении

электронного голосования: закрепить в Избирательном кодексе Республики Беларусь наряду с общим понятием «голосование» также понятие «электронное голосование»: «Электронное голосование – способ проведения голосования для подачи и (или) подсчета голосов на основе информационной системы с использованием специальных технических устройств, установленных Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь»; дополнить статьи 51 и 52.1 положениям, предусматривающими применение технологий электронного голосования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы и выделить основные направления в правовой науке по исследованию внедрения и применения электронного голосования в избирательном процессе: разработка и дальнейшая реформа законодательства по внедрению электронного голосования должна сопровождаться профессиональным сопровождением экспертов и разработчиков технологий электронного голосования; в качестве правовой модели регулирования всех форм голосования должна быть централизованная, ее правовую основу должен составить Избирательный кодекс, который необходимо дополнить соответствующими положениями о порядке организации и проведении электронного голосования и подсчета голосов.

#### **Список использованных источников:**

1. Петрова, С. В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии / С. В. Петрова, А. В. Сидорова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 192–196.
2. Антонов, Я. В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия / Я. В. Антонов // SSRN : электронная библиотека. – URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3290558](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3290558) (дата обращения: 27.06.2025).
3. Антонов, Я. В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России / Я. В. Антонов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 17–20.
4. Матренина, К. Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт / К. Ю. Матренина // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1 – С. 10–15.
5. Титовская, А. В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом : сравнительно-правовой анализ / А. В. Титовская // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 106–108.

6. Chandra Mouli Ch. Smart Voting System / Chandra Mouli Ch., Laasya Priya M., Ut tej J., Pavan Sri Sai g., Vijay Kumar Reddy R. // International Journal for Innovative Engineering and Management Research. – 2020. – Vol. 9, Issue 09. – Pp. 115–118.
7. Масловская, Т. С. Электронное голосование : опыт зарубежных стран / Т. С. Масловская // Pandia : электронный портал. – URL: <https://pandia.ru/text/78/106/166.php> (дата обращения: 27.01.2025).
8. Oostveen, A. E-voting technology is not neutral / A. Oostveen, Peter van den Besselaar // Informatik 2003, Innovative Informatik anwendungen, Band 2. Lecture Notes in Informatics / Dittrich, K. et al. (eds.). – 2003. – Pp. 218–221.

## УДК 342

### ВЫСШИЙ ПРИОРИТЕТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ИНТЕРЕСЫ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ГОСУДАРСТВА?

*В. А. Шидловский*

*студент 2 курса, юридический факультет, Белорусский государственный  
университет*

*Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,  
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

**Аннотация.** В статье рассматривается соотношение интересов личности и государства в государственном управлении в рамках национальной правовой системы Республики Беларусь. Обращается внимание на важность реализации принципа взаимной ответственности человека и государства, а также их посильного вклада в производство социальных благ. Отражено правовое закрепление прав и обязанностей граждан в области государственного управления.

**Ключевые слова:** государственное управление; правовая система; правовая политика; социальная справедливость; интересы личности и государства.

Государственное управление представляет собой сложный механизм целенаправленной, системной, непрерывной деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, которая осуществляется в рамках закона и направлена на реализацию государственной политики и функций государства, обеспечение общественного порядка, защиту прав и свобод граждан, а также поддержание стабильности в стране. Вопрос о приоритете интересов личности или государства и установлении баланса между ними в системе государственного управления является одним из ключевых в юридической науке.

В условиях современных социально-политических процессов достижение равновесия между интересами личности и государства играет ключевую роль в усилении консолидации общества и обеспечении его стабильного, безопасного развития. Справедливое соотношение интересов обеспечивается, с одной стороны, эффективной деятельностью государственных органов и должностных лиц, направленной на реализацию и защиту прав и свобод личности, а с другой – исполнением гражданами своих обязанностей, а также их активным участием в жизни общества и государства при реализации предоставленных им прав и свобод.

Развитие национальной правовой системы Республики Беларусь основывается на конституционных принципах, среди которых, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Основного Закона, главенствующая роль принадлежит гарантии реализации защиты прав и свобод человека, как высшей конституционной ценности и цели общества и государства, что способствуют становлению личности граждан как полноправных субъектов правоотношений. Однако, согласно ч. 2 вышеуказанной статьи Конституции, конституционно-правовой статус личности охватывает не только права, но и установленные конституционные обязанности граждан. Из этого следует, что, реализуя принадлежащие права и свободы, гражданин должен добросовестно исполнять конституционные обязанности, способствовать достижению конституционных целей и действовать в соответствии с законодательством государства.

Решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. статья 21 Основного Закона Республики Беларусь была дополнена частью 3, которая установила обязанность каждого придерживаться принципа социальной ответственности, обеспечивающего эффективное функционирование социального государства и предполагающего готовность каждого гражданина к посильному участию в создании общественных благ, поскольку право на пользование социальными благами корреспондирует с обязанностью посильного вклада в их производство [1, с. 92].

Согласно п. 3 Концепции правовой политики Республики Беларусь при разработке и осуществлении правовой политики государственные органы, организации и их должностные лица должны руководствоваться конституционным положением о том, что носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике Беларусь выступает народ. Беларусь, как демократическое государство, предоставляет своим гражданам на конституционном уровне право на участие в управлении делами государства, а также направлять обращения в



государственные органы, что создаёт правовые механизмы для продвижения и учёта их интересов при принятии управленческих решений. Например, в ст. 35 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» гражданам предоставлено право вносить в местный Совет депутатов инициативные предложения, включая проекты решений или обоснованные предложения о необходимости принятия, корректировки, разъяснения, временного приостановления, признания утратившими силу либо отмены решений местного Совета или их отдельных положений по вопросам местного значения. В свою очередь, внесённые проекты решений подлежат обязательному рассмотрению на сессии местного Совета. Однако гражданин, обращаясь в государственный орган, также должен соблюдать возложенные на него обязанности, установленные ст. 8 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», которые заключаются в соблюдении положений действующего законодательства и установленных им обязанностей, направлении обращений в государственные органы в рамках их компетенции, а также проявлении уважения к работникам соответствующих органов.

В соответствии с п. 13 Концепции правовой политики социальная справедливость, являющаяся ключевым фактором обеспечения прав и свобод личности, проявляется через гармонизацию интересов государства, общества и граждан и их взаимные обязательства, и гарантию того, что никто не вправе пользоваться преимуществом, а также привилегиями, которые противоречат закону. Согласно п. 2 ст. 103 Закона «О конституционном судопроизводстве» предложение о даче заключения о конституционности нормативного правового акта может основываться на поданном обращении гражданина Президенту Республики Беларусь либо иным органам, наделенным правом обращения в Конституционный Суд, если указанное лицо считает, что в результате применения данного нормативного правового акта в рамках конкретного решения государственного органа или судебном постановлении были нарушены его права, свободы и охраняемые законом интересы. Данный правовой механизм также способствует развитию принципа социальной справедливости, например в соотношении между конкретным правонарушением и применяемыми мерами ответственности за его совершение.

Согласно пункту 51 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одной из приоритетных задач в области обеспечения национальной безопасности является сохранение баланса интересов

личности, общества и государства, поскольку они взаимосвязаны и взаимозависимы. Государство, реализуя национальные интересы, создает условия, гарантирующие безопасность каждого гражданина, и концентрирует усилия на нейтрализации угроз, а гражданин, в свою очередь, на основании ст. 57 Конституции обязан защищать Республику Беларусь.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь закрепляет принцип приоритета прав и свобод личности как основу государственного управления. Как сказал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Не народ должен идти к власти, а власть должна бежать к народу. Именно так происходит смена социальной роли общества: из просителей люди превращаются в наших партнеров» [2]. В отдельных случаях, связанных с защитой конституционного строя, безопасности и общественных интересов, на граждан возлагаются обязанности для достижения интересов государства. На мой взгляд, не следует противопоставлять интересы личности и государства, поскольку они должны находиться в балансе, реализуя принцип взаимной ответственности человека и государства.

#### **Список использованных источников:**

1. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 544 с.
2. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2007–2025. – URL: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-strane-i-narode> (дата обращения: 27.04.2025).

## **УДК 342**

### **К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*К. Н. Яковенко*

*студентка 2 курса юридического факультета, Белорусский  
государственный университет*

*Научный руководитель – Т.С. Масловская, кандидат юридических  
наук, доцент*

**Аннотация.** На примерах зарубежных государств рассмотрены процедуры принятия конституций, внесения в них изменений и дополнений. Актуальность обусловлена отсутствием в национальном законодательстве четкого порядка принятия

нового Основного Закона. Ценность полученных результатов состоит в совершенствовании национальной законодательной базы путём проведения сравнительного анализа и выбора наилучшего варианта для белорусской правовой системы.

**Ключевые слова:** конституция; основной закон; порядок принятия; внесение изменений; зарубежный опыт.

Определение Конституции закреплено в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». Конституция представляет собой Основной Закон нашего государства, который имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь, а также закрепляет основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений. Она имеет особый порядок внесения изменений и дополнений, что обусловлено её ведущим положением среди нормативных правовых актов, однако при этом белорусским законодателем не определена процедура принятия нового Основного Закона. Нормативное закрепление нашел лишь процесс внесения поправок, предусмотренный непосредственно в самом тексте Конституции.

Принимая во внимание как национальный, так и зарубежный опыт, можно прогнозировать в будущем принятие новой Конституции. Постепенно любой законодательный акт утрачивает свою актуальность, что влечет его замену новым, учитывающим современные реалии. Безусловно, можно столетиями вносить поправки, как это характерно, например, для Конституции США, но подобный опыт не характерен для национальной практики, поэтому перспектива многовекового внесения поправок в данном случае видится далекой от реальности.

Из раздела VIII Основного Закона Республики Беларусь следует, что процедуру внесения изменений и дополнений в Конституцию могут инициировать Президент, Всебелорусское народное собрание, палаты Парламента, а также граждане, обладающие избирательным правом (150 тыс.). При этом следует подчеркнуть, что некоторые разделы могут изменяться только путём референдума (в частности – разделы I, II, IV, VIII). То есть из этого следует вывод, что только посредством волеизъявления граждан возможно изменить любую конституционную норму. В данном контексте также видится важным сослаться на ст. 3 Основного Закона, которая определяет народ как единственный источник государственной власти и носитель суверенитета.

Республика Беларусь при осуществлении нормотворческой деятельности учитывает практику зарубежных стран. Ввиду этого следует обратить внимание на содержание Конституций некоторых зарубежных стран, которые имеют общее с Республикой Беларусь происхождение, то есть на постсоветские государства. Такой подход представляется целесообразным ввиду учета общего исторического прошлого и устоявшихся правовых традиций. Также обратимся и к опыту других зарубежных государств для проведения сравнительного анализа.

Основной Закон Казахстана был принят в 1995 г. путем республиканского референдума. В связи с принятием новой Конституции было проведено свыше 30 тыс. коллективных обсуждений, в которых приняло участие около 3 млн. граждан Казахстана.

Конституция Казахстана предусматривает возможность внесения в нее поправок (Основной Закон изменялся в 1998, 2007, 2011, 2017, 2019, 2022 гг.). Они могут быть внесены после проведения республиканского референдума, инициаторами которого являются следующие субъекты: Президент, Парламент, Правительство. Проект, содержащий изменения и дополнения, может не выноситься на референдум при условии, если Президент принял решение передать его на рассмотрение Парламента. Если же Главой государства было отклонено предложение Парламента о вынесении на республиканский референдум конституционных изменений и дополнений, Парламент может квалифицированным большинством (4/5) голосов от общего числа депутатов каждой Палаты принять закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию. В такой ситуации Президент подписывает этот закон или выносит его на республиканский референдум, который будет считаться состоявшимся, если в голосовании будет участвовать свыше 50% граждан Республики, имеющих право участвовать в республиканском референдуме. Изменения и дополнения будут считаться принятыми, если за их принятие проголосовало более 50% от принявших участие в голосовании граждан. Также требование усложняется: более половины граждан, принявших участие в голосовании, должны проголосовать как минимум в 2/3 областей, городов республиканского значения и столицы. Перед проведением республиканского референдума Конституционный Суд Республики Казахстан должен дать заключение о соответствии Основному Закону вносимых поправок (в частности, содержание поправок должно соответствовать п. 2 ст. 91 Конституции).

В Основной Закон Казахстана включена норма, определяющая, что Конституция Республики Казахстан, которая была принята на республиканском референдуме, будет вступать в силу со дня официального опубликования результатов референдума с одновременным прекращением действия ранее принятого Основного Закона. Данная норма с момента принятия Конституции в 1995 г. не претерпела изменений. Из этого следует вывод, что последующие Конституции в Республике Казахстан будут приниматься также путём проведения республиканского референдума.

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность внесения в неё поправок. Такая возможность регламентирована гл. 9 Основного Закона Российской Федерации «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Ст. 134 определяет круг субъектов, имеющих право вносить предложения о поправке и пересмотре положений Конституции. В частности, к таким субъектам относится Президент, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство, законодательные (представительные) органы субъектов федерации. Примечательным является то, что данное предложение может быть также внесено не менее 1/5 членов Совета Федерации, а также не менее 1/5 депутатов Госдумы.

Поправки к некоторым главам (3-8) Конституции принимаются в виде закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации. В данном случае под поправкой следует понимать любое изменение текста глав, например, это могут быть изменения в виде исключения, дополнения, новой редакции главы.

Предложение о поправке вносится в Думу субъектом права, обладающим такой инициативой. Вместе с проектом закона о поправке к Конституции следует предоставить обоснование необходимости принятия вносимой поправки и перечень законов, которые будут подвергаться отмене, изменению, дополнению или же принятию в связи с внесением предлагаемой поправки в Конституцию.

В законодательстве Российской Федерации, в отличие от белорусского, прямо регламентирована процедура принятия нового Основного Закона. Так, с целью принятия Конституции может быть создан специальный орган – Конституционное Собрание, который может разработать проект нового Основного Закона, а также принять его 2/3 голосов от общего числа его членов. Также новая Конституция может быть вынесена на всенародное голосование. В данном случае она будет считаться принятой, если за неё проголосовало более половины от принявших участие в голосовании

избирателей, но при условии, что в голосовании приняло участие более половины избирателей в целом.

В Кыргызской Республике изменения и дополнения в положения разделов об органах государственной власти и о местном самоуправлении могут быть приняты Жогорку Кенешем (Парламентом) по инициативе Президента или же 2/3 от общего числа депутатов Парламента. Закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию принимается не позднее 6 месяцев со дня внесения проекта закона на рассмотрение Парламентом. Такой закон принимается большинством не менее 2/3 голосов от общего числа депутатов Жогорку Кенеша после проведения не менее 3-х чтений с перерывом между чтениями в 2 месяца. Конституционный суд Кыргызской Республики должен дать предварительное заключение для внесения соответствующих изменений и дополнений. Важно отметить, что изменения и дополнения могут предусматривать принятие Конституции в новой редакции.

Новая Конституция может быть принята по инициативе 300 тыс. избирателей, Президента, а также 2/3 от общего числа депутатов Жогорку Кенеша на референдуме, назначаемом Президентом. В данном случае Конституция также принимается путём проведения всенародного голосования.

Таким образом, опыт соседних государств показывает: преобладающим способом принятия новой Конституции является проведение республиканского референдума. При этом в рассмотренных Основных Законах нашли своё отражение нормы, закрепляющие процедуру принятия нового акта, а не только внесения изменений и дополнений.

Теперь обратимся к опыту других зарубежных государств.

С 2 октября 1990 г. на территории Германии стал действовать единый Основной Закон. Что касается внесения конституционных поправок, то они, согласно ст. 79 Основного Закона, могут быть внесены только законом, который специально изменяет или дополняет его текст. Такой закон для придания ему юридической силы требует одобрения 2/3 Бундестага и 2/3 Бундесрата. Не допускаются изменения Основного Закона, которые затрагивают разделение ФРГ на земли, а также принципы участия земель в законодательстве и принципы, закреплённые в ст. ст. 1 и 20 (например, принципы неприкосновенности и достоинства человека, разделения властей).

Обратим внимание также на то, что Основной Закон закрепляет полномочия законодателя лишь на его изменение, но никак не на отмену.

Исходя из этого, следует, что данное ограничение включает в себя не только запрет на отмену Основного Закона в целом, но и на внесение изменений, которые по своей сути отменяли бы идентичность исторически конкретного строя, вытекающего из содержания Основного Закона.

Конституция Республики Индия является одной из самых объемных из существующих в мире, что является её отличительной чертой. За весь практически вековой период существования индийской Конституции она подвергалась изменениям свыше 500 раз. Исходя из содержания ст. 368 Конституции Индии, практически во все статьи поправки могут быть внесены при их принятии квалифицированным большинством союзного Парламента, а именно большинством не менее  $\frac{2}{3}$  от присутствующих и участвующих в голосовании членов обеих палат, которые должны составлять большинство всего состава палаты. Особое внимание следует уделить тому, что Конституция предоставляет Парламенту полномочия изменять ряд положений простым большинством голосов, непосредственно указывая в самой Конституции факт «неотнесения» данных поправок к Основному Закону. О гибком характере индийского Основного Закона свидетельствует то, что он наделил Парламент правом дополнять его положения текущим законодательством. Четкая процедура принятия нового Основного Закона в Конституции Индии не содержится.

Конституция КНР 1982 г. была принята Всекитайским собранием народных представителей на его 5 сессии 5 созыва 4 декабря 1982 г. Она была разработана на основе всенародного обсуждения. Можно говорить о том, что она является наследницей основных принципов Конституции КНР 1954 г., но при этом в ней обращается внимание на обобщение опыта развития китайского социализма и включение в ее текст опыта мирового сообщества.

Внесение каких-либо изменений в Основной Закон КНР осуществляется по предложению Постоянного комитета ВНСП, в который входят председатель, его заместитель, начальник секретариата и иные члены, или же  $\frac{1}{5}$  числа голосов депутатов ВНСП. Для принятия поправок необходимо одобрение квалифицированным большинством ( $\frac{2}{3}$ ) голосов всех депутатов ВНСП. Данный Основной Закон также не содержит четко регламентированного порядка принятия нового конституционного акта.

Проводя параллели между конституциями постсоветских и иных зарубежных государств, следует вывод, что для первых является наиболее характерным закрепление в той или иной форме порядка принятия нового основного закона. В иных же зарубежных государствах предпочитают не

регламентировать процедуру принятия нового акта, а прямо прописывать процедуру внесения изменений и дополнений. Зарубежная практика также показывает, что есть возможность не принимать новый акт, а ограничиться внесением постоянных поправок в акт, который был принят в начале или середине прошлого века.

Резюмируя вышесказанное, следует подумать о возможном включении в дальнейшем в Конституцию Республики Беларусь норм, определяющих порядок принятия Основного Закона. Данная процедура видится проводимой в виде республиканского референдума, который считался бы состоявшимся при явке не менее 50 % от граждан, имеющих право принимать участие в этом важном для государства событии, а сама Конституция в таком случае была бы принята при положительном волеизъявлении более половины от принявших участие в голосовании граждан. Такой подход является целесообразным с учетом белорусского опыта по созданию и дальнейшему совершенствованию законодательных актов, а также ввиду подобного опыта на постсоветском пространстве. При этом важно помнить о нормах, носящих фундаментальный характер для сохранения белорусской государственности, ввиду чего при внесении поправок касаясь процедуры принятия нового акта целесообразным будет являться указание на неизменность таких норм (например, норм о белорусском суверенитете, территориальной целостности и др.).



## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                                                   |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Балащенко А. С. Постмортальная репродукция: правовое регулирование и проблемные аспекты .....                                                                                     | 3  |
| Браусов А. Д. Понятие и признаки цифрового суверенитета.....                                                                                                                      | 7  |
| Буйко О.Ю. О некоторых проблемных вопросах местного самоуправления в Республике Беларусь .....                                                                                    | 15 |
| Варсоба М. С. Эйблизм и трудовые права лиц с инвалидностью в Республике Беларусь.....                                                                                             | 22 |
| Василевич А. Д. О законодательстве об искусственном интеллекте .....                                                                                                              | 27 |
| Герасимчик А. О. Этапы и особенности становления президентской власти в Кыргызской Республике.....                                                                                | 29 |
| Гончар Н. А. Права человека в эпоху искусственного интеллекта .....                                                                                                               | 37 |
| Грядовкин В. О. Президент Республики Беларусь и Всебелорусское народное собрание: распределение полномочий .....                                                                  | 43 |
| Иванощук М. С. Конституционно-правовой статус человека и гражданина на постсоветском пространстве: общие тенденции и различия .....                                               | 45 |
| Кабаков Д. П., Кукета А. К. Диалог народных представителей с гражданами: проблематика и перспективы развития.....                                                                 | 53 |
| Кочерва З. О. Проблемы правового регулирования противодействия психологическому насилию над детьми .....                                                                          | 55 |
| Кузьменкова Т. Н. Информационная безопасность в структуре правового статуса личности .....                                                                                        | 62 |
| Кукета А. К. Право на информационное самоопределение .....                                                                                                                        | 70 |
| Мартьянова А. А. Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Республике Беларусь .....                                                                                  | 72 |
| Минчуков А. Д. Понятие и виды судебного конституционного контроля в Республике Беларусь .....                                                                                     | 76 |
| Модзелевская Ю. А. Сравнительно-правовой анализ конституционного статуса личности по Конституции Республики Беларусь 1994 года и Конституции Словацкой Республики 1992 года ..... | 82 |
| Никитин Н. К. О праве граждан на обращение в Конституционный Суд Республики Беларусь .....                                                                                        | 86 |

|                                                                                                                              |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Новик А. Г. Искусственный интеллект и его использование в избирательном процессе .....                                       | 89  |
| Пашкевич М. С. Особенности новой конституции Марокко 2011 г. ....                                                            | 92  |
| Песоцкая М. Н. Институт конституционной жалобы в Республике Беларусь: перспективы развития .....                             | 97  |
| Попович Е. В. Врачебная тайна как гарантия права на невмешательство в частную жизнь .....                                    | 101 |
| Рогачевская Д. С. Антидискриминационные нормы в конституционном праве: запрет на ношение никаба и паранджи в Швейцарии ..... | 106 |
| Рогачевская Д. С. Статус избирателя в современных условиях .....                                                             | 110 |
| Саевич А. П. Взаимодействие правительства и ассоциаций местного самоуправления: опыт Скандинавских государств .....          | 116 |
| Чуйкевич К. А. Цифровые права – новое поколение прав человека или их адаптация? .....                                        | 120 |
| Шавцова А. В., Гаджиев Р. О. К вопросу о наименовании актов Всебелорусского народного собрания .....                         | 124 |
| Шавцова А. В., Дятко М. Д. Правовые основы электронного голосования .....                                                    | 128 |
| Шидловский В. А. Высший приоритет в государственном управлении: интересы личности или государства? .....                     | 135 |
| Яковенко К. Н. К вопросу о порядке принятия Конституции Республики Беларусь .....                                            | 138 |